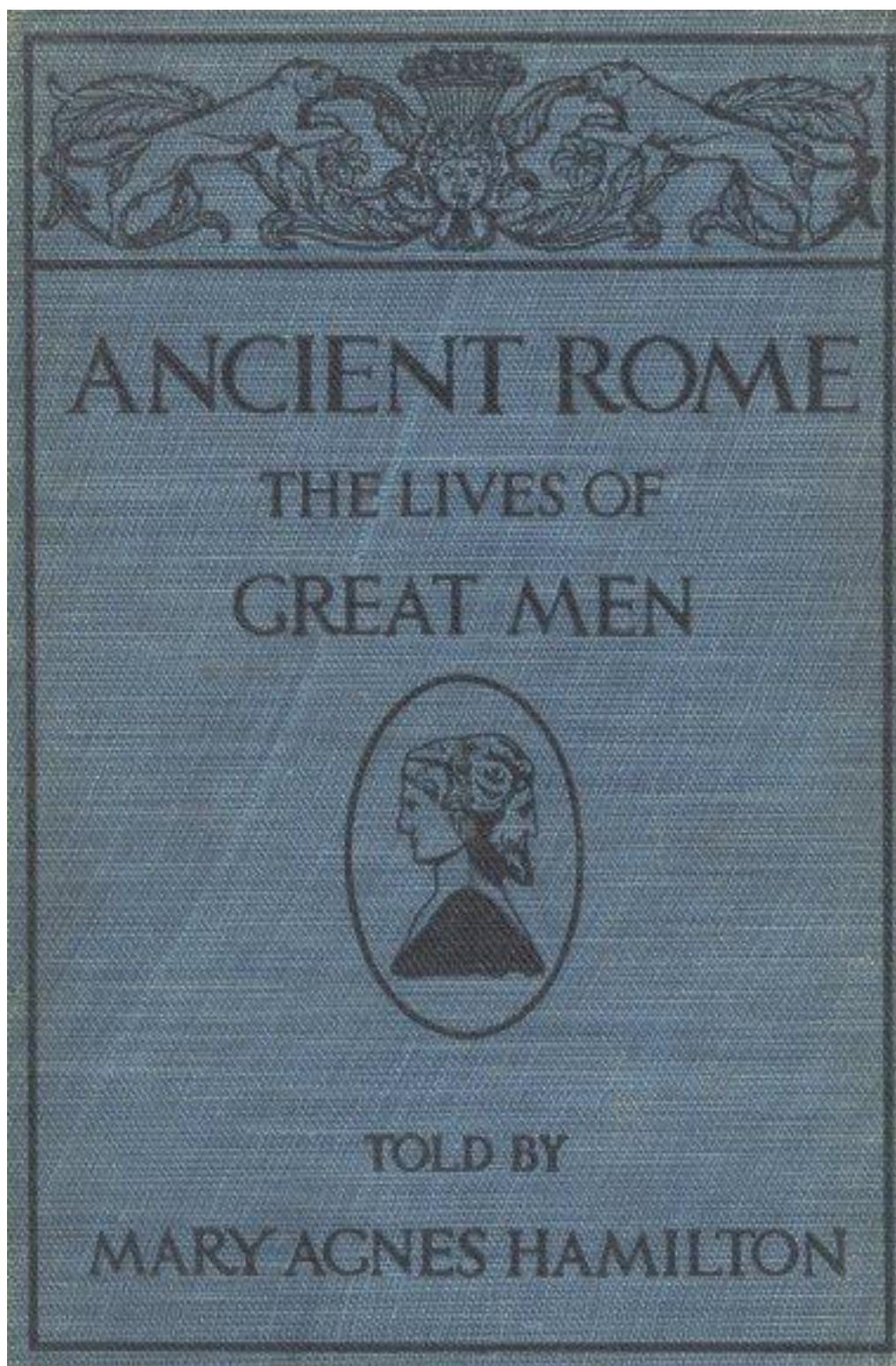

Древний Рим. Жизнь великих людей

Мэри Агнес Гамильтон

The Project Gutenberg eBook of Ancient Rome: The Lives of Great Men

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Ancient Rome: The Lives of Great Men

Автор: Мэри Агнес Гамильтон

Дата выхода: 3 октября 2010 [eBook #34025]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

Аккредитивы: Продюсеры: Луиза Хоуп, Д Александр, Джульет Сазерленд, Хокон Хоуп и команда онлайн-распределенной корректуры на <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ДРЕВНИЙ РИМ: ЖИЗНЬ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ ***

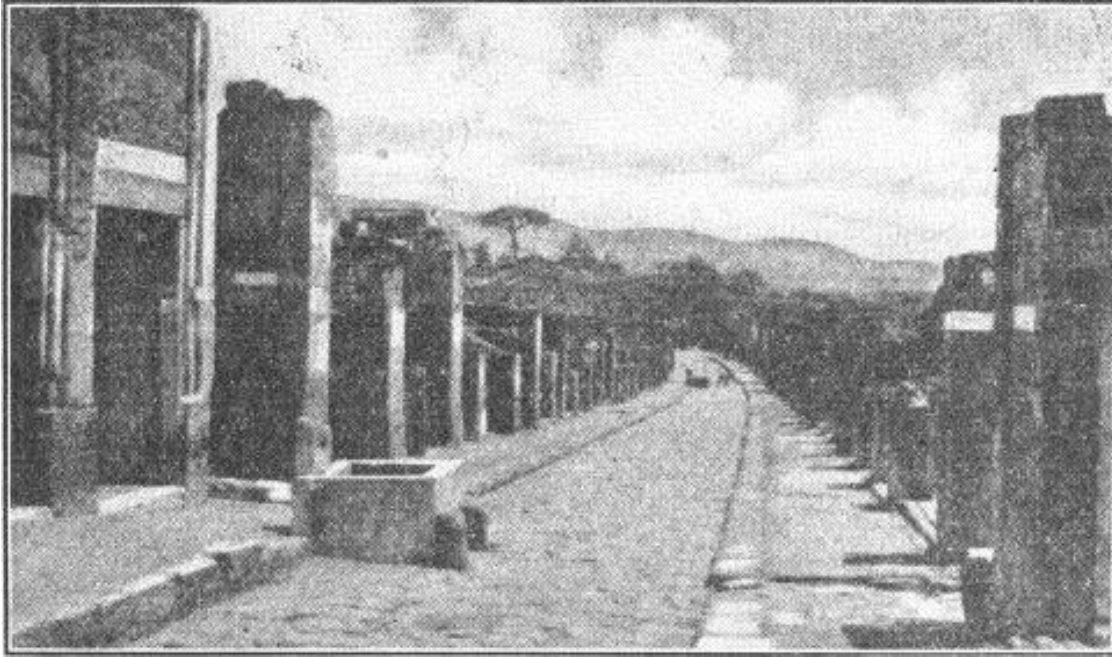
В этом тексте используется кодировка UTF-8 (Unicode). Если апострофы и кавычки в этом абзаце выглядят как мусор, возможно, у вас несовместимый браузер или недоступные шрифты. Во-первых, убедитесь, что "набор символов" или "кодировка файла" в вашем браузере установлены на Unicode (UTF-8). Также может потребоваться изменить шрифт по умолчанию.

Типографские ошибки отображаются в тексте с помощью всплывающих окон при наведении мыши. Слово "невидимый" означает, что в тексте есть пустое место соответствующего размера, но нет ни одного печатного символа.

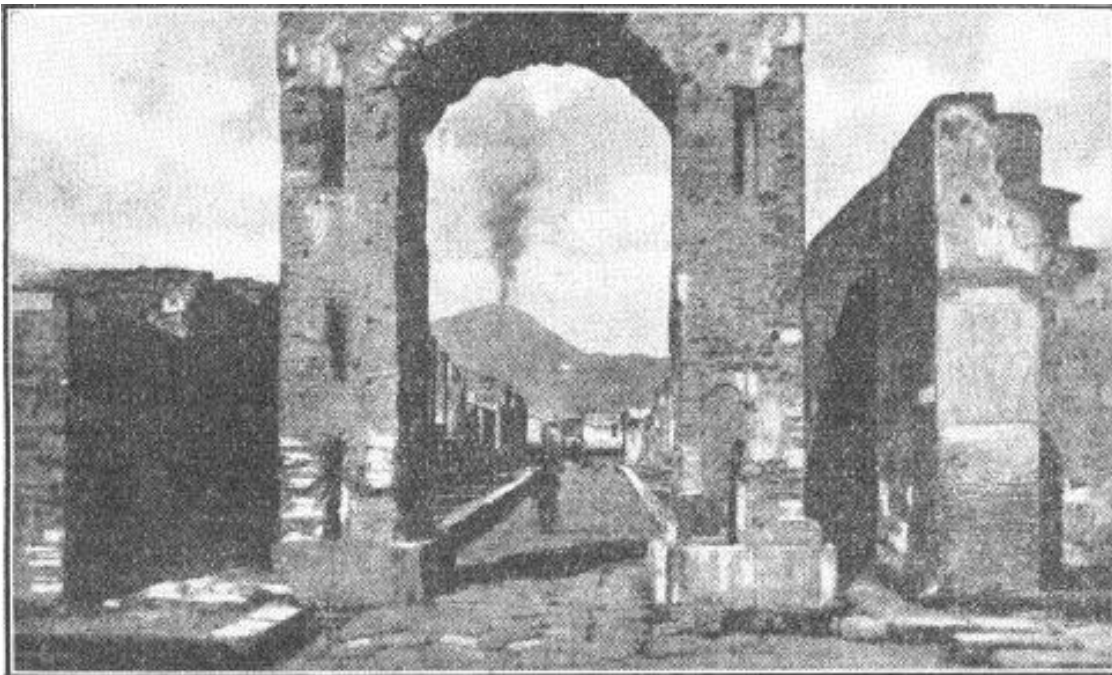
[Содержание](#) (добавлено транскриптором)

[Список иллюстраций](#)

[Жизни великих людей](#)

РУИНЫ РИМСКОГО ГОРОДА

ПОМПЕИ

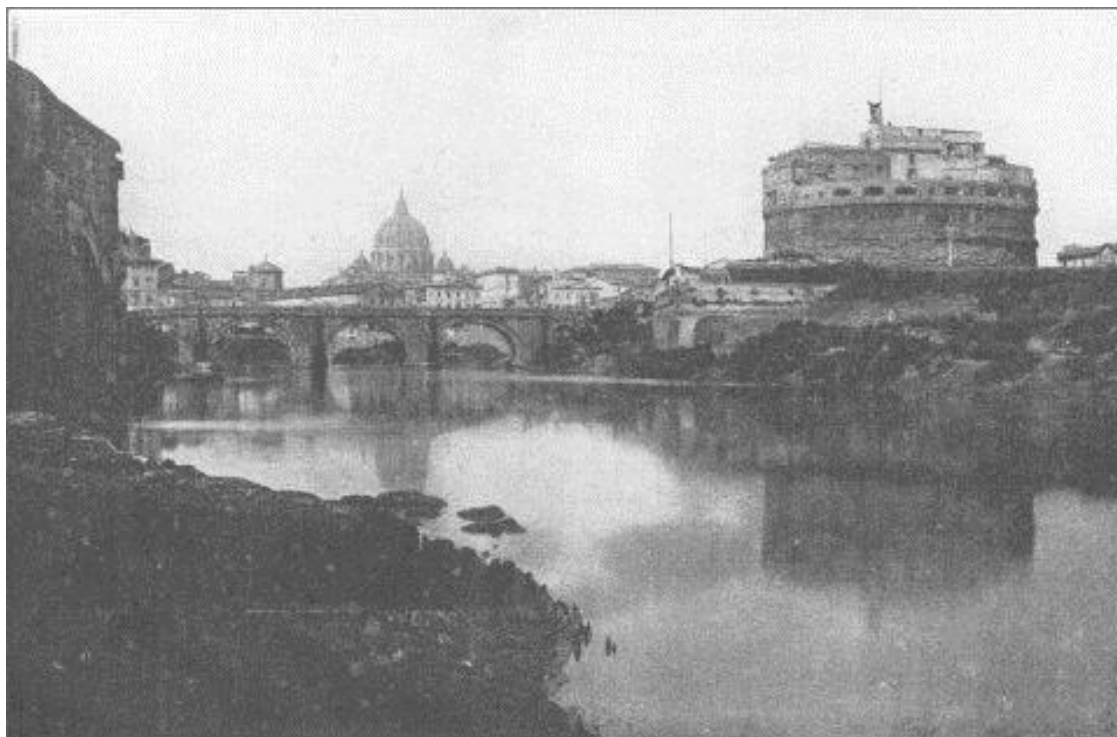
ДРЕВНИЙ РИМ

Жизнь великих людей

рассказано Мэри Агнес Хэмилтон

Брут и Таркин - Лукреция - Муций - Клолия - Регул
Марк Курций - Кориолан - Волумния - Пирр
Фабриций - Гамилькар - Ганнибал - Фламиний - Фабий
Марцелл - Сципионы - Гракхи - Катон - Марий
Друз - Сулла - Митридат - Лукулл - Помпей
Красс - Цицерон - Цезарь

ОКСФОРД
В КЛАРЕНДОН ПРЕСС
Лондон Эдинбург Глазго Копенгаген
Нью-Йорк Торонто Мельбурн Кейптаун
Бомбей Калькутта Мадрас Шанхай
ПРЕССА ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Хамфри Милфорд
1922

РИМ И ТИБР

СОДЕРЖАНИЕ

(добавлено транскриптором)

- I ВВЕДЕНИЕ: Народ и город Рим
- II Ранние герои
- III Великие враги Рима

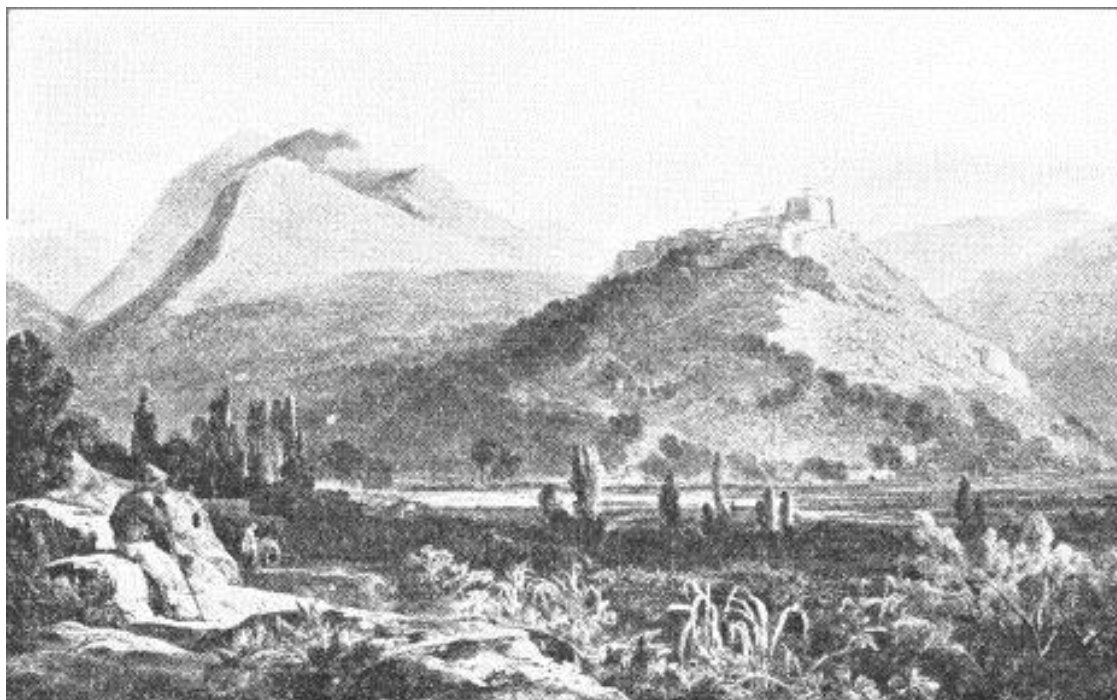
- IV Сципионы
- V Гракхи
- VI Катон Цензор
- VII Кай Марий и Луций Корнелий Сулла
- VIII Новый Рим
- IX Луций Лициний Лукулл
- X Цней Помпей
- XI Марк Лициний Красс
- XII Марк Туллий Цицерон
- XIII Кай Юлий Цезарь

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
Руины римского города - Помпеи	1
Рим и Тибр	2
Холмы вокруг фермы Горация. По рисунку Э. Лира	5
Лар, или Бог домашнего очага	7
Этрусский солдат. (Британский музей)	12
Римский легионер. (Британский музей)	13
Лакус Куртиус. Восстановлен. (Из К. Хельсена, <i>Das Forum Romanum</i> . Maglioni and Strini, Рим)	17
Пирр. (По фотографии Рихтера и Ко, Неаполь)	25
Опустошение Карфагена в наши дни. (С фотографии профессора Дж. Л. Майреса)	30
Карфагенская жрица. (Из книги " <i>Карфаген финикийцев</i> ", с разрешения г-на В. Хайнемана)	31
Изображения из Помпеи, имитирующие морское сражение	32, 33
Большой перевал Сен-Бернар (с фотографии Ф. Дж. Холла)	37
Тразимена. (С фотографии Алинари)	40
Шлем, найденный на Каннском поле. (Британский музей)	43
Монета победы	47

Сципион Африканский	49
Трагические и комические маски	58
Костюм. Римская тога. (Британский музей)	65
Сложная лампа. Чтобы показать роскошь более поздних времен	69
Гробница римской семьи, чтобы показать простоту одежды. (По фотографии Алинари)	74
Пахота. Терракотовая группа. (<i>Журнал эллинских исследований</i>)	75
Святилище Лара из дома в Помпеях	77
Аристократ, раздающий ларджес; рыбак; богатая матрона; пастушка. (Капитолийский музей)	80-3
Трофей победы. (Капитолийский музей)	84
Сулла, с монеты	89
Митридат, с монеты	92
Охота на кабана. (Капитолийский музей)	96
Сцена из трагедии. Терракотовый рельеф	97
Кузница и мастерская резчика. (С надгробия римского резчика Л. Корнелия Атимета)	98, 99
Письменные принадлежности. (Британский музей)	101
Помпеи	109
Ваза в форме галеры	111
Триумф, с рельефа Империи. (Капитолийский музей)	114
Римская вилла на побережье	116
Фракийский гладиатор	125
Ородес Парфянский	128
Цицерон	131
Арпинум, место рождения Цицерона. (С фотографии Алинари)	132
Юлий Цезарь. (Из драгоценного камня в Британском музее)	142
Юлий Цезарь. (Из бюста в Британском музее)	143
Подчинение племен, с рельефа. (Капитолийский музей)	150
Шлем римского легионера, найденный в Британии. (Британский музей)	151

Алесийские высоты	152
Марк Антоний, с монеты	153
Клеопатра, с монеты	156
Римская монета в честь убийства Цезаря	157
Урна для погребения	159
Римский водонос с шкурой для воды на спине	160

ХОЛМЫ ВОКРУГ ФЕРМЫ ГОРАЦИЯ
с рисунка Э. Лира

I ВСТУПЛЕНИЕ

Народ и город Рим

Более двух тысяч лет назад, когда люди на Британских островах и в большинстве стран Западной Европы жили жизнью дикарей, занимались борьбой, охотой и рыбной ловлей, ютились в грубых хижинах, одевались в шкуры, не зная всего того, что мы называем цивилизацией, Рим был центром мира, во многом столь же цивилизованного, как и наш, над которым властвовал римский народ. Люди, жившие в этом городе, построенном на семи холмах на берегу Тибра, постепенно завоевали всю Италию. Затем они стали хозяевами земель вокруг Средиземного моря: Северной Африки и Испании, Греции, Египта, Малой Азии и Ближнего Востока, а также Западной Европы. Однако величие Рима и римского народа

закljučается не в их завоеваниях. В конце концов, завоевания их погубили. Оно заключается в характере, уме и воле самих римлян.

В истории древнего мира римляне играли ту же роль, что и люди нашей расы в истории современного мира. Они, как и мы, знали, как управлять: как управлять собой и как управлять другими людьми. И по сей день многое в наших законах и в нашей системе управления несет на себе печать римлян. Они были великими воинами и умели завоевывать: они также умели удерживать и сохранять свои завоевания и накладывать печать Рима на все народы, над которыми они правили. Их печать до сих пор лежит на нас. Многие из того, что сегодня входит в нашу обычную жизнь, пришло к нам от них: в свое время они жили жизнью, мало похожей на нашу сегодняшнюю. И во многих отношениях римский характер был похож на британский. Мы можем видеть недостатки римлян, если не можем видеть свои собственные; мы также можем видеть и достоинства. Оглядываясь на них через расстояние времени, оценивая их по их делам и по тому, что осталось нам от их трудов, мы также можем увидеть, как смесь недостатков с достоинствами объясняет падение и подъем великой державы Рима.

ЛАР, или
Домашний Бог

Римляне были людьми действия, а не мечтателями. Их больше интересовали дела, чем их понимание. Это были люди сильной воли и холодного ума, которые смотрели на мир так, как они его видели, и, по большей части, не задумывались о том, как и почему он появился. Он был создан для того, чтобы им править. Именно это их и интересовало. Идеи они в основном черпали у других людей, особенно у греков. Получив их, они могли использовать их и превратить в нечто свое. Но они не отвлекались на размышления об идеях. Их религия была религией практичных людей. В поздние времена Рима лишь немногие образованные люди верили в богов. Но все церемонии и праздники были посвящены им, и в их честь возводились великолепные храмы, в которых, как предполагалось, обитали их духи. В старину в каждом римском доме были свои изображения - Ларес и Пенаты, за которыми ухаживал и охранял глава семьи. С этой должностью была связана священная власть главы

семьи - paterfamilias. Его слово было законом для членов семьи. И город Рим стоял перед своими гражданами на месте paterfamilias. Первыми законами жизни римлянина были его долг перед отцом и государством. Они имели абсолютное право требовать от него все, что он мог дать. Кодекс чести римлянина, как и англичанина, основывался на этом чувстве долга. Человек должен быть достоин своих предков и Рима. Его собственная жизнь была короткой и без чести ничего не значила; жизнь Рима продолжалась.

Мужество, преданность долгу, сила воли, великая сила молчания, чувство справедливости, а не сочувствия в отношениях с другими людьми - вот характерные римские добродетели. Римлянин был горд: он имел высокое представление о том, что причитается ему самому. Это было основой, из которой вырастали другие его качества, хорошие и плохие. Гордые люди не склонны понимать слабости других людей или ценить добродетели, отличные от их собственных. Поэтому недостатками римлян были твердость, иногда доходящая до жестокости как в действиях, так и в суждениях; отсутствие воображения; слепота к тому, что в жизни нельзя увидеть или измерить. Они были скорее справедливы, чем великодушны. Они топтали побежденных и презирали то, чего не могли понять. Они поклонялись успеху и мало заботились о человеческих страданиях. Однако в этом они были честны. Сентиментальность не была римским пороком, как и лицемерие. Когда после восточных завоеваний Лукулла и Помпея в город хлынули огромные богатства, простота старой римской жизни была разрушена, и люди стали заботиться только о роскоши, показухе и всех видимых признаках власти. Они открыто говорили об этом: не притворялись, что их действительно волнуют другие вещи, и не говорили о "бремени империи".

Герои римской истории - люди действия. Проходя перед нами, насколько мы можем видеть их лица, слышать их голоса, знать их сущность из историй, записанных теми, кто записывал их в то время или позже, эти люди во многих отношениях поразительно похожи на людей нашего времени, хороших и плохих. На них лежит многовековая пыль. Их кости рассыпались в прах. И все же в каком-то смысле они живут и движутся среди нас. Между ними и нами лежат не только века, но и великий поток разрушения, который сметал древний мир, разрушал его так, что последующим людям приходилось строить дом цивилизации заново, камень за камнем, с фундамента. Римский мир был уничтожен варварами. На сотни лет та жизнь, которой жили люди в Риме, полностью исчезла, и казалось, что сами записи о ней потеряны. Постепенно, шаг за шагом, история была собрана воедино, и перед нами предстали люди двухтысячелетней давности: мы видим их через пропасть. Лица тех, кто относится к самой ранней истории Рима, довольно тусклые. Но и они помогают нам понять, какими были римляне. Мы узнаем о народе по тем людям, которых он выбирает своими героями, о которых отцы рассказывают истории своим детям. Они показывают, какими поступками и качествами они восхищаются: какими людьми они пытаются быть.

II

Ранние герои

Самые древние римские истории рассказывают о приходе из-за морей людей, которые впоследствии населяли город. Они рассказывают об основании первого города вокруг Семи холмов, о царях, особенно о семи последних, которые правили народом, пока за свои проступки не были изгнаны, а само имя царя стало ненавистным для римлян. Также есть много рассказов о войнах между жителями Рима и соседями, жившими вокруг них на равнинах Лациума и на холмах Этрурии и Самниума; о жестоких сражениях с галлами, которые время от времени обрушивались на Италию с гор на севере.

В этих историях не так много того, что можно считать реальной историей. Но они помогают нам понять, какими хотели быть римляне, показывая, какие картины они перед собой ставили.

В более поздние времена римляне научились сильно восхищаться всем, что пришло из Греции. Греки были великим правящим народом, когда Римского государства еще не существовало, и от них было заимствовано многое в жизни и мышлении римлян. Им нравилось думать, что первые поселенцы на берегу Тибра пришли из более древнего и прекрасного мира, чем мир других племен, обитавших в Италии. Они рассказывали, как после великой осады Трои греческими героями Эней, один из троянских вождей, бежал из разрушенного города за море, неся на плечах своего отца и домашних богов, и после многих приключений и некоторого времени, проведенного в великом городе Карфагене на африканском побережье, пришел с несколькими надежными спутниками к берегам Лациума и основал там новый дом.

Потомки Энея правили своим народом как цари. Однако в более поздние времена римляне, считавшие, что все граждане свободны и равны, возненавидели имя царя. Рим был республикой: его правление осуществлялось людьми, избранными гражданами из своей среды, и собраниями, в которых могли принимать участие все граждане. Первым долгом каждого гражданина была республика: ее требование к нему стояло выше всех других требований.

История падения последнего царя и Луция Юния Брута, одного из первых консулов, как называли главных магистратов новой республики, ясно показывает, как далеко могла зайти в сознании римлян идея долга перед республикой.

Брут и Тарквиний

Последним царем Рима был Таркин Гордый. Его жестокое правление и наглость бессердечия его семьи, особенно сына Секста, привели к изгнанию из Рима и прекращению царской власти. Секст хитростью пробрался в город Габии, но не знал, как сделать себя хозяином. Ему удалось послать гонца к отцу. Было лето. В саду, где гулял король, длинными рядами росли маки - белые и пурпурные. Таркин ничего не сказал гонцу: только на ходу сбивал своим посохом головки самых высоких маков, одну за другой, не говоря ни слова. Секст, когда гонец вернулся и описал ему поступок отца, все понял. Он безжалостно предал мечу главных людей Габиев.

Именно проступки этого Секста привели к гибели гордого дома Тарквинов. Он пытался навязать свою жестокую любовь прекрасной Лукреции, жене своего двоюродного брата Коллатина, и так опозорил ее, что, рассказав мужу, как ее обидели, Лукреция покончила с собой на его глазах и на глазах его друга Брута. Разгневанные до глубины души, Коллатин и Брут дали великую клятву изгнать дом Тарквина из Рима и отныне не позволять никакому царю править свободными жителями города. Когда они рассказали своим согражданам о том, как Секст обидел Лукрецию, дочь одного из самых гордых семейств города, и напомнили им о притеснениях и несправедливости, которые все они терпели от рук его семьи, ведущие люди Рима поднялись и изгнали Тарквинов. Город был провозглашен навечно республикой, которой будет править не один человек, а воля и благо всех свободных людей, живущих в нем. Однако нашлись и те, кто встал на сторону Тарквина и попытался вернуть его. Среди них были два сына Брута. Их схватили, привели на суд и, как и остальных, приговорили к смерти. Судьей был Брут. Хотя они были его сыновьями и он любил их, он осудил их бесстрашно. Без всякого выражения чувств он смотрел, как они идут на смерть.

Поступок, за который он осудил бы другого человека, казался ему не менее преступным, когда его совершили его собственные дети.

Смерть Лукреции

Они пытались успокоить ее горе, возлагая вину не на невольную жертву, а на виновника преступления. "Грешит разум, - говорили они, - а не тело. Где нет умысла, там нет и вины". "Это вам, - ответила она, - решать, какое наказание ему положено; я оправдываю себя, но не освобождаюсь от наказания; ни одна женщина, живущая после потери чести, не будет ссылаться на пример Лукреции". Затем она взяла нож, который прятала под платьем, вонзила его в сердце и упала, вскоре скончавшись. Ее муж и отец произнесли торжественную заупокойную молитву.

Пока остальные были заняты оплакиванием, Брут вытащил нож из раны, держал его перед собой и восклицал: "Клянусь этой кровью, чистой и неоскверненной перед возмущением принца, и призываю вас, боги, в свидетели, что я покараю Луция Тарквиния Суперба, его нечестивую жену и всех его детей огнем и мечом до предела моих сил, и не позволю ни им, ни кому-либо другому править в Риме". После этого он передал нож Коллатину, а рядом с ним Лукрецию и Валерию, все они были поражены Брутом и недоумевали, чем объясняется его новый дух власти. Они принесли клятву, как он велел, и, полностью сменив горе на гнев, повиновались его призыву следовать за ним и немедленно покончить с царской властью.

Тело Лукреции вынесли из дома и понесли на Форум; народ, как и положено, толпился вокруг, удивляясь этому странному и жестокому зрелищу и громко осуждая преступление Тарквиния. Они были глубоко тронуты скорбью отца, а еще больше - словами Брута, который осуждал их слезы и пустые причитания, призывая их поступить как мужчины и римляне, взяв в руки оружие против общего врага".

Ливий, i. 58. 9-59. 4.

ЭТРУССКИЙ СОЛДАТ
из бронзы Brit. Mus. bronze

Тот же дух проявили Кай Муций и дева Клоэлия, а также многие другие во время долгих и ожесточенных войн, которые последовали за этим. Таркин нашел убежище у Ларса Порсены, царя этрусков, который делал вид, что хочет восстановить его, а на самом деле желал подчинить римский народ своему правлению. Порсена осадил город, и жители оказались в тяжелейшем положении. Молодой человек по имени Кай Муций решил убить Ларса Порсену. Ему удалось пройти сквозь ряды врагов и пробраться в их лагерь. Там он увидел человека в пурпурной одежде, которого принял за Ларса Порсену. В самое сердце он вонзил кинжал, который прятал под складками своей тоги. Человек упал замертво. Но это был не король. Перед Ларсом вынесли Муция, и он сказал ему: "Я римлянин, меня зовут Кай Муций. В Риме есть сотни молодых людей, которые, как и я, решили лишиться тебя жизни или погибнуть при попытке. Ты можешь убить меня, но от них всех тебе не спастись". Порсена потребовал назвать имена остальных: Муций отказался говорить. Когда Порсена сказал, что заставит его

говорить под пытками, Муций лишь улыбнулся. На алтаре горел огонь. Чтобы доказать союзнику Тарквина, из какого материала сделаны римские юноши, он сунул правую руку в пламя и держал ее так, не дрогнув, пока плоть не обуглилась. Таким, как он показал царю, был дух Рима.

Муций: Дух Рима

РИМСКИЙ ЛЕГИОНЕР

с бронзовой фигуры из Brit. Mus. bronze

Муций бежал сквозь испуганную толпу, которая рассыпалась перед его окровавленным кинжалом, когда, вызванные криками, стражники короля схватили его и потащили назад. Стоя в беспомощном состоянии перед троном, но даже в таком отчаянном положении более грозный, чем испуганный, он воскликнул: "Я римский гражданин, мое имя - Кай Муций. Моей целью было убить врага моей страны; у меня столько же мужества умереть, сколько и убить; римлянин должен быть готов к великим подвигам и великим страданиям. Не один я дерзнул нанести этот удар; за мной стоит длинный ряд товарищей, стремящихся к той же чести. Поэтому, если хочешь, готовься к борьбе, в которой ты будешь сражаться за свою жизнь каждый час дня и держать меч врага у дверей своего дворца. Такова война, которую мы, молодежь Рима, объявляем против вас. Тебе не нужно бояться армий и сражений, ты сам

встретишься с нами один на один". Когда король, разгневанный и напуганный, пригрозил бросить его в огонь, если он не объяснит туманные намеки на убийство, он ответил: "Видишь, как ничтожно тело для тех, чей взор устремлен к славе". С этими словами он положил правую руку на мангал, уже зажженный для жертвоприношения, и дал ей гореть, слишком решительно, как казалось, чтобы чувствовать боль. Тогда Порсена, пораженный этим зрелищем, приказал отвести Муция от алтаря и воскликнул: "Сгинь, твой собственный отчаянный враг, более чем мой. Я желал бы добра твоей доблести, если бы эта доблесть была на стороне моей страны. А так я отправляю тебя отсюда невредимым и свободным от наказаний войны".

Ливий, ii. 12. 8-14.

Позже в той же войне римляне были вынуждены дать заложников, двадцать четыре мужчины и девицы. Клоэлия, высокородная девица, посланная среди них, сбежала ночью и верхом на лошади переплыла через пенящийся Тибр в Рим. Но поскольку она была отдана в качестве заложницы, а вера, данная однажды, была священна, римские вожди отправили ее обратно.

Героизм Клоэлии

Награда за героизм Муция вдохновила и женщин на стремление завоевать почет у народа. Дева Клоэлия, одна из заложниц, ускользнула от дозорных этрусского лагеря, разбитого у Тибра, и под ливнем снарядов переплыла реку, ведя за собой группу девушек, которых она вернула в целости и сохранности своим семьям в Риме. Когда Порсена узнал об этом, он сначала разгневался и отправил в город посланников с требованием вернуть ему заложницу Клоэлию; об остальных он не стал распространяться. Затем, сменив гнев на восхищение, он сказал, что ее подвиг превзошел все, совершенные Горацием или Муцием, и заявил, что будет считать договор нарушенным, если заложница не сдастся, но если она сдастся, то он отправит ее невредимой обратно к ее народу. Вера была сохранена с обеих сторон; римляне вернули гарантию мира в соответствии с условиями договора, а царь не только защитил, но и почтил героиню, подарив ей половину заложников и велел выбирать по своему усмотрению. Рассказывают, что когда их привели к ней, она выбрала самого молодого, что было одновременно и похвалой ее скромности, и единодушным желанием остальных освободить в первую очередь тех, чей возраст делал их наиболее беспомощными. После восстановления мира римляне отметили этот беспримерный героизм женщины честью, также беспримерной, - конной статуей. Она была установлена на вершине Священного пути - дева, сидящая на коне.

Ливий, ii. 13. 6-11.

Тот же высокий нрав и непоколебимое чувство чести двести лет спустя в еще более великолепном виде продемонстрировал Атилий Регул.

Регул

В первой войне с Карфагеном (255 г. до н. э.) Регул, римский полководец, потерпел тяжелое поражение и попал в плен вместе с большей частью своей армии. Вскоре после этого римский флот был уничтожен страшной бурей. Тем не менее, события кампании следующего года пошли против карфагенян. Они решили предложить мир и с этой целью отправили посольство в Рим. С этим посольством был отправлен Регул с условием, что если ему не удастся склонить своих соотечественников к миру и договориться об обмене пленными, то он вернется в Карфаген, где, как он прекрасно знал, его непременно ждет ужасная участь. Тем

не менее, несмотря на призывы жены и детей, Регул убеждал своих соотечественников не заключать мир. Его тело могло принадлежать захватившим его карфагенянам, но дух его был римским, и ни один римлянин не мог призвать своих соотечественников смириться с поражением и отказаться от борьбы до победы. Верный своей клятве, он вернулся в Карфаген и там был подвергнут страшным пыткам. Ему отрезали веки и выставили на всеобщее обозрение под солнечными лучами. Но история его преданности осталась в памяти его соотечественников, и Гораций, один из их великих поэтов, позже вложил ее в строки нетленного стиха.

Честь Регула

Такого падения опасалась прозорливая душа Регула, когда он отказался согласиться на бесчестные условия и заявил, что прецедент будет роковым в будущем, если пленники не умрут без сожаления. Я видел наших орлов на карфагенских святынях и оружие наших солдат, сданное без кровопролития; я видел оружие, связанное за спиной свободных, и ворота, открытые для безопасности, и земли, возделанные нашими армиями впустую. Думаете ли вы, что солдат, выкупленный золотом, вернется более храбрым? Вы лишь добавляете потерю к позору. Шерсть, испорченная краской, никогда не обретает прежней чистоты; так же и истинная храбрость, если она однажды утрачена, не восстанавливается в униженном состоянии. Если олень сражается, освободившись от сетей, то храбрым будет тот, кто сдался вероломному врагу, и тот сокрушит карфагенян во второй схватке, кто без обиды почувствовал стягивающие его руки путы и испугался смерти. Такой человек, не зная, как завоевать жизнь солдата, путает мир и войну. О потерянная честь! О могучий Карфаген, вознесенный позорным падением Италии! Говорят, что он отбросил от себя уста своей добродетельной жены и маленьких детей, перестал быть свободным гражданином и с мрачной решимостью обратил свой взор к земле, пока весом совета, который никто до него не давал, не укрепил колеблющуюся цель отцов, и среди траура его друзья поспешили в благородное изгнание. Однако, зная, что уготовил ему варвар-мучитель, он отбросил враждующих родственников и людей, которые могли бы задержать его возвращение, так же спокойно, как если бы он оставил дело какого-нибудь клиента, наконец-то решенное, и отправился в свое имение в Венефруме или в Тарентум, который построил спартанец.

Гораций, *Од.* iii. 5. 13-56.

Марк Курций

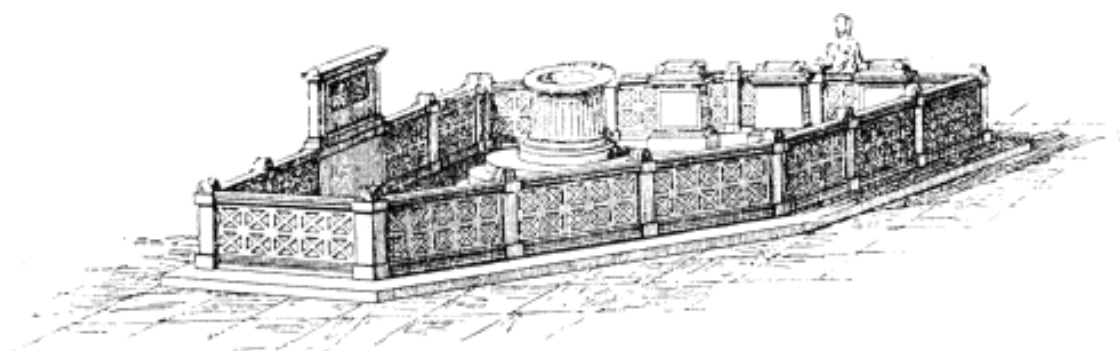
Что было самым ценным достоянием Рима? На этот вопрос великолепный ответ дал Марк Курций. Однажды утром на Форуме - рыночной площади в самом центре города, где велись общественные дела и ежедневно собирались люди, чтобы обсудить политику и послушать речи, - горожане обнаружили, что разверзлась зияющая пропасть. Жрецы заявили, что она не закроется до тех пор, пока в нее не будет брошено самое ценное, чем обладал Рим. Тогда республика станет безопасной и вечной. Некоторое время люди ломали голову, размышляя над смыслом этого мрачного изречения. Марк Курций, юноша, покрывший себя честью во многих сражениях, разгадал загадку. Храбрые люди, сказал он, сделали Рим великим: у города не было ничего столь ценного. Облачившись в полные доспехи и сев на своего боевого коня, он прыгнул в пропасть. Она сразу же закрылась над ним и больше никогда не открывалась.

Преданность Марка Курция

В том же году, как гласит история, посреди Форума открылась пещера безмерной глубины - то ли от толчка землетрясения, то ли от какой-то другой скрытой силы; и хотя все старались,

бросая в нее землю, пропасть никак не могла заполниться, пока, предупрежденные богами, люди не начали спрашивать, что является самым большим сокровищем Рима. Ибо это сокровище, как пророчествовали пророки, должно быть предложено в ней, если римское содружество должно быть безопасным и прочным. Тогда Марк Курций, воин, прославившийся на войне, упрекнул их в том, что они сомневаются, есть ли у римлян какое-либо большее благо, чем оружие и доблесть. Среди всеобщего молчания он предался размышлениям, глядя на Капитолий и храмы бессмертных богов, нависающие над Форумом, и простирая руки то к небу, то к зияющей пропасти, уходящей в нижний мир. Затем, полностью вооруженный и восседая на великолепно убранном коне, погружался в ее глубины, а толпа мужчин и женщин осыпала его кукурузой и другими подношениями. Таким образом, можно предположить, что Курцианское озеро получило свое название от него, а не от Курция Метта, в давние времена знаменитого солдата Тита Тация.

Ливий, vii. 6.

ЛАКУС КУРТИЙ

Восстановлено

В Муции Скаэволе, в Регуле, в Марке Курции и многих других проявляются прекрасные качества старого римского нрава, гордость, мужество, воля, преданность, любовь к своей стране, которая превышала все другие чувства, даже до смерти. Можно увидеть основные черты характера, которые сделали римлян теми, кем они впоследствии стали - завоевателями и законодателями сначала одного города, Рима, затем всей равнины Лациума, на которой стоял этот город: затем, после изгнания варварских захватчиков с севера и греческих захватчиков с юга, всей Италии, а затем и всего известного мира.

Кориолан

Чтобы лучше понять этот характер, можно взглянуть на него под другим углом, изучая человека, в котором эти качества были испорчены присущими им недостатками. Мужество может превратиться в жестокость, гордость - в высокомерие, презрение к другим - в эгоизм и черствость; даже высокая преданность своей стране может быть испорчена, если она превратится в преданность собственному представлению о том, какой должна быть эта страна и как она должна относиться к себе. Тогда это может оказаться простым эгоизмом. Многие люди любят свою страну не такой, какая она есть, а такой, какой, по их мнению, она должна быть. Это может быть хорошим и полезным чувством, если то, какой, по их мнению, она должна быть, зависит не только от их личных желаний и благополучия, но и от благополучия всего народа. Такая любовь к родине заставляет людей постоянно стремиться сделать ее лучше. Но некоторые римляне забыли о благе всего народа. Люди, принадлежавшие к старым семьям, претендовавшие на происхождение от первых поселенцев, называвшие себя "патрициями", то есть отцами государства, были склонны

считать, что то, что они думают, должно быть так: что только они знают, что правильно и хорошо. От них зависело благополучие государства. Они были лидерами в армии и в правительстве. Они не терпели тех, кто говорил, что они не должны решать все в Риме, что их представления о правильном и патриотичном не являются концом дела; тех, кто говорил, что Рим - это не этот класс или тот, а весь народ. Город быстро рос, в него прибывали новые поселенцы, люди, не считавшиеся гражданами, но чье счастье и комфорт зависели от того, как к ним относилось государство. Этих людей, "плебеев", как их называли, многие патриции презирали. Они смотрели на них не как на римлян, а как на существ, которых можно превратить в солдат, когда городу нужны солдаты, а в остальное время они должны молчать.

Недостатки и достоинства патрициев - а почти все герои римской истории принадлежат к патрицианским семьям - хорошо показаны в жизни Кая Марция, прозванного Кориоланом в честь его победы под городом Кориоли.

Взятие Кориоли

Одним из ведущих людей в лагере был Кай Марций, получивший впоследствии имя Кориолан, юноша, одинаково энергичный как в советах, так и в действиях. Римская армия осаждала Кориоли и, занятая своими людьми, запертыми за стенами, не опасалась нападения извне, когда на нее обрушились вольскианские войска из Антиума, и в это же время враг вышел из города. Марций оказался на посту и с несколькими отрядами не только отразил нападение, но и бесстрашно ворвался в город через открытые ворота и, перебив врага в окрестностях, случайно наткнулся на зажженные марки и метнул их в здания, примыкавшие к стене. Тогда крики горожан, смешавшиеся с воплями женщин и детей, которые, как обычно, быстро поднимались при тревоге, ободрили римлян и встревожили вольскианцев, так как они обнаружили, что город, в который они пришли на помощь, находится в руках врага. Таким образом, вольски из Антиума были разгромлены, а Кориоли взяты.

Ливий, ii. 33. 5-9.

Кай Марций принадлежал к одному из старейших и гордых родов Республики. Один из членов этой семьи был одним из семи царей. Его отец умер, когда Кай был еще мальчиком, и он остался на попечении своей матери Волумнии. Волумния была женщиной с благородным характером и тонким умом. В ее доме царил великолепный порядок: все было красиво и в то же время просто. Она хорошо воспитала сына: он преуспел во всех мужских упражнениях, отличался мужеством, которое ничто не могло поколебать, презирал праздность, роскошь и богатство, считал, что единственная жизнь для римлянина - это служение до смерти. Но Волумнии не удалось, как это мог бы сделать отец, обуздать недостатки характера мальчика. Кайус рос упрямым, упрямым и чрезмерно гордым. Лично одаренный умом и телом, он был склонен смотреть свысока на других, менее твердых и решительных. Для себя он устанавливал высокие стандарты честности и мужества и не заботился о том, что думают о нем другие. Среди молодежи, с которой он рос, он был прирожденным лидером: его воля не терпела противоречий. Мало кто осмеливался критиковать или возражать ему. Тех, кто был менее тверд в мыслях, менее смел в поступках, менее безразличен к мнению окружающих, он презирал. Любого, кто не справлялся с мужеством, выносливостью или преданностью, он осуждал без сочувствия.

Еще мальчишкой он получил за храбрость в бою корону из дубовых листьев, которую вручают солдатам, спасшим жизнь товарищу в бою. Во всех сражениях тех тяжелых лет, когда Рим защищался от других италийских народов, Марций всегда был на первом месте. Он не боялся ни усталости, ни опасности: он всегда был в самом пекле боя: сначала как

простой солдат, потом как полководец. На поле боя солдаты обожали его, потому что он разделял все их трудности и всегда вел их к победе. При этом он всегда отказывался от награды в виде денег или богатства. Но когда эти же солдаты вернулись в Рим, Кориолан не испытывал к ним никакой симпатии. Борьба была для него жизнью: он не понимал, почему она не должна удовлетворять каждого, не понимал тягот простого человека, чьи жена и дети остались в жалкой нищете. Кориолан действительно многого не понимал. Его суровый ум осуждал, не понимая жалоб бедняков. Ему казалось, что они думают о себе, а не о Риме. Он не понимал, что к этому их вынуждает тяжелая участь. Его богатство и рождение делали его свободным, но они не были свободны.

Вся земля принадлежала патрициям. Войны делали их богаче, потому что вещи, которые производила их земля, стоили дорого, но бедная семья голодала, пока отец был на войне, не имея возможности зарабатывать, и у них не было денег, на которые можно было бы купить вещи. Приходилось платить налоги - а войны всегда означают большие налоги. Они влезли в долги, а по суровым римским законам должника могли сначала посадить в тюрьму, а потом, если кто-то не помог ему выплатить долг, продать в рабство. Даже у мужчины, служившего в армии, могли конфисковать дом и все небогатое домашнее имущество, которое он оставил дома, потому что он или его жена влезли в долги. Этот суровый закон в конце концов привел к мятежу. Вся армия вышла из Рима и, заняв позицию на Священной горе снаружи, оставалась там до тех пор, пока сенат (правлящий орган государства, состоявший в то время только из патрициев) не согласился, во-первых, изменить суровые законы о долгах, а во-вторых, дать более бедным людям группу людей, которые бы заботились об их интересах. Это были трибуны. Назначение этих трибунов возмутило многих патрициев, и особенно Кориолана. Не понимая страданий народа - сам он всегда был далек от подобных трудностей, принадлежа к богатой и знатной семье, - он считал, что недовольство вызвано болтовней и бездельем. А поскольку в Риме были люди, которые добивались дешевой популярности, постоянно напоминая народу о его несправедливости, ему иногда казалось, что он прав. Трибунов он считал вредными суетниками, чьи болтовня разделяла Рим на две партии. На самом деле партий было две. Кориолан не мог понять, что истинная причина раскола не в том, что говорят трибуны, а в том, что страдает народ. Он не видел иного права, кроме своего собственного, и вся его мощная воля была направлена на то, чтобы довести это право до конца. Уступать ему казалось пассионарностью. Должна была начаться ожесточенная борьба, и она вскоре началась. Кориолан произносил горькие презрительные речи, которые приводили народ в ярость. Они огрызались на его язвительные слова и забывали все его великие деяния. Он становился все более и более непопулярным. Эта непопулярность только усиливала его презрение к народу, который судил о людях по словам, а не по делам. Наконец трибуны обвинили его в том, что он пытается помешать им получить кукурузу, которую им прислал город Сиракузы, и хочет сделать себя правителем в городе. В итоге они потребовали изгнать его из города. Кориолан не стал защищаться. Вместо этого он напал на трибунов и оскорбил народ в выражениях жестокого презрения и пренебрежения. Когда проголосовали за его изгнание, он ополчился на трибунов, заявив, что они заставили его презирать не только их, но и Рим. Он изгнал их: у него был мир в другом месте.

Но хотя Кориолан всегда заявлял, что Рим ему дороже всего на свете и он желает не собственного величия, а величия города, и теперь притворялся, что презирает народ и вынесенный ему приговор, его действия показали, насколько горечь разъела его собственную душу. Он отвернулся от Рима и перешел в лагерь Тулла Ауфидия, вождя народа Антиума, который в то время вел войну против Республики, и готов был помочь ему, чтобы наказать неблагодарных римлян.

От этой страшной акции его спасла мать Волумния. Ее патриотизм был более искренним и бескорыстным, чем его. Вместе с его женой и маленькими детьми она пришла в лагерь, одетая в одежду глубочайшего траура, с пылью на седых волосах, и встала на колени перед сыном, умоляя его не позорить себя, сражаясь против своей страны. Наконец истинное благородство в душе Кориолана пробилось сквозь омрачавшие ее гнев и горечь: он внял мольбам Волумнии, хотя прекрасно понимал, какой ценой это обернется для него самого. Рим был спасен от большой опасности, так как в городе не было полководца, равного Кориолану. Однако сам он был убит по приказу Ауфидия, который вскоре после этого потерпел тяжелое поражение на поле боя. Кориолан сказал своей матери, когда она наконец уговорила его сдаться, что она одержала благородную победу для Рима, но роковую для ее сына. Он был прав. Сами его слова свидетельствовали о том, что в глубине души он осознавал, насколько неправильным и непатриотичным был его поступок; объединившись с врагами Рима, он ясно показал, что любит не свою страну, а собственную гордыню. В конце концов, благодаря Волумнии, он склонил голову. Урок для римлян был очевиден: и в последующие годы он не был забыт. Кориолана запомнили не только как героя, но и как предостережение. Когда Риму угрожала реальная опасность, народ был непоколебим как извне, так и изнутри. В римском лагере никогда не было предателей.

Призыв матери

Отвлеченный видом матери, Кориолан вскочил с места и уже собрался обнять ее, когда она, перейдя от мольбы к гневу, воскликнула: "Прежде чем я позволю тебе обнять себя, дай мне знать, к кому я пришла - к врагу или к сыну, пленница я или мать в твоём лагере. Неужели долгая жизнь и беспомощная старость довели меня до такого состояния, что я вижу в тебе сначала изгнанника, а потом врага? Можете ли вы вынести опустошение этой земли, которая родила и вскормила вас? Каким бы враждебным и угрожающим ни был дух, в котором вы пришли, разве ваш гнев не угас, когда вы пересекли ее границу? Когда перед вами предстал Рим, разве вы не подумали: "В этих стенах мой дом и его боги, моя мать, жена и дети?" Если бы я не был матерью, как кажется, Рим не был бы осажден; если бы у меня не было сына, я должен был бы умереть свободным в свободной стране. Но что касается меня, то я больше не могу терпеть ничего, что усугубило бы мое несчастье или ваш позор, и, как бы я ни была несчастна, это ненадолго. На тебя претендуют эти младшие, ибо, если ты будешь упорствовать, ты доведешь их до преждевременной смерти или до жизни в рабстве". Тогда жена и дети обняли его, и плач, поднявшийся от всей толпы женщин, и причитания о себе и своей стране, наконец, сломили его решимость. Обняв их, он отослал их прочь и сразу же вывел свои войска из города.

Ливий, ii. 40. 5-10.

Счастливая победа

Кориолан. О, мать, мать!

Что ты наделала? Вот! Небеса разверзлись,

Боги смотрят вниз, и эта неестественная сцена

Они смеются. О моя мать! Мать! О!

Ты одержала счастливую победу над Римом;

Но, ради сына, поверь, о! поверь,
Вы с ним одержали опасную победу,
Если не смертельно для него. Но пусть будет так.
Ауфидий, хотя я не могу вести настоящие войны,
Я заключу удобный мир. Итак, добрый Ауфидий,
Будь ты вместо меня, услышал бы ты
Мать меньше, или пожаловал бы меньше, Ауфидий?
Ауф. Я был в смятении.
Кор. Смею поклясться, что так оно и было:
И, сударь, это не малое дело - заставить
Глаза мои потеть от сострадания. Но, добрый господин,
Какой вы заключите мир, посоветуйте мне: со своей стороны
Я не поеду в Рим, я вернусь к вам; и молю вас,
Поддержите меня в этом деле.
Шекспир, "Кориолан", V. iii.

ГЛАВА III

Великие враги Рима

Ранняя история Рима - это история войны. Ее герои - солдаты. В момент основания города и на протяжении всей его ранней жизни Италия была разделена между различными народами, правившими разными частями страны. С этими народами - латинами, этрусками, вольсками, самнитами - римляне и воевали. Война с тем или иным из них шла постоянно. Удача в ней была разной, но в конце концов римский дух и римская организация побеждали. Одно за другим другие итальянские племена покорялись и принимали римское владычество. Это было долгое и медленное дело, растянувшееся на сотни лет. Пока он продолжался, римлянам пришлось столкнуться с другой опасностью: опасностью вторжения извне. Снова и снова галлы обрушивались на Италию с севера. Однажды (390 г.) они захватили часть самого Рима. После этого они были окончательно изгнаны и разбиты Камиллом. В дальнейшем, хотя они снова приходили через северные холмы, их всегда били и гнали назад. В походе их армии были опасны, но у галлов не было планов постоянного завоевания: после поражения они отступали на свои северные равнины и холмы.

В течение ста лет, в третьем веке до Рождества Христова, римлянам пришлось встретиться с двумя захватчиками совершенно иного и гораздо более опасного рода: захватчиками с твердым планом завоевания, которые выступили против них, чтобы покорить и подчинить себе Рим и Италию. Это были Пирр и Ганнибал. Если бы кому-то из них удалось добиться успеха, вся история Рима и всего мира могла бы сложиться иначе. В самом реальном смысле Пирр и Ганнибал - герои истории Рима. Они были величайшими врагами, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться римскому народу. Они были побеждены благодаря качествам всего римского народа, а не гению какого-то одного полководца. Ни один из

римских полководцев того времени не был таким первоклассным полководцем, как Пирр, и уж тем более не был таким гением, как Ганнибал, гораздо более великий человек, чем он. Именно во время борьбы с Пирром, в войне с Карфагеном, последовавшей за поражением Пирра, и в долгой войне с Ганнибалом, закончившейся его поражением и уничтожением Карфагена как великой державы, мы можем увидеть римский характер в его лучшем проявлении. Мы можем оценить и понять его, только поняв врагов, которых он встретил и разбил.

Пирр

К моменту нападения на Италию Пирр, царь Эпира, был самым блестящим солдатом своего времени: его амбиции были направлены на то, чтобы, подобно Александру, править миром, большим, чем его собственное греческое царство. С младенчества он дышал и рос среди бури и приключений, всю свою жизнь он чувствовал себя как дома в лагерях и на поле боя. Его отец был убит в бою, когда Пирру было всего пять лет: его самого спас от смерти только верный раб, который отнес его в дом иллирийского царя и положил у его ног. Младенец Пирр прижался к коленям монарха, который, глядя в его лицо, не смог устоять перед притягательностью глаз ребенка, но хранил его до двенадцати лет, а затем помог посадить на трон своего отца. Хотя Пирр был еще мальчиком, он занимал его в течение пяти лет. Его изгнали, но позже он снова вернул себе царство. По мере взросления он постоянно изучал военное искусство и написал руководство по тактике. По словам Плутарха, написавшего его житие, "он был убежден, что ни досаждать другим, ни быть досаждаемым ими - жизнь невыносимо томительная и утомительная". Внешность Пирра выражала сильную, великодушную простоту и прямоту его характера, а также его единственную цель. Самой примечательной чертой его лица был рот, так как передние зубы были сформированы из цельного куска кости, отмеченного лишь небольшими линиями, напоминающими деления зубного ряда. Страх был ему абсолютно незнаком. Его слабость заключалась в том, что он не понимал людей: хотя он был блестящим солдатом, он ничего не знал о правительстве. Он был только солдатом. Он мог выигрывать сражения, но не управлять людьми.

ПИРР

Пирр прибыл в Италию по приглашению жителей Тарентума. Тарентум был богатым и процветающим городом на юге страны. Изначально он был греческим поселением, его жители славились роскошью и изяществом своих домов и жизни и презирали грубых, выносливых и простых римлян как необученных варваров. Когда в их гавани появилось несколько римских кораблей, они были потоплены тарентинцами, которые решили, что, поскольку римляне в это время были заняты - галлы пришли с севера и вели войну с самнитами, - Тарентум находится в безопасности от них. Но римляне тут же объявили войну (281). Тарентинцы испугались: они не хотели воевать сами и искали того, кто сделает это за них. Так они обратились к Пирру с просьбой спасти греков в Италии. Пирр увидел в их призыве свой шанс осуществить то, что для великого Александра оставалось мечтой - империю на Западе. Он сразу же отправился в путь. Он был настолько полон желания, что отправился в путь в середине зимы, несмотря на бури, и потерял по дороге часть своего флота. Тем не менее он взял с собой огромную армию: македонских пехотинцев, считавшихся тогда лучшими в мире, всадников, лучников и пращников, а также слонов, которых никогда прежде не видели в Италии. В Тарентуме он не нашел ничего готового. Первой его задачей было превратить этот праздный, роскошный город в лагерь. Жителям, которые не заботились ни о чем, кроме пиров, пьянства и игр, это не понравилось, но сожалеть было поздно. Пирр пришел, и, поскольку ни один из городов Италии не подавал признаков того, что присоединится к нему, ему пришлось максимально использовать Тарентум. Тарентинцы, привыкшие к тому, что за них воевали рабы, теперь должны были сами заняться обучением.

Весной римская армия вышла на поле боя и двинулась на юг против захватчика. Когда Пирр с холма осмотрел римский лагерь и боевую линию, он удивленно воскликнул: "Это не варвары!" В итоге он одержал победу при Геракле (280 г.), отчасти благодаря панике, которую вызвали у римских солдат слоны - они никогда раньше не видели таких зверей, - но

победа досталась ему очень дорогой ценой. Потери самого Пирра были столь велики, что он сказал: "Еще одна такая победа - и я буду разорен". Проходя ночью по полю и видя мертвых римлян, со всеми ранами наперевес, лежащих там, где они упали в своих рядах, он воскликнул: "Если бы я был царем этих людей, я бы завоевал весь мир".

Глубокое впечатление произвел на него посланник Фабриций. Плутарх рассказывает эту историю:

Пирр и Фабриций

Вскоре прибыли посланцы для переговоров о судьбе пленников, и среди них Гай Фабриций, который, как рассказывал Кинеас царю, славился среди римлян честностью и военным талантом, а также крайней бедностью. Поэтому Пирр принял его любезно, отдельно от остальных, и уговорил принять подарок, разумеется, не коррупционный, а так называемый знак дружбы и близости. Когда Фабриций отказался, царь пока ничего не предпринимал, но на следующий день, желая испытать его нервы, так как он никогда не видел слона, он велел посадить самого большого из этих зверей за занавеску рядом с ними, пока они беседовали. Это было сделано, и по сигналу занавеску отдернули, а животное вдруг подняло хобот и занесло его над головой Фабрициуса, издав резкий и страшный крик. Не успокоившись, он обернулся и, улыбаясь, сказал Пирру: "Вчера твое золото меня не тронуло, как и твой слон сегодня".

За ужином обсуждались всевозможные темы, и поскольку много говорилось о Греции и ее философах, Кинеас случайно упомянул Эпикура и объяснил учение его учеников о богах, служении государству и главной цели жизни. Последнее, по его словам, они отождествляли с удовольствием, а служения государству избегали как прерывающего и омрачающего их счастье, и изгнали богов подальше от любви, гнева и заботы о людях, чтобы жить беззаботной жизнью непрерывного наслаждения. Не успел он закончить, как Фабриций прервал его и сказал: "Клянусь Геркулесом, я надеюсь, что Пирр и самниты будут придерживаться этих доктрин до тех пор, пока будут воевать с нами".

Это вызвало у Пирра такое восхищение его высоким духом и характером, что он еще больше, чем прежде, захотел быть в дружеских, а не враждебных отношениях с римлянами, и втайне уговаривал Фабриция заключить мир, перейти к нему на службу и жить как первый из всех его товарищей и полководцев. Говорят, что он спокойно ответил: "О царь, ты ничего не добьешься, потому что те самые люди, которые сейчас почитают и восхищаются тобой, предпочтут мое правление твоему, если узнают меня поближе". Таковы были его слова; Пирр не воспринял их с гневом или в духе оскорбленного величия, но на самом деле рассказал своим друзьям о знатности Фабриция и передал ему в единоличное распоряжение пленников с условием, что, если сенат откажется от мира, они будут отправлены обратно после приветствия своих друзей и соблюдения праздника Сатурна. Так и случилось, их отправили обратно после праздника, а сенат назначил смертную казнь для всех, кто остался.

Плутарх, xxx. 20.

Еще более глубокое впечатление на него произвела сила римского характера чуть позже. Когда он обнаружил, что никто из латинян не собирается присоединяться к нему, Пирр отправил посла в сенат, предлагая условия мира. Этот посол был нагружен дорогими подарками для ведущих римлян и их жен. Все эти подарки были отвергнуты. Тогда посланник Пирра предстал перед сенатом, чтобы узнать, не сможет ли красноречие сделать то, чего не

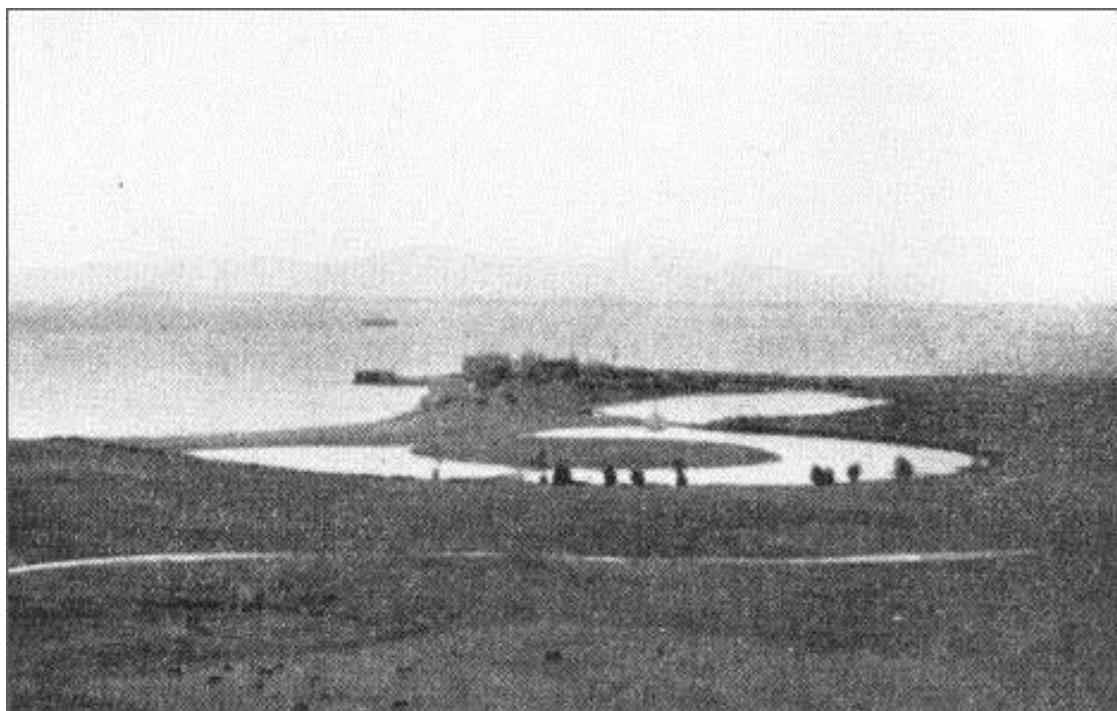
смогли добиться взятки. Он был учеником великого Демосфена, самого замечательного оратора Греции, и его золотые слова тронули многих сенаторов; они решили, что будет разумно заключить соглашение. Но старого Аппия Клавдия, одного из самых знатных людей в Риме, строителя великой военной дороги, известной как Аппиев путь, в дом сената внесли его сыновья и слуги, ибо он был очень стар и почти слеп. Теперь он поднялся на ноги, и его речь заставила сенаторов устыдиться самих себя. До сих пор, - воскликнул он, - я считал свою слепоту несчастьем; но теперь, римляне, я хотел бы быть не только слепым, но и глухим, ибо тогда я не слышал бы этих позорных советов. Кто не презрит вас и не сочтет легким завоеванием, если Пирр не только уйдет непобежденным, но и получит Тарентум в награду за оскорбление римлян? Его слова сильно взволновали сенаторов. Они единодушно проголосовали за продолжение войны. Послу Пирра было велено передать своему господину, что римляне не могут заключить договор до тех пор, пока на итальянской земле находится враг. Он сказал Пирру, что сенат кажется ему собранием царей.

Твердое мнение римлян не изменилось, когда Пирр двинулся на север. Хотя он подошел к городу на расстояние сорока миль, паники не было: только люди спешили присоединиться к войскам, стоявшим за стенами для его охраны. Ему пришлось снова отступить на юг. Даже после еще одной победы в следующей кампании - при Аскулуме (279 г.) - Рим не был поколеблен: итальянцы стояли твердо. Пирр понимал, что победить в сражении недостаточно; он не сможет завоевать Рим, если не сможет поколебать твердое сопротивление целого народа. Этого он сделать не мог. Он также не знал, как обратиться к итальянцам и объединить их против Рима. Для итальянцев Пирр был чужеземцем, призванным тарентинскими греками, которых они справедливо презирали. Против него они сплотились вокруг Рима. И римляне не дрогнули ни на мгновение. В самый трудный час воля всего народа не была сломлена. Пирр видел это: он видел, что римляне продержатся до конца. После Аскулума он переправился на Сицилию и разбил карфагенян, союзников Рима, которые постепенно отвоевывали остров у царя Агафокла. Но хотя вскоре он захватил большую часть острова, грекам Сицилии его железное правление понравилось не больше, чем грекам Тарентума. Он вернулся в Италию, оставив великую крепость Лилибей в руках карфагенян, и воскликнул, уплывая: "Какое поле битвы для римлян и карфагенян я оставляю". В Италии он провел еще одно большое сражение, при Беневентуме (275 г.), но это было поражение. Его надеждам пришел конец. Он завоевал славу для себя, но он, и это он знал, помог объединить Италию под властью Рима; и, как он видел, подготовить почву для великой борьбы между Римом и Карфагеном. Пирр раньше, чем кто-либо из римлян, предвидел великую борьбу, в которой должна была решиться судьба Рима. Он указал римлянам путь, показал их силу и обратил их взоры за пределы Италии, за моря.

Карфаген

Сила Карфагена людям эпохи Пирра казалась бесконечно большей, чем сила Рима. Рим в то время был всего лишь одним городом, власть которого не распространялась даже на всю Италию. Карфаген был главой империи, построенной на торговле, которая распространяла его имя на весь известный мир. Пунийцы или финикийцы, как называли правящую в Карфагене расу из-за их темной кожи, пришли с Востока. Их первые дома находились в Аравии и Сирии. Именно из Тира и Сидона, великих и богатых городов, когда Рим был едва ли деревней, пришли торговцы и обосновались в Северной Африке. Их корабли, груженные тканями изделиями из шелка и хлопка, окрашенными в насыщенные цвета, благовониями и специями, слоновой костью и золотом, украшениями и орудиями из металла, плавали по всем судоходным морям и привозили домой из далеких мест товары и сырье из разных земель. В то время, когда римляне еще только начинали плавать по морям, их корабли

выходили из Средиземноморья, проходили через проливы и доходили до малоизвестных земель Атлантики. Они привозили домой олово из далекого Корнуолла, серебро из Испании, железо с Эльбы, медь с Кипра. Сам Карфаген был великолепным городом и самым богатым в мире. Его граждане жили в достатке и безделье за счет чужого труда. Торговля снабжала их богатствами: выносливые племена Африки, нумидийцы и ливийцы, были их рабами, укомплектовывали их флоты и армии. Их флот управлял морями. У них были поселения в Испании; Корсика и Сардиния принадлежали Карфагену; весь запад Сицилии находился в их руках.

ЗАПУСТЕНИЕ КАРФАГЕНА В НАШИ ДНИ

На Сицилии впервые встретились карфагеняне и римляне. Восточная часть острова находилась под властью сиракузского царя Иеро, но на нее постоянно совершали набеги жители Мессины. После одного из них Иеро напал на Мессину. Его отряд был отбит карфагенянами, которые в это время заняли цитадель. Жители города стали искать помощи и в конце концов обратились к Риму (265).

Мессина не была римским городом, но римляне видели, что, если карфагеняне останутся во владении, они будут удерживать мост, по которому можно будет легко переправиться в Италию. Именно этот вопрос встал перед сенатом, когда он собрался, чтобы решить, стоит ли помогать жителям Мессины. Поступить так означало сразу же начать войну с Карфагеном. Отказ мог означать войну с Карфагеном позже. Сенат обратился к народу с просьбой принять решение. Народ проголосовал за войну сейчас.

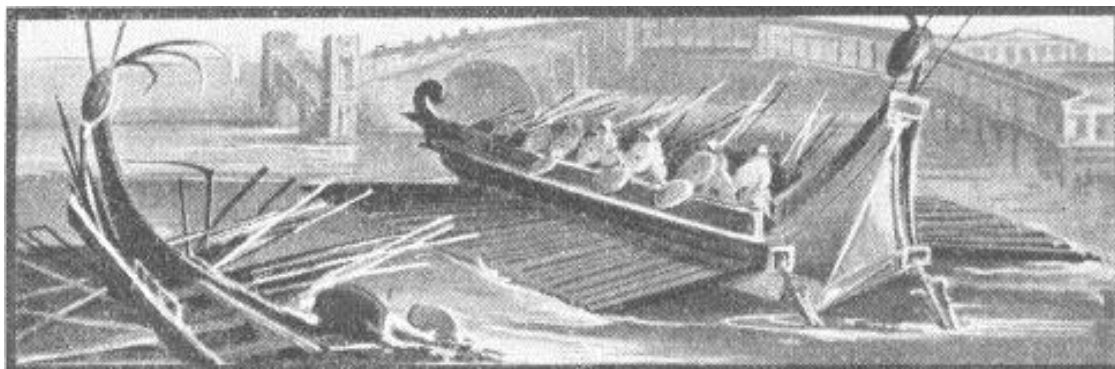

КАРФАГИНЯНЕ
СВЯЩЕННИК

Никто не мог тогда предвидеть, какой долгой и тяжелой окажется война. Она длилась три и двадцать лет (264-241 гг.), и вначале казалось, что все преимущества на стороне карфагенян. Прежде всего, у Карфагена был сильнейший в мире флот. Карфагенская армия была намного многочисленнее, хотя и состояла из наемных солдат чужой расы. На римской стороне не было выдающегося лидера, равного Гамилькару, который командовал карфагенянами на поздних этапах.

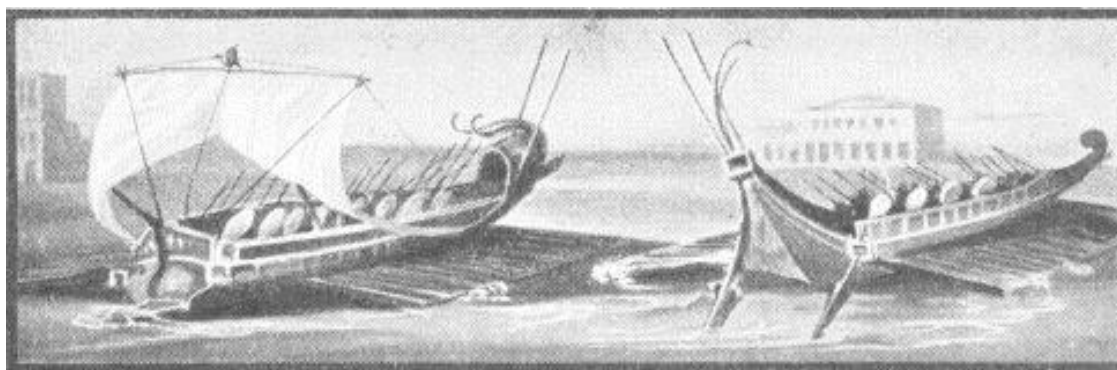
Когда началась война, у римлян не было флота. У них никогда не было больше нескольких транспортных судов: ни одного боевого корабля. Они не знали, как их строят. Однако это их не обескуражило. Карфагенский военный корабль был вытащен на берег. Римские плотники и корабельщики тут же принялись за работу, изучая, как он устроен, и придумывая, как его можно усовершенствовать. Пока корабельщики были заняты, мужчины упражнялись в гребле на суше. Самым известным усовершенствованием, изобретенным римлянами, стал "ворон". Это было приспособление к носу корабля, работавшее от шкива и состоявшее из длинного шеста с острым и прочным изогнутым железным шипом на конце. Как только вражеский корабль оказывался в пределах досягаемости, шест поворачивался так, чтобы шип зацепил судно и держал его в железной хватке. К шесту крепился мост: солдаты бежали по нему и поднимались на борт, вынуждая вступать в рукопашную схватку. Карфагенские моряки к этому не прибегали. Они были лучшими мореплавателями, чем римляне, но не

такими хорошими бойцами. В рукопашных схватках римляне одерживали верх. Но они не знали так много о ветре и погоде, и снова и снова штормы вносили хаос в них. Четыре больших флота были уничтожены или захвачены в плен за первые шестнадцать лет войны, которая продолжалась двадцать три года. В 249 году консул Клавдий потерял 93 корабля в катастрофической битве при Дрепане и покончил с собой, чтобы не жить дальше под позором. Позже в том же году другой большой флот был разбит на куски во время шторма.

КАРТИНЫ ИЗ ПОМПЕИ

Год закончился тем, что карфагеняне стали хозяевами на море и на суше. Четыре римские армии были потеряны почти до единого человека. За пять лет каждый шестой житель Рима погиб в бою или на море. После шестнадцати лет упорных боев и невероятных усилий конец войны казался далеким, как никогда, если только римляне не признают поражение. Но признавать поражение было не в их характере. Как сказал несколько лет спустя Полибий, великий греческий историк, хорошо знавший их, "римляне никогда не бывают так опасны, как тогда, когда они, кажется, доведены до отчаяния". Так оно и оказалось. Никто и не думал сдаваться. Регул, захваченный карфагенянами и посланный ими в Рим, чтобы призвать своих соотечественников к сдаче, убеждал их продолжать сражаться, хотя знал, что за такие слова ему придется поплатиться жизнью. Если бы карфагеняне были сделаны из того же металла, они могли бы использовать этот час, чтобы нанести смертельный удар; но это не так. На суше они не доверяли единственному действительно великому полководцу, который у них был - Гамилькару Барке. В течение шести лет в Сицилии не было предпринято ничего серьезного. На море они позволили флоту прийти в упадок, потому что были уверены, что римляне после огромных потерь ничего не смогут сделать. Они не знали нравов римлян. В государственной казне не было денег на строительство кораблей. Но в Риме были богатые люди, которые ставили нужды страны выше собственного комфорта. Некоторые из них продали все, что у них было, и отдали деньги на строительство кораблей. Корабельщики и плотники работали день и ночь, и в удивительно короткое время флот из 250 судов был построен и передан государству. И этот флот завершил войну. Каждый человек в нем был полон энтузиазма, готов был умереть за Рим. Консул Лутаций Катул, поставленный командовать им, полностью разгромил карфагенский флот в великом сражении у Эгатских островов (241 г.). В Сицилии Гамилькар ничего не мог сделать; никакие припасы не могли к нему попасть. С горечью в сердце ему пришлось заключить мир, по которому Сицилия отошла к Риму. Настоящие герои - это римский народ, который в армии, на флоте или дома, несмотря на поражения и катастрофы, не сдавался и не терял мужества, а держался до конца. Они одержали победу. Они победили Гамилькара. В этой, первой Пунической войне, карфагенское правительство было радо заключить мир, а Гамилькар - нет. Он был полон решимости, что Карфаген еще победит Рим: он заставил своего юного сына Ганнибала поклясться никогда не дружить с Римом.

-ИМИТАЦИЯ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ

Ганнибал

Этот сын Гамилькара был самым опасным врагом, с которым когда-либо приходилось сталкиваться римлянам. Он был не только, как Пирр, блестящим солдатом и полководцем: он был гораздо больше, чем это. Он был гением во всех военных искусствах и в руководстве людьми; великим, как Наполеон и Юлий Цезарь. Он обладал способностью наполнять сердца своих последователей преданностью, которая не задавала вопросов; они были готовы умереть за него, перенести любые трудности. Ни один римский полководец того времени не мог сравниться с ним: мало кто за все время. И все же он потерпел поражение. Причина была проста. Его победил не тот или иной римский полководец, а римский народ. Его гений разбился об их стойкую выдержку, мрачное терпение и преданность Риму. Ганнибал мог выигрывать сражения, но ни одна победа не приблизила его к великой цели - разделу Италии и уничтожению господства Рима. За исключением южных племен и Капуи, италийцы стояли твердо; в Риме не было и речи о том, чтобы сдаться. Когда Варро после разгрома, отчасти из-за собственного безрассудства, оставившего Ганнибалу дорогу на Рим, привел свои остатки в город, сенаторы вышли ему навстречу и вместо упреков или причитаний поблагодарили его за то, что он не отчаивался в Республике. Этот дух Ганнибал не смог сломить. За ним не было ничего подобного. У него был его гений и солдаты, которых он создал, но народ Карфагена оказывал ему лишь неодобрительную поддержку.

Вторжение Ганнибала в Италию провалилось: но это одна из самых замечательных историй во всей истории войн, а сам он - один из великих людей истории.

Его отец, Гамилькар Барка ("Барка" означает "молния"), был блестящим полководцем; то, что карфагеняне проиграли свою первую войну с Римом, было их виной, а не его. Из трех его сыновей, Ганнибала, Гасдрубала и Маго, старший Ганнибал был самым дорогим для него и наиболее похожим на него самого по силе воли, по способности сформировать цель и держаться за нее, не поддаваясь ни на что, что с ним случалось или что говорили другие люди. Вскоре после окончания войны с Римом Гамилькар покинул Карфаген, забрав с собой своих сыновей. Перед отъездом он заставил юного Ганнибала, которому тогда было девять лет, поклясться на алтарях никогда не дружить с Римом. Они отплыли в Испанию. Испания, по мнению Гамилькара, могла бы стоять больше, чем Сицилия, если бы ее жителей готовили как солдат и обучали земледелию и горному делу. Страна была богата металлами. Сыновья помогали ему, а он тем временем обучал их не только всему, что связано с войной, обучением и обращением с людьми, но и языкам, и всему, что тогда было известно об

истории и искусстве, так что, хотя их детство проходило в лагерях, они были обучены не хуже самых благородных римлян.

В возрасте шести и двадцати лет Ганнибал был выбран армией для командования карфагенскими войсками в Испании. Хотя Ганнибал был молод, цель его жизни давно была ясна: после смерти отца он жил и думал только о себе. Он готовил армию в Испании именно для этой цели; его капитаны знали и разделяли ее; и они, и люди были преисполнены страстной любви и веры в своего молодого полководца. Ганнибал умел заставить себя бояться. Дисциплина в его армии была строгой, хотя он никогда не просил людей делать или страдать то, что не сделал бы сам. Однако не страх заставлял людей быть преданными ему. Они шли за ним, потому что верили в него, верили, что у него есть четкий план и воля, чтобы довести его до конца, и потому что любили его. Он был старшим братом и товарищем для своих солдат и никогда не забывал, что они люди.

Через три года после того, как он стал генералом в Испании, планы Ганнибала были завершены. Все было готово. Он знал, что будет делать. Внезапно он осадил Сагунтум (219), город в Испании, союзный Риму, и взял его. Это было объявлением войны Риму. Через несколько месяцев в Рим пришло известие, в которое поначалу трудно было поверить. Ганнибал покинул Новый Карфаген, свою большую базу в Испании, с большой армией. Он разбил северных испанцев и готовился перейти Альпы и обрушиться на Италию. Римская армия, посланная остановить его на Роне, прибыла слишком поздно, чтобы сделать это. Но перейти Альпы с войсками и багажом, когда на горных перевалах уже лежали зимние снега, а ручьи замерзали во льду, считалось невозможным: ни одна армия никогда этого не делала. Пути были обрывистыми, местами вообще не было троп. Перевалы держали дикие боевые племена галлов. Не было никакой еды: даже сухой травы для животных. Яростные бури с градом и снегом обрушивались на горные вершины.

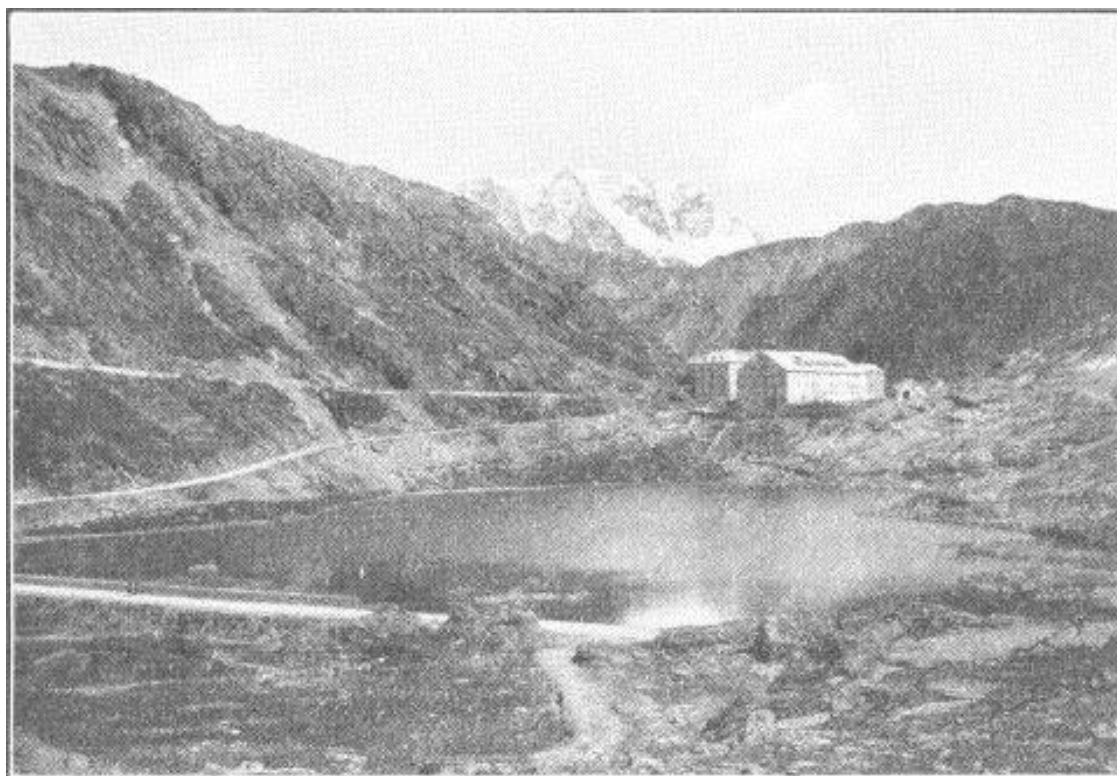
Тем не менее, еще до наступления зимы Ганнибал привел свою армию. Потери в людях и животных были велики, но дело, считавшееся невозможным, было сделано. Воевать было еще рано: Ганнибал мог дать своим измученным войскам отдохнуть на плодородных североиталийских равнинах. Ливий описывает последний этап путешествия:

Марш Ганнибала: вид земли обетованной

На девятый день они достигли гребня Альп, продвигаясь по бездорожным кручам и иногда вынужденные возвращаться назад из-за вероломства проводников или, если им не доверяли, из-за случайного выбора пути через долину. На два дня они расположились лагерем на вершине, и солдатам, измотанным маршем и боями, позволили отдохнуть. По следам армии к лагерю добрались и несколько багажных животных, поскользнувшихся на камнях. Уставшие и измотанные многими трудностями люди были еще больше обескуражены снегопадом, который принес с собой заход Плеяд. На рассвете они снова выступили в путь, и армия медленно продвигалась по заваленным снегом дорогам, на лицах всех были видны вялость и отчаяние, когда Ганнибал поспешил впереди своих людей и приказал им остановиться на хребте, откуда открывался широкий и далекий вид, и он указал на Италию и равнины По, лежащие у подножия Альп. "Здесь, - воскликнул он, - вы взбираетесь на стены не только Италии, но и Рима; остальная часть пути будет гладкой и покатой; одно или, самое большее, два сражения сделают вас хозяевами крепости и столицы Италии".

Ливий, xxi. 35. 4-9.

За рекой Тицинус ему навстречу вышла римская армия под командованием Корнелия Сципиона (218 г.). Она была разбита; месяцем позже другой консул, Семпроний, был обойден генералами и разбит на реке Требии. Эти две победы означали, что Италия к северу от По была в руках Ганнибала. Более того, галлы восстали и присоединились к нему. Ганнибал сразу же принялся за работу, обучая их и пополняя поредевшие ряды собственной армии свежими людьми. Он надеялся, что не только галлы - плохие союзники, ведь им никогда нельзя было доверять, - но и итальянцы в целом восстанут и присоединятся к нему. Он рассчитывал, что они жаждут сбросить иго Рима.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕВАЛ СВ. ПЕРЕВАЛ БЕРНАРДА

В Риме люди были встревожены и взволнованы, но не встревожены. В народе и среди солдат существовали две основные партии, во главе которых стояли люди совершенно разного типа. На одной стороне стояли те, кто считал, что с Ганнибалом нужно вести выжидательную игру. Если Рим будет стоять на своем, они смогут измотать его, как измотали Пирра. Он был далеко от своей базы снабжения. Его новые войска не могли быть так хороши, как старые. Итальянцы не поднимутся на помощь в большом количестве. В любом случае, центр Италии был в безопасности. Пока он оставался на севере, юг не поднимался; если бы он двинулся на юг, галлы вскоре устали бы от сражений. Лидером этой партии был Квинт Фабий, представитель одной из самых гордых римских семей и человек из той школы, которую уже начали называть старой. То, что простой народ может пострадать, если война затянется на годы, его не очень беспокоило.

На другой стороне стояли такие люди, как Кай Фламиний и Теренций Варро, более молодые как по годам, так и по уму, жаждущие, нетерпеливые к действию.

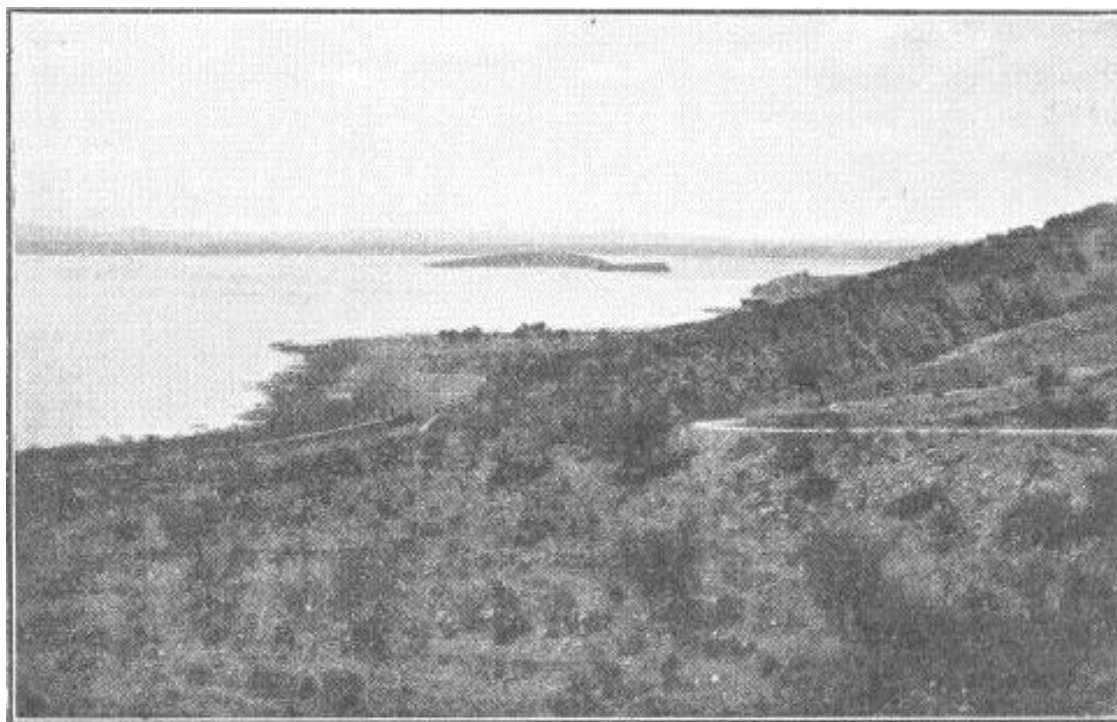
Кай Фламиний и раньше выступал против Фабия. Он был избран народным трибуном - одним из тех магистратов, которых во времена Кориолана назначали говорить от имени народа. Это был человек больших способностей и горячего энтузиазма, обладавший большим

воображением, чем Фабий. Он был так же искренне предан своей стране, но, по его мнению, величие Рима зависело не только от завоеваний и прекрасных законов, честности и чести его ведущих граждан. Все это было хорошо. Но нужно было задать еще один вопрос. Были ли счастливы простые люди? За пятнадцать лет до вторжения Ганнибала Фламиний внес законопроект, призванный помочь более бедным римлянам, выделив землю для мелких земледельцев на севере. Фабий и большинство старых патрициев были категорически против. Фабий говорил, что раздача земли бедным жителям Рима поощряет мужчин, которые могли бы найти работу в городе, но не стали бы этим заниматься. Они не будут обрабатывать землю, если получают ее: они продадут ее и вернутся за новой. Фламиний отрицал это. По его словам, было много людей, служивших в армии, которые хотели работать, но не могли этого делать, потому что не могли получить землю. Если на земле будет больше людей, это обогатит всю страну. В итоге его закон был принят. Другая работа, выполненная Фламинием, до сих пор стоит как память о нем. Она также свидетельствует о воображении этого человека. Это Виа Фламиния, великолепная дорога, которая проходила через Апеннинские горы от моря до моря. На ее строительство ушло двадцать лет, но, будучи построенной, она простояла века, полезная во время войны и еще более полезная в мирное время.

Фламиний, уже ставший популярным благодаря этим достижениям, мечтал совершить еще более поразительные дела в качестве солдата. В этом и заключалась его опасность. На следующий год после битвы при Требии его поставили командовать одной из двух новых римских армий. Он был сторонником смелой политики и верил, что сможет победить Ганнибала и тем самым добавить себе военной славы. Он не знал Ганнибала. Ганнибал, однако, имел обыкновение узнавать своих врагов; он знал, что из себя представляет Фламиний, и использовал это знание для своей гибели. Взгляды и характер Фламиния описаны Ливием.

Фламиний перед Тразименом

Фламиний не стал бы воздерживаться от действий, даже если бы его враг был бездейственным; но когда земли союзников подвергались преследованиям почти на его глазах, он считал личным позором, что Ганнибал должен пройти через сердце Италии и без сопротивления напасть на стены Рима. На совете все остальные призывали к безопасной, а не амбициозной политике. "Дождитесь своего коллеги, - воскликнули они, - и затем, соединив две армии, продолжайте войну с общим духом и целью; а пока используйте конницу и легковооруженную пехоту, чтобы сдерживать безрассудный грабеж врага". В ярости он бросился вон из совета и, приказав трубачу немедленно дать сигнал к походу и битве, воскликнул: "Лучше давайте спокойно сидеть перед стенами Арретия, ибо здесь наша страна и наш дом. Ганнибал ускользнет из наших рук, опустошит Италию и, грабя и сжигая, дойдет до стен Рима, а мы не сдвинемся ни на шаг, пока К. Фламиний не будет вызван отцами из Арретия, как в свое время Камилл был вызван из Вейи". С этими гневными словами он приказал быстро натянуть штандарты и вскочил в седло, но конь внезапно упал и опрокинул консула через голову. В то время как прохожие были встревожены этим мрачным предзнаменованием начала кампании, пришло еще одно сообщение, что, несмотря на все усилия знаменосца, штандарт не удастся поднять. Повернувшись к гонцу, он сказал: "Ты также привез депешу из Сената, запрещающую мне сражаться? Иди, скажи им, чтобы они выкопали штандарт, если их руки настолько онемели от страха, что они не могут его поднять". Тогда началось наступление; главные офицеры, помимо прежних разногласий, были еще больше встревожены двойным предзнаменованием; солдаты были в восторге от своего пылкого вождя, так как больше думали о его уверенности, чем о каких-либо основаниях, на которых она могла бы покоиться.

ТРАЗИМЕН

Когда Фламиний вышел на поле боя, он обнаружил, что Ганнибал, несмотря на таяние снега, который затопил поля и превратил их в болота, а реки - в потоки, перешел через Апеннины. Это был ужасный переход: люди, лошади и животные заболели и умирали. Сам Ганнибал потерял глаз. Но он перевалил через горы и прошел мимо Фламиния, который был недостаточно силен, чтобы напасть на него, по дороге в Рим. Это было сделано специально, чтобы заманить Фламиния; ведь Ганнибал знал, что тот жаждет сразиться до того, как другой консул, Сервилий, сможет присоединиться к нему со своей армией и разделить славу. Ганнибал многое узнал о стране, и ему удалось ввести Фламиния в заблуждение относительно своих передвижений, заманив его в смертельную ловушку. Вдоль высоких холмов, огибающих берега Тразименского озера, он расположил своих людей на ночь по обе стороны перевала, закрывавшего вход. Утром тяжелый туман скрыл их полностью. Ничего не подозревая, Фламиний промаршировал со своей армией прямо внутрь. Солдаты Ганнибала пронеслись по склонам и закрыли римлян со всех сторон. Они были обречены. Выхода не было: они оказались зажаты между болотами и озером; только авангард пробивал себе путь, но и он был окружен. Погибло пятнадцать тысяч человек, среди них и сам Фламиний, который погиб в бою. Столько же было взято в плен. Потери Ганнибала были гораздо меньше. Ливий комментирует:

После Тразимены

Так произошло знаменитое сражение при Тразимене, одно из самых памятных бедствий римского народа. Пятнадцать тысяч человек были убиты на поле; десять тысяч, рассеявшись в бегстве по всей Этрурии, разными путями направились в Рим. Две тысячи пятьсот врагов пали в бою; многие потом умерли от ран. Ганнибал отпустил без выкупа пленных, принадлежавших латинским союзникам, а римлян бросил в цепи. Он отделил тела своих

людей от кучи вражеских трупов и приказал похоронить их. Долго искали тело Фламиния, которое он хотел почтить похоронами, но найти его не удалось.

Ливий, xxii. 7. 1-5.

После этой катастрофы к рулю был призван старый Фабий, который проводил свою собственную, совершенно иную политику - политику бесконечного ожидания. В течение всего оставшегося года Ганнибал не мог заставить Фабия дать сражение. Ганнибал постепенно продвигался на юг, вдоль западного побережья. Но италийцы не поднимались в большом количестве. Ганнибал считал, что сокрушительное поражение Рима заставит их это сделать, и готовился к этому. Ливий рассказывает о плане кампании Фабия и о некоторых трудностях, с которыми он столкнулся при его реализации: трудностях не только со стороны Ганнибала, но и со стороны его собственных капитанов. Так, Варро, его конный начальник, постоянно разжигал недовольство.

Стратегия Фабия

Диктатор принял армию консула от своего заместителя Фульвия Флекка и, пройдя по сабинской земле, прибыл в Тибур в день, назначенный им для сбора новобранцев. Из Тибура он двинулся к Праенесте, а оттуда по пересеченной дороге - к Латинскому пути. Затем, после тщательной разведки, он повел свою армию на врага, решив не рисковать вступать в бой, если можно было этого избежать. В тот день, когда Фабий впервые расположился лагерем в пределах видимости противника, недалеко от Арпи, Ганнибал сразу же выстроил свою армию в линию и предложил сражение; но когда он не увидел никакого движения войск и никакого движения в лагере, он удалился, воскликнув, что дух предков римлян сломлен, что они окончательно побеждены и что они признают свою неполноценность в доблести и славе. Но в его сознание вселилась невысказанная тревога, что теперь ему придется иметь дело с полководцем, совсем не похожим на Фламиния и Семпрония, и что римляне, наученные своими бедствиями, наконец-то нашли вождя, равного себе.

Таким образом, Ганнибал сразу увидел причину опасаться воинственности нового диктатора, но, поскольку тот еще не успел проверить свою решимость на практике, стал беспокоить и изводить его, постоянно перемещая свой лагерь и грабя земли союзников прямо у него на глазах. Иногда он поспешно уходил с глаз долой, иногда ждал, затаившись за поворотом дороги, в надежде застать его на ровном месте. Фабий же вел свои войска по возвышенностям, не теряя связи с врагом и не давая ему боя. Солдаты оставались в лагере, если их не вызывала какая-нибудь необходимая служба. Если требовались фураж и дрова, они отправлялись сильными отрядами, которые не разбегались. Конница и легковооруженная пехота, сформированные и расставленные для внезапного нападения, защищали своих товарищей и угрожали рассеянным грабителям врага. Безопасность армии никогда не ставилась на одну битву, а небольшие успехи в незначительных столкновениях, начатых без риска и с возможностью отступления, приучали солдат, деморализованных предыдущими катастрофами, лучше оценивать собственную доблесть и шансы на победу. Но он не считал Ганнибала таким грозным противником этой разумной стратегии, как хозяин коня, которому только его подчиненное положение мешало разорить страну, будучи самоуверенным и необдуманым в действиях и несдержанным в речах. Сначала при нескольких слушателях, а затем открыто среди солдат, он называл размышления своего командира ленью, а его осторожность - трусостью, приписывал ему недостатки, которые были сродни его достоинствам, и пытался возвысить себя за счет поношения своего начальника - отвратительная практика, которая стала общепринятой, потому что была слишком успешной.

Ливий, ххii. 12.

В следующем году Варро, тот самый мастер коня, был назначен консулом, разделив командование с Аэмилием Паулусом. Аэмилий был опытным воином, но с Варро он был в худших отношениях, и Фабий не стал исправлять ситуацию, предупредив его, что опрометчивость Варро может быть опаснее для Рима, чем сам Ганнибал.

Римская армия была самой многочисленной из всех, выведенных на поле боя, и особенно сильной в пехоте. Равнина Канн, где расположился Ганнибал, была неблагоприятна для пехоты, поэтому Аэмилий хотел отложить сражение. Варро жаждал его. Они не могли договориться. В конце концов они решили командовать поочередно. Как только наступил день Варро, солдаты, к своему восторгу, увидели красный боевой флаг, развевающийся из палатки генерала.

Шлем, найденный на
поле КАННЫ

Битва при Каннах (216 г.) стала величайшей победой Ганнибала и самым страшным поражением Рима за всю его историю. Римская атака прошла прямо через карфагенский центр: слишком далеко, так что карфагеняне развернулись и атаковали со всех сторон. Резня была ужасной. Из 76 000 римлян, участвовавших в битве, на поле лежали тела 70 000, среди которых был сам Аэмилий и представители знатнейших семейств Рима. Говорили, что погибла седьмая часть всех мужчин военного возраста в Италии. Из высших офицеров спасся только Варро; с ним была крошечная горстка людей, все, что осталось от могущественной армии.

Весть о Каннах дошла до Рима, и город погрузился в траур. Однако, несмотря на страшные потери и чрезвычайную опасность, никто не поддавался слабости и отчаянию. Распри между партиями утихли. Мужчины и женщины перешли от оплакивания погибших к работе на благо своей страны. Рим все еще стоял, и для каждого римлянина жизнь города была важнее его собственной. Против Варро не было произнесено ни одного упрека, даже теми, кто раньше не доверял и обвинял его. После битвы он повел себя хорошо. С большим мужеством и энергией он собрал вместе и вдохновил новой верой оставшиеся разрозненные отряды и во главе их двинулся в Рим. Сенат и народ вышли в процессии к городским воротам, чтобы встретить его и разрозненные остатки измученных путешествием, запятнанных кровью людей, которые бежали с ним из Канн. Перед всеми Варро благодарил за то, что он не

отчаивался в Республике. Ганнибал мог чувствовать, что даже после Канн Рим не был покорен. Он не был покорен, потому что дух его народа был непоколебим. Рим выстоял. Богатые люди отдавали государству все, что у них было; люди всех сословий стекались в новые армии; вводились тяжелые налоги, и никто не жаловался. Если простой человек был готов отдать свою жизнь, то зажиточный мог отдать лишь свои деньги. Жители Центральной Италии поддержали Рим. На юге богатые города, такие как Капуя, открыли свои ворота перед Ганнибалом; некоторые южные народы присоединились к нему. Но большого всеобщего восстания не произошло. Помощь, в которой нуждался Ганнибал, не пришла ни из дома, из Карфагена, ни от других его союзников на Сицилии и в Македонии. Жители Карфагена не были похожи на жителей Рима. Они были вялыми, а большая партия завидовала Ганнибалу и не хотела ничего делать, чтобы поддержать его.

Марцелл, полководец, вышедший на поле боя после Канн, был прекрасным солдатом, который вместе с Фабием считал, что победить Ганнибала можно, только измотав его. В лице Марцелла Ганнибал нашел врага, которого должен был уважать. Когда Марцелл был наконец убит и принесен в карфагенский лагерь, Ганнибал долго стоял молча, глядя в лицо мертвому врагу. Затем он приказал облачить тело в великолепные погребальные одежды и сжечь со всеми воинскими почестями. Пепел положили в серебряную урну и отправили сыну Марцелла. Таким же образом он похоронил Аэмилия со всеми почестями.

Время было на стороне римлян. И все же в течение одиннадцати лет Ганнибал с небольшой армией сдерживал всю мощь Рима. Его оттеснили на юг, и только. Он очень надеялся, что, хотя карфагеняне и не будут сопротивляться, его братья Гасдрубал и Маго пришлют ему помощь из Испании. В Испании после его отъезда римляне отвоевали большую часть страны, но через четыре года после Канн Публий Сципион (потерпевший поражение при Тицине) и его брат Кней были разбиты и убиты, и в течение следующих нескольких лет Гасдрубал завоевал почти всю Испанию. В 208 году он смог двинуться на север. Он пересек Пиренеи, провел зиму в Галлии, а весной, как только растаял снег, перешел через Альпы по более легкому пути, чем тот, который прошел его великий брат. Никто не ожидал, что он окажется в Италии. Опасность, если бы он мог присоединиться к Ганнибалу, была чрезвычайно велика. Она была настолько серьезной, что Фабий, уже очень пожилой человек, отправился к двум консулам, Ливию и Клавдию Нерону, и умолял их действовать сообща. Они ненавидели друг друга. Фабий узнал, как опасны для государства подобные ссоры, и какой вред нанесли его собственные советы Варро и Аэмилию Паулусу; теперь он использовал все свое огромное влияние, чтобы заставить консулов положить конец личным распрям. Они согласились и объединили свои армии. Вместе они были намного сильнее Гасдрубала. На реке Метавр он потерпел поражение (207). Там сам Гасдрубал, сражаясь как лев, был убит вместе с десятью тысячами своих людей.

К несчастью, победивший Нерон в своем отношении к мертвому врагу проявил дух, сильно отличающийся от Ганнибала. Он бросил окровавленную голову Гасдрубала перед строем Ганнибала. Это было первое известие о судьбе его брата. Он потерял не только человека, который был ему дороже всех на земле, но вместе с ним и последнюю надежду на успех. Он знал, что все кончено; удача Карфагена подошла к концу. На мгновение он спрятал лицо в мантии. Какая глубокая горечь и боль охватила его сердце в тот момент, никто не может предположить.

Два более поздних римских писателя, Ливий и Гораций, описали битву при Метауре, которая действительно стала поворотным пунктом войны: для Ганнибала - роковым поворотом.

Метавр и после

Гасдрубал часто проявлял себя как великий полководец, но никогда не был так велик, как в этой, своей последней битве. Именно он поддерживал своих людей в бою словами ободрения и встречал опасность на их стороне; именно он уговорами и упреками воспламенял дух своих солдат, утомленных и отчаявшихся в безнадежной борьбе; именно он возвращал беглецов и во многих местах восстанавливал разбитые ряды. Наконец, когда удача сложилась в пользу врага, он не стал выживать в преследовавшем его огромном войске, а направил своего коня в самую гущу римских легионеров. Там он пал в бою, как и положено сыну Гамилькара и брату Ганнибала.

Консул К. Клавдий, вернувшись в лагерь, приказал бросить перед вражескими дозорными голову Гасдрубала, которую тот бережно привез с собой, и выставил африканских пленников в цепях. Двух из них он освободил и отправил к Ганнибалу, чтобы сообщить ему обо всем случившемся. Ганнибал, пораженный горем от такой общественной и личной потери, воскликнул, как нам сообщают: "Я узнаю гибель Карфагена". Затем он удалился в Бруттий в южном углу Италии, намереваясь сосредоточить там всех союзников, которых он не смог бы защитить, если бы они были рассеяны.

Ливий, xxvii. 49, 51.

Отчаяние

О чем ты, Рим, домом Нерона, пусть свидетельствуют Метавр, и низвержение Гасдрубала, и тот светлый день, рассеявший мрак Лациума, впервые улыбнувшийся радостной победой с тех пор, как грозный Африкан пронесся по городам Италии, как огонь по сосновому лесу или Эвр по сицилийским волнам. После этого мужественность Рима окрепла от постоянных и успешных усилий, а в храмах, оскверненных непозволительным насилием карфагенян, были восстановлены их боги. А вероломный Ганнибал в конце концов воскликнул: "Как олени, добыча хищных волков, мы пытаемся преследовать тех, для кого редкий триумф - ускользнуть и спастись". Больше я не буду посылать триумфальные послания в Карфаген; пали, да, пали все надежды и величие нашего имени с потерей Гасдрубала. Руки Клавдиев ничего не смогут сделать, ибо Юпитер покровительствует им благодетельной силой, а благоразумная предусмотрительность позволяет им благополучно пройти через все опасности войны".

Гораций, Од. iv. 4. 36-76.

Еще четыре года Ганнибал стоял в Южной Италии. Ни один римский полководец не изгнал его, ни одна римская армия не смогла победить ни его, ни солдат, которые стояли рядом с ним с несравненной преданностью, присущей только людям, в которых, как в Ганнибале, горит то, что мы называем божественной искрой. Когда, наконец, после четырнадцати лет пребывания в Италии он отплыл домой, то попытался спасти Карфаген, город, который предал его, а теперь звал его спасти их от войны, которую римляне перенесли в их собственную страну. Он знал, что не сможет этого сделать. Карфагеняне сами подписали себе гибель, когда не прислали ему помощь. Когда они, в свою очередь, воззвали к Ганнибалу, враг был у их ворот. В великой битве при Заме, недалеко от Карфагена, Сципион победил Ганнибала. Это поражение стало концом Карфагена как великой державы. Римские условия должны были быть приняты. Силе и могуществу Карфагена пришел конец. Город еще стоял, но его империи больше не было. Все его заморские владения были присоединены к римским владениям.

МОНЕТА ПОБЕДЫ

Через шесть лет после Замы Ганнибал был изгнан из Карфагена по приказу Рима, хотя Сципион протестовал в сенате, заявляя, что недостойно Рима бояться одного человека в разоренном государстве. Ганнибал укрылся на Востоке. Там, спустя несколько лет, они со Сципионом встретились. О разговоре между ними рассказывают много историй. Сципион спросил Ганнибала, кого он считает величайшим полководцем в мире. Ганнибал ответил, что ставит на первое место Александра, затем Пирра, а потом себя.

А куда бы ты поставил себя, если бы я не победил тебя?

"О, Сципион, тогда бы я поставил себя не на третье, а на первое место".

Сказав это, Ганнибал облек свою мысль в слова, которые могли доставить удовольствие слушателю, но были не совсем правдивы. Сципион победил его при Заме, но никто лучше победителя не знал, что настоящий триумф принадлежит не ему. Силы, победившие Ганнибала, были больше, чем те, что находились в руках одного человека.

Если бы Ганнибал победил римлян, весь ход мировой истории мог бы измениться. Сейчас, оглядываясь назад, кажется невозможным, что он вообще мог подумать, что способен на такое. Но секрет по-настоящему великого человека в том, что он не считает невозможным ничего, на что направил свою волю. Сила, позволяющая твердо, ясно, со знанием дела поставить волю на какое-то действие, которое должно быть совершено, какого бы рода оно ни было; пожертвовать ради этого своими желаниями; подавить желание каждого человека отдохнуть, насладиться, утешиться в данный момент и идти вперед, когда шанс на успех кажется далеким; эта сила является инструментом, с помощью которого достигаются необыкновенные вещи. Благодаря этой силе Ганнибал представлял реальную опасность для Рима, и Рим это знал. Если бы он смог заставить жителей Карфагена почувствовать то же, что и он сам, он бы победил. Но он не смог. Его воля была направлена на победу над Римом, а воля карфагенян была направлена не на это, а на легкую и комфортную жизнь для себя. И поскольку карфагеняне были построены так, а не так, как Ганнибал, и он не мог одной своей силой сделать их такими, как он сам, то победа Ганнибала была бы катастрофой для всего мира. Римляне победили его потому, что в них, а не в карфагенянах, было что-то от той силы, которая двигала Ганнибалом: они, как сказал о них Полибий, "не верили ничему невозможному, на что был настроен их разум".

IV

Сципионы

Сципион, которому после победы над Ганнибалом его соотечественники дали имя Африкан, был римлянином нового типа. Для него интересы и дела мира не ограничивались войной. Он

много читал и много путешествовал в течение своей жизни и глубоко задумался над многими вещами, которые едва ли могли волновать обычного римлянина его времени, хотя они должны были глубоко волновать римлян, пришедших после него. Он любил Рим, но его любовь не была простой беспрекословной преданностью старых римлян, для которых было достаточно того, что город существует, и что с ним связана их религия, а также их патриотизм. Он любил Рим, потому что считал его олицетворением чего-то прекрасного.

О домашней жизни Сципиона мы знаем немного: но он был человеком многих теплых и преданных дружеских отношений и, несомненно, проявлял глубокую привязанность к своему отцу, брату и Сципиону Аэмилиану, своему внуку по усыновлению. В молодости он отличался стройным ростом и чрезвычайно честным цветом лица; кожа легко краснела и показывала чувства, которые он впоследствии научился скрывать.

О его характере можно судить по его бюсту, на котором над твердым ртом и мощным подбородком человека действия и решительной воли изображены вопросительные глаза и тонкий лоб мыслителя. Это суровое, но не совсем холодное лицо; прежде всего, это лицо человека, для которого ничто не было безразлично. Как и большинство портретов великих людей, оно хорошо изображает своего героя в среднем возрасте, когда энтузиазм молодости остыл и улегся, но это лицо человека, способного на энтузиазм, если энтузиазм контролируется рассудительностью.

СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ

Сципион был способен на энтузиазм, но не на такой, который увлекал его или заставлял совершать безрассудные поступки. Римляне его времени верили, что он родился под счастливой звездой, был в каком-то смысле особым любимцем богов. Конечно, случайности, которые губят или делают людей, на протяжении всей его жизни, казалось, всегда

оборачивались во благо. Он совершал ошибки, и они оказывались более удачными, чем могли бы быть самые мудрые суждения. Но настоящим секретом его успеха была не удача, а уверенность в себе. Он никогда не терял голову. Он верил, что сможет сделать все, к чему приложит руку. Эта вера не только вселяла уверенность в других, но и проносила его через этапы трудностей и кажущихся неудач, когда все, кроме самых сильных, склонны бросать начатое дело. Более того, благодаря вере в себя Сципиона никогда не беспокоила ревность или зависть к успехам других людей. Похвалы людей не волновали его; важно было его собственное мнение, и он знал, каково оно. В то же время в характере Сципиона не было и тени того, что греки называли "демоном" в человеке, а мы - божественной искрой. Невозможное не манило его. Его воображение и желания перемещались среди вещей, которые можно было сделать. Он был не способен на такую страсть, как у Ганнибала. Он никогда не смог бы отправиться на завоевание мира и держаться год за годом, побежденный, но не побежденный, зная, что не может победить, но отказываясь сдаваться. Он был прирожденным лидером успешного народа. За спиной у него всегда был Рим. У Ганнибала в этом смысле ничего не было за спиной. Он должен был создавать свои инструменты силой своей собственной огненной энергии. Сципион никогда не смог бы этого сделать. Ему показалось бы глупым пытаться это сделать.

Хотя Сципиона волновало многое за пределами военного дела, большинство его соотечественников восхищались и почитали его именно как солдата. Война была единственной дорогой к высокому положению и отличиям, признанным в Риме. Сципион, как и другие юноши его сословия - он принадлежал к очень древнему и почетному роду Корнелиев, - с детства обучался военному делу.

В битве при Тицине жизнь консула Публия Корнелия Сципиона была спасена благодаря галантности восемнадцатилетнего юноши, участвовавшего в его первой кампании. Этот юноша был его сыном, названным, как и он сам, Публием Корнелием Сципионом. Он снова сражался при Каннах и вместе с сыном старого Фабия Кунктатора оказался в числе немногих молодых офицеров, которым удалось спастись живыми. Когда он уходил с поля боя, то наткнулся на группу людей, среди которых было несколько офицеров, которые в отчаянии после страшного дня считали, что Рим потерян. Все, что им оставалось, - это пересечь моря и попытаться в новой стране сделать карьеру. Сципион и молодой Фабий, обнажив мечи, заставили их отказаться от этой идеи и поклясться, что они не покинут свою страну. Эти молодые люди сослужили отличную службу, помогая Варро собрать остатки его разрозненной армии, а Сципион был четко обозначен для верховного командования в последующие годы.

Однако никто не мог предвидеть, что это произойдет так скоро, как произошло на самом деле. После битв при Тицине и Требии отец Сципиона и его дядя были отправлены в Испанию, чтобы отвоевать потерянные там провинции и предотвратить приход помощи Ганнибалу. Кроме того, они нагнетали обстановку в Африке. Но их успех был недолгим. Когда брат Ганнибала Гасдрубал вернулся в Испанию, испанцы, записавшиеся в римскую армию, дезертировали. Наконец, через четыре года после Канн Публий Сципион был разбит и убит, и Кнея, зажатого тремя армиями, постигла та же участь. Позволить карфагенянам удержать Испанию было серьезной опасностью, а победить их - большой задачей. Римский сенат долго совещался, кого послать. Казалось, не было ни одного способного человека, которого можно было бы пощадить. Фабий был очень стар, Аэмилиус мертв, Марцелл нужен для борьбы с Ганнибалом. Более молодые генералы считали, что командование испанцами связано с большим риском, чем со славой.

Наконец Сципион вышел вперед и предложил себя. Яркий рассказ о том, какое впечатление он произвел на людей своего времени, приводит Ливий.

Африкан, молодой проконсул

В Риме, после восстановления Капуи, сенат и народ были обеспокоены ситуацией в Испании не меньше, чем в Италии, и было решено укрепить армию и отправить туда нового командующего. Однако мнения о том, кто лучше всего подойдет на эту должность, не было, хотя все считали, что, поскольку за тридцать дней пали два великих полководца, их преемника следует выбирать с особой тщательностью. После того как были предложены различные имена, было решено, что народ должен избрать проконсула для испанского командования, и консулы оповестили о дне выборов. Предполагалось, что кандидатами станут все, кто посчитает себя достойным этой ответственности, и когда эти ожидания не оправдались, в народе вновь зазвучала скорбь о недавних катастрофах и сожаление о погибших генералах. Так случилось, что в день выборов горожане спустились на равнину в унынии и без определенной цели. Обращаясь к собравшимся магистратам, они оглядывали вождей, беспомощно переминавшихся с ноги на ногу, и роптали, что удар был так велик, а положение так безнадежно, что никто не осмелится принять испанское командование. И тут же П. Сципион, сын Публия, павшего в Испании, предложил себя в качестве кандидата, хотя ему было всего двадцать четыре года, и занял видное место. Все взгляды были устремлены на него, а крики аплодисментов, которые тут же разразились, предрекали удачу и успех его миссии. Затем состоялись выборы, и П. Сципион получил голоса не только всех веков, но и каждого человека. Однако, когда дело было закончено и пыл и энтузиазм улеглись, среди всеобщего молчания люди стали спрашивать себя, что же они на самом деле сделали и не принесла ли им благосклонность судьбы. Было распространено мнение, что проконсул слишком молод, а некоторые даже находили дурное предзнаменование в несчастьях его семьи и в самом имени Сципиона, поскольку он покидал два дома в трауре, чтобы отправиться в провинции, где ему придется сражаться за могилы своего отца и дяди.

Когда Сципион увидел, какое беспокойство и тревогу вызвал этот поспешный поступок, он пригласил народ встретиться с ним и с такой гордостью и уверенностью говорил о своей молодости, о возложенном на него долге и о войне, которую ему предстояло вести, что пробудил и возобновил весь прежний энтузиазм и наполнил слушателей более оптимистичными надеждами, чем обычно предполагается на основании доверия к обещаниям или выводам из установленных фактов. Сципион не просто заслуживал восхищения своими подлинными качествами, но с юности был наделен особым умением использовать их по максимуму. Когда он давал советы людям, то основывал их на ночном видении или вдохновении, казавшемся божественным, либо потому, что в какой-то мере был подвержен суеверию, либо потому, что ожидал, что его желания и приказы будут исполнены с готовностью, если они получают некую оракульную санкцию. С ранних лет он начал производить такое впечатление и, как только достиг совершеннолетия, не делал никаких дел, ни общественных, ни частных, пока не отправлялся на Капитолий и не входил в храм, где обычно сидел некоторое время один и в одиночестве. Этой привычкой, которой он придерживался всю свою жизнь, он подкрепил, намеренно или случайно, веру некоторых в то, что он имеет божественное происхождение, и тем самым возродил похожую и столь же необоснованную историю, бытовавшую когда-то об Александре Македонском, что он был сыном огромной змеи, которую часто видели в доме до его рождения, но при приближении кого-либо она ускользала и исчезала из виду. Сципион ничего не сделал, чтобы опорочить эти чудеса; более того, он косвенно подтвердил их, поскольку, ничего не утверждая, он ничего и не отрицал.

Ливий, xxvi. 18-19.

Он был еще очень молод, но уже заставил людей проникнуться к нему доверием. В Испании, хотя он начал неудачно, так как позволил Гасдрубалу перейти Пиренеи со своей армией и отправиться в Италию на помощь Ганнибалу, его испанская кампания была проведена умело, а взятие Нового Карфагена было смелым и блестящим подвигом. Когда после Метавра пришло время выбирать полководца для нападения на Ганнибала у себя дома, все в Риме считали, что Сципион - именно тот человек. Он закончит войну. Серьезных соперников не было; долгая борьба измотала старых генералов. Некоторые старомодные сенаторы не доверяли Сципиону. Он был слишком культурен, слишком увлекался греческой литературой и слишком молод. Но он был кумиром народа, обожающего успех, и его кандидатура была выдвинута всеобщим одобрением.

Вскоре карфагеняне оказались в таком затруднительном положении, что отправили Ганнибалу бешеные послания с просьбой прийти на помощь. Они знали, что их ждет смертельная схватка. Ганнибал пришел. Даже его гений не мог на этом этапе изменить ход войны. У него не было времени обучить сырые карфагенские войска. Его ветераны были непобедимы, но их численность была значительно меньше, когда на равнинах Замы, в пяти днях марша от Карфагена, он встретился со Сципионом в последней битве (202). Это была победа Рима. Ганнибал, который всегда видел вещи такими, какие они есть, знал, что долгая борьба окончена. Карфаген должен пойти на любые условия. Эти условия были суровыми. Город потерял все свои иностранные владения, должен был выплатить большую компенсацию и отдать все военные суда, кроме двадцати, и всех слонов; даже в пределах Африки нельзя было проводить никаких военных операций, кроме как с разрешения Рима. Город, однако, остался свободным. Сципион решительно выступил против тех, кто требовал полного уничтожения Карфагена. Точно так же он протестовал против требования изгнать Ганнибала, выдвинутого шесть лет спустя.

Сципион вернулся в Рим в обстановке необычайного энтузиазма и ликования. На всем пути от Региума, где он высадился, до самого Рима люди выходили на улицы и выстраивались вдоль дорог, приветствуя его как человека, спасшего свою страну. Он с триумфом вошел в город, промаршировал к храму Юпитера на Капитолийском холме, чтобы возложить к алтарю свои венки из оливок и лавра. В честь его победы были устроены великолепные игры, продолжавшиеся несколько дней, а сам он получил имя Африкан.

Следующие несколько лет Африкан вел в Риме жизнь частного лица, занимался политикой, а свободное время посвящал изучению греческой литературы, которой был предан. Эти занятия он делил со многими друзьями, среди которых были Лаэлий, который был его верным лейтенантом в испанской и африканской войнах, Тиберий Гракх Старший, муж дочери Сципиона Корнелии, женщины с высоким характером и образованностью, и Аэмилий Паулюс, на сестре которого он женился и племянник которого впоследствии был усыновлен сыном Африкана в семью Сципионов и стал известен как Сципион Аэмилиан. Читая пьесы, поэзию и философию греков, образованные римляне понимали, что они не одиноки в этом мире. До них жил народ, который был искусен во всех жизненных искусствах в то время, когда они сами были грубыми варварами, как галлы, которых они презирали.

Однако Греция их времени уже не была Грецией славного прошлого. Великая империя Александра, простиравшаяся на половину Азии, распалась на части. В самой Греции разные народы враждовали между собой. Даже после того, как римские войска освободили греков от Филиппа Македонского, Антиох Азиатский угрожал им; при дворе Антиоха находился Ганнибал. Именно в качестве посланника из Рима при его дворе Сципион познакомился и

поговорил с Ганнибалом. Позже он стал помощником своего брата Луция, когда тот был назначен полководцем в войне против Антиоха, и в конце концов победил его в битве при Магнезии в Малой Азии.

Далеко не все образованные римляне разделяли отношение Сципиона к Греции. Напротив, многие считали, что простота великого древнеримского характера разрушается, а молодые люди впадают в роскошь и женоподобность. Такой точки зрения придерживался, например, Марк Порций Катон, человек в высшей степени честный и мужественный. Он сам был жестким человеком и хотел, чтобы и другие были жесткими. Он не видел разницы между любовью к красоте и роскоши. Он не видел ничего плохого в старом порядке и ничего хорошего в новом.

Сципионы, Африкан и его брат, носивший теперь имя Азиатика, были особыми врагами Катона. Он боролся в сенате с Африканом из-за Карфагена, так как старик хотел, чтобы город Ганнибала был стерт с лица земли. Он ненавидел греческие идеи Сципиона. Он считал его слишком гордым и своевольным, чтобы быть хорошим слугой государства. После греческой кампании Катон потребовал от Азиатика отчета о деньгах, потраченных на войну с Антиохом, предположив, что тот был расточителен. То, что такое обвинение было выдвинуто против его брата, привело Сципиона Африканского в ярость. Он отказался защищать его; характер Сципиона был его собственной защитой. В присутствии сената он разорвал бухгалтерские книги, которые потребовал Катон. Когда Луция все же осудили, Сципион спас его силой. После этого он сам был обвинен в измене двумя трибунами. Но и тогда его надменный дух не покорился. Вместо того чтобы отстаивать свою правоту, он напомнил народу, что сегодня годовщина того дня, когда он победил Ганнибала при Заме. Пусть они пойдут за ним в храм Юпитера и помолятся о том, чтобы таких граждан, как он, было больше. Толпа повиновалась. Больше о суде ничего не было слышно.

Однако гордость Сципиона была глубоко уязвлена. В юности он был кумиром Рима. То, что его и его брата обвиняют перед римским народом, было для него невыносимым признаком неблагодарности и подлости. Он покинул Рим, отряхнув пыль с его ног, и удалился в деревню. Там через несколько лет он умер в возрасте пятидесяти трех лет. В своем завещании он распорядился, чтобы его прах не был доставлен в Рим.

В том же году (183) умер и Ганнибал. Римляне до последнего боялись его; Ганнибал принял яд, когда узнал, что Никомед Вифинский, при дворе которого он находился, получил приказ выдать его Риму.

Сципион Аэмилиан

Молодой человек, оставшийся носить великое имя Сципиона, был сыном Аэмилия Павла и племянником по браку Африкана, сын которого усыновил его в семье Корнелиев.

Сципион Аэмилиан, чтобы дать ему имя, под которым он был всегда известен после этого усыновления, видел, даже более ясно, чем Африкан, что Рим меняется, и что в этих изменениях хорошо, а что плохо. Он разделял и хорошее, и плохое. Никто яснее его не видел подлости разрушения Карфагена и жестокости разграбления Нуманции; однако именно ему, как полководцу, пришлось их осуществить. Он видел опасность растущего контраста между растущим богатством немногих богачей, в казну которых стекались сокровища со всех концов света, и нищетой бедняков в Риме; он видел жестокость, безразличие к человеческой жизни и любовь к удовольствиям, которые наполняли умы людей после ряда

успешных войн; он видел, как исчезает прежняя простота жизни и высокая преданность стране и растет новый эгоизм и личные амбиции.

Сципион был человеком дела, отличным солдатом и полководцем. Даже старый Катон, ненавидевший Сципионов, был вынужден восхищаться Аэмилианом. Говоря о нем, он процитировал знаменитую фразу Гомера: "Он - настоящий человек, остальные - тени". В очень глубоком смысле это было правдой. Ум Сципиона Аэмилиана видел под поверхностью вещей реальность. Он умел действовать, но, как и все действительно первоклассные люди действия - Наполеон, Ганнибал, Цезарь, - он был мыслителем. За его столом собирались самые интересные люди Рима. Они говорили обо всех вопросах, которые озадачивали и озадачивают умы людей с тех пор, как они вообще начали думать. Самым близким из его друзей был Полибий, великий греческий историк, написавший историю войн с Карфагеном. Он жил в его доме и сопровождал его в войнах в Испании и Африке. Полибий стоял рядом со Сципионом, наблюдая за тем, как Карфаген горит дотла (146). Из Рима пришел приказ о полном уничтожении города; лемех должен был быть проведен по его территории и торжественное проклятие наложено на любого, кто когда-либо отстроит его. "Это удивительное зрелище, - сказал Аэмилианус, наблюдая за тем, как рушатся стены и здания в пламени, поднимающемся вверх, и огромное облако рыжего дыма затемняет и сгущает полуденное небо Африки, - но я содрогаюсь при мысли, что кто-то может однажды отдать такой же приказ Риму".

Приведенный ниже очерк характера Сципиона, сделанный Полибием, показывает некоторые его отличительные черты:

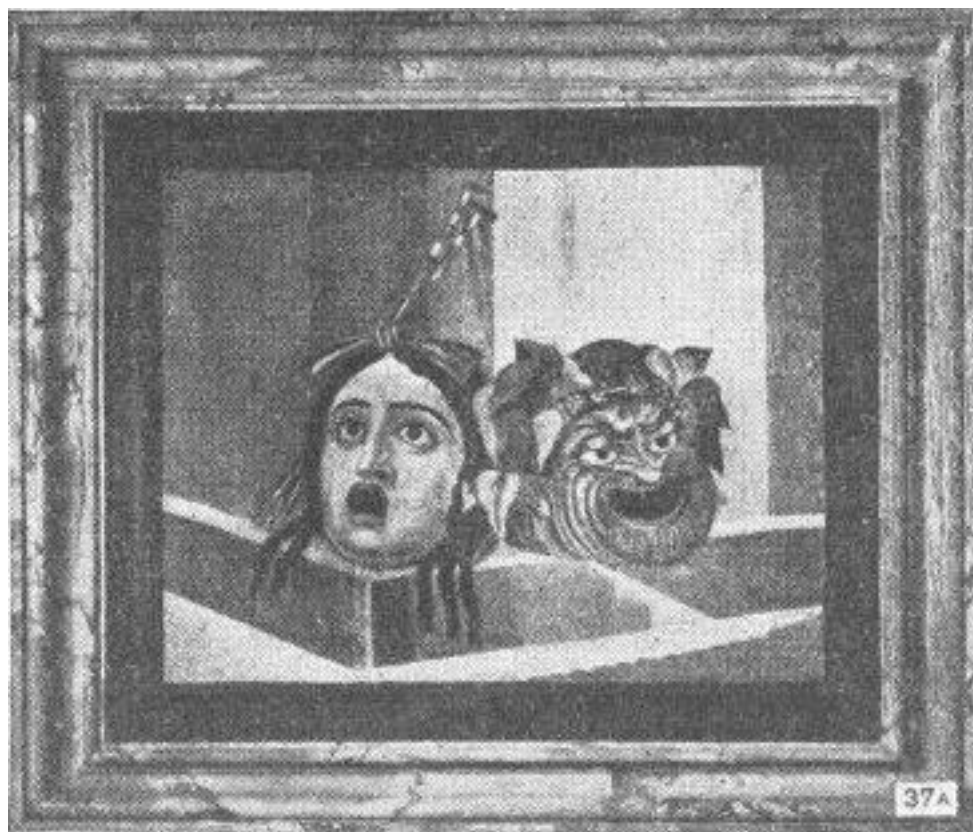
Сципион Эмилиан как спортсмен

После того как война была решена, Паулюс, полагая, что охота - это лучшее обучение и отдых для молодого человека, отдал царских егерьей в распоряжение Сципиона и предоставил ему полную власть над всем, что связано с погоней. Сципион с готовностью принял это поручение и, воспринимая его почти как царскую должность, продолжал заниматься им до тех пор, пока армия оставалась в Македонии после битвы. Его молодость и природный нрав подходили для этой охоты, как породистая гончая, и его преданность охоте стала постоянной и сохранилась, когда он приехал в Рим и нашел Полибия таким же энтузиастом, как и он сам. Таким образом, все время, которое другие молодые люди проводили в судах и на утренних звонках, ожидая на Форуме и пытаясь таким образом произвести благоприятное впечатление на народ, Сципион посвящал охоте; и поскольку он постоянно совершал блестящие и выдающиеся подвиги, он выделялся больше, чем все остальные. Ибо они не могли заслужить славы иначе, как причинив вред другим; таковы условия судебного процесса; Сципион же, не причинив никому вреда, приобрел в народе репутацию храбреца, сообразуя слова с делами. Поэтому вскоре он превзошел своих современников больше, чем любой римлянин, о котором мы имеем сведения, хотя он шел к славе путем, который, с учетом римского характера и предрассудков, был прямо противоположен тому, который выбрали его соперники".

Полибий, xxxvi. 15. 5-12.

Из Карфагена прибыл еще один друг Сципиона - поэт Теренций. Родившийся в этом городе примерно во время смерти Ганнибала, юноша прибыл в Рим в качестве раба. Его редкие роли привлекли внимание хозяина, который в конце концов освободил его. Теренция представил Сципиону другой его друг. Это был Цецилий, драматург. К сожалению, все его

пьесы утеряны, и мы не можем судить о том, какими они были. Однажды, когда Цецилий ужинал, ему сказали, что распорядители игр прислали молодого человека прочитать ему пьесу, которую он им представил и о которой они хорошо отзывались. Цецилий позвал его, велел сесть на табурет по другую сторону стола от той, за которой он и его друзья отдыхали на диванах, и начал читать ему. Молодой человек успел прочесть всего несколько строк, когда старший поэт остановил его. Он сказал, что произведение настолько хорошо, что он должен сидеть у ног автора, а не тот у его; он позвал Теренция к столу. После этого Цецилий взял юношу к Сципиону Аэмилиану, и вскоре он стал одним из членов интимного кружка, который Сципион собрал вокруг себя. Сципион и Цецилий помогали ему советами, и все вместе они занимались любимым делом Сципиона - совершенствованием и очищением латинского языка. Строка из одной из пьес Теренция выражает точку зрения, которую пытались занять Сципион Эмилиан и его друзья. "Я человек: ничто человеческое мне не чуждо". Эти пьесы - одни из самых ранних произведений чистой литературы на латинском языке, и в каждой строчке их прослеживается влияние Греции. Греческий дух был духом вопрошания, и его влияние на римскую мысль было глубоким.

ТРАГИЧЕСКИЕ И КОМИЧЕСКИЕ МАСКИ

Сципион Эмилиан задавал вопросы, но смотрел со стороны. Он видел в нынешнем состоянии Рима много того, что могло его беспокоить и не устраивать; он боялся того, что может произойти в будущем, когда немногие станут богаче, а многие беднее; но он не предпринимал никаких действий. Его ум был умом философа; подобно своим друзьям Полибию и Теренцию, он хотел понять. Он не верил, что все можно изменить. Что должно было случиться, то и случится; беспокоить и озадачивать себя бесполезно и может быть опасно. Люди, которые возбуждались и верили, что можно легко добиться больших улучшений, казались ему глупыми и опасными. Легко породить беспорядок, испортить то, что сделало Рим великим; очень трудно внести изменения. Люди, которые действительно

служили Республике, - это не политики, шумящие на рынке, выступающие в собрании, и не праздная грязная толпа, которая слушала их и готова была кричать сегодня за это, а завтра за другое. Их Сципион презирал. Настоящими тружениками и строителями он считал молчаливых солдат, сражающихся и работающих во всем унынии и дискомфорте лагерей в чужих странах. В Сципионе было много от того Луция Юния Брута, который в первые дни Республики приговорил к смерти своих собственных сыновей за государственную измену. Своих друзей и родственников он судил более, а не менее строго, чем других людей. Так, когда Тиберий Гракх, родственник и шурин Сципиона (его женой была Семпрония, сестра Гракха), внес свой земельный законопроект и вступил из-за него в конфликт с сенатом, Сципион был против него. Когда в результате борьбы за земельный билль на улицах Рима начались беспорядки и Тиберий был убит, Сципион выступил в сенате с речью, в которой сказал, что Тиберий заслужил свою смерть. Он процитировал строку Гомера: "Так погибают все, кто снова совершает подобное". Когда люди в гневе закричали на него, он обратился к ним с холодным презрением - страх в любом виде не был присущ Сципиону - и сказал: "Молчите, вы, для которых Италия - только мачеха". Подобные речи не сделали его популярным. Сципиона так уважали, что люди всегда слушали, когда он говорил. В нем было что-то возвышенное и великолепное, и ни один солдат его времени не мог с ним сравниться. Но он держался отстраненно. За пределами своего круга близких друзей он был малоизвестен и малопонятен.

Его смерть была внезапной и загадочной. Однажды после выступления в Сенате он вернулся домой, внешне здоровый и в своем обычном спокойном расположении духа. Не произошло ничего, что могло бы его обеспокоить. Казалось, его ничто не тревожило. На следующее утро его нашли мертвым в своей постели. Что произошло, так и осталось неизвестным. Шептались, что он был убит.

V

Гракхи

Ни один рассказ о героях римской истории не был бы полным и правдивым, если бы в нем не упоминались женщины. Хотя римская женщина не должна была принимать никакого участия в общественных делах, хотя до замужества она подчинялась власти отца, а после - мужа, существует бесчисленное множество историй, которые показывают, насколько велика была реальная роль женщин в жизни Рима, даже в довольно ранние времена. Они часто были так же образованны, как и мужчины, а иногда и лучше.

Так было в случае с Корнелией, дочерью Сципиона Африканского и женой Тиберия Гракха Старшего. Оставшись вдовой, когда старший из ее троих детей, названный Тиберием в честь отца, был совсем маленьким, она сама занималась их обучением. От нее ее сыновья и дочери научились быть простыми и выносливыми в своих привычках, правдивыми и честными в своих мыслях и заботиться о вещах духа, а не тела, как это делала она сама. Когда ее друзья хвастались перед ней богатым убранством своих домов, шелковыми одеждами, украшениями и драгоценностями, Корнелия обращалась к своим детям и говорила: "Это мои сокровища". Она учила Тиберия, Кая и их сестру, что важно не то, что у человека есть, а то, кем он является. Они были богаты. Они носили почетное имя. Но все это не даст им чести, если в них самих не будет души чести. Они должны были стремиться не к собственному удовольствию или комфорту, и даже не к личной славе, а к жизни в истинном служении своим согражданам. А это означало, что они должны видеть вещи такими, какие они есть, и не довольствоваться теми названиями, которые им давали люди. Они хотели

видеть Рим великим и помогать ему становиться еще более великим. Она учила их, что город, как и человек, становится великим только тогда, когда он стремится к праву и справедливости. Простое богатство и власть не делают его таковым.

Эти мысли закрепились в сознании юных Гракхов. По мере взросления они, как и Сципион Аэмилиан и Лаэлий, интересовались греческой ученостью, искусством и литературой, поэзией и всем тем, что делает жизнь прекрасной; но их беспокоило, как не беспокоило Сципиона, что эти блага достаются лишь немногим, а большая часть народа не имеет к ним ни малейшего отношения. Им, как когда-то Каю Фламинию, казалось неправильным и опасным, что Рим должен состоять, как они видели, из двух родов людей, все более и более отделенных друг от друга: немногих, у которых есть все, и многих, у которых нет ничего. Они не могли считать, как это делал Кориолан, как это делал Фабий, как это делал Катон и как это делал Сципион Эмилиан, который, как им казалось, делал все больше и больше, что все хорошее находится среди обеспеченных и культурных немногих, а то, что происходит со многими, не имеет значения. Им казалось, что важно, если эти многие бедны, невежественны, глупы. Но не обязательно, чтобы они были такими. Они были невежественны и глупы, потому что были бедны. Если бы их участь была менее тяжелой, они могли бы быть умными и хорошими, или, во всяком случае, лучше, чем сейчас.

Так казалось Тиберию Гракху, а затем и его младшему брату Каю, когда они смотрели на то, что видели, в свете того, чему их учила Корнелия. Они не могли считать жизнь прекрасной, пока так много людей были несчастны, не могли чувствовать, что Рим - город их мечты, каким бы богатым и могущественным он ни был, сколько бы земель за морями ни принадлежало его власти, пока простые мужчины, служившие солдатами в римских армиях, простые женщины, которые вели домашнее хозяйство и воспитывали детей, были несчастны.

Великие войны, приносившие славу полководцам, богатство и гордость Риму, на самом деле делали бедняков еще более несчастными по многим причинам, но по двум в особенности. Первая - растущее число рабов в городе. После каждой кампании захватывались тысячи пленных, которых не отдавали по окончании войны; они становились рабами завоевателя. После войн с Сицилией, Карфагеном, Испанией, Грецией, Малой Азией в Риме было так много рабов, что простому римлянину было нелегко найти работу. Другая причина заключалась в сложности получения земли. Когда-то, до долгих войн, Италия была страной мелких фермеров и крестьян, которые жили на небольшом участке земли, иногда арендованном, иногда собственном, и возделывали его. Теперь таких счастливых фермеров было очень мало. Мужчины были призваны на войну, и многие из них так и не вернулись. А происходило вот что. Пока мужчина был на войне, его жена, с детьми, за которыми нужно было присматривать, и менее сильная, чем он, редко могла полноценно обрабатывать землю. Даже если ей удавалось прокормить детей, у нее не оставалось ни денег, ни продуктов, чтобы заплатить за аренду. Тогда помещик выгонял ее, забирая участок и присоединял его к своим владениям. Так происходило по всей Италии. Если хозяина не вывозили, земля приходила в негодность от небрежения. Поэтому многие солдаты, вернувшись, обнаруживали, что их дома больше нет. У других, усталых, изможденных и, возможно, искалеченных после долгих лет тягот войны, не было ни сил, ни энергии, чтобы взяться за тяжелую работу по вскапыванию и подготовке земли, которая была заброшена в течение многих лет. В то же время общие земли, которые должны были принадлежать всему народу, который мог пасти на них свой скот или рубить лес, в годы войны понемногу отбирались крупными помещиками. Таким образом, люди, которые хотели получить землю, не могли ее получить. Крупные поместья становились все больше, и управлялись они в основном за счет рабского труда. Независимый крестьянин, который был опорой римской

армии, исчезал. Уже во времена Сципиона некоторые люди начали беспокоиться о земельном вопросе, поскольку видели, что если исчезнут крестьяне и фермеры, то исчезнут и лучшие солдаты.

Все это было хорошо известно; это происходило уже давно. Люди говорили, но ничего не предпринимали. Иногда, однако, появляется человек, способный увидеть то, что большинство людей по привычке или лени воспринимают как нечто само собой разумеющееся, и побудить его к действию. Таким человеком был Тиберий Гракх. В молодости он был тихим, довольно застенчивым и очень молчаливым; он много думал и мало говорил об этом. Некоторые люди считали его медлительным. Это была медлительность ума, которому требуется много времени, чтобы убедиться в чем-то, но, убедившись, он никогда не опускает руки. Когда он говорил, люди замечали, что его замечания были справедливыми, хорошо продуманными и доходили до самой сути дела. Его преданность долгу была очевидна; как солдат он завоевал уважение и любовь своих людей неизменной справедливостью нрава и тем, что никогда не просил их идти на риск или нести трудности, которые не разделял сам. Кроме того, он приобрел репутацию честного человека, которая, как говорит Плутарх, была бесконечно ценной.

Тиберий Гракх. Ценность репутации честного человека

После ливийской экспедиции Гракх был избран квестором, и ему выпало служить против нумантинцев под началом консула Гая Манцина, который обладал некоторыми хорошими качествами, но был самым неудачливым из римских полководцев. Неожиданные ситуации и неудачи на поле боя высветили не только способности и мужество Тиберия, но и, что было еще более примечательно, его уважение и почтение к своему начальнику, который был настолько подавлен катастрофой, что едва ли понимал, командует он или нет. После нескольких решительных поражений Манцин оставил свой лагерь и попытался ночью отойти, но нумантинцы, зная о его передвижениях, сразу же заняли лагерь, обрушились на его войска, когда они бежали, устроили погром в тылу и загнали всю армию на труднопроходимую местность, откуда невозможно было выбраться. Тогда, отчаявшись найти безопасный путь, он отправил посланников с предложениями о перемирии и условиях мира. Враги ответили, что не доверяют никому, кроме Тиберия, и настаивали на том, чтобы он был послан к ним. Отчасти такое отношение объяснялось их высоким мнением о Тиберии, чья репутация была всем известна, отчасти - памятью о его отце, который, сражаясь испанскими племенами и покорив многие из них, заключил мир с нумантинцами и убедил римский народ неукоснительно подчиняться и соблюдать его. Таким образом, был послан Тиберий, который после некоторых переговоров заключил договор и, несомненно, спас двадцать тысяч римских граждан, а также сопровождающих их лиц и последователей".

Плутарх, liii. 5.

Когда Тиберий путешествовал по Италии, направляясь на войну в Испанию, он смотрел на состояние народа своей страны, думал о судьбе своих солдат, и увиденное привело его в негодование и беду. На знаменах, которые несли в бой, над общественными зданиями, во главе законов и указов, изданных правительством, стояли буквы "S.P.Q.R." - Сенат и Народ Рима. Сенаторы, как он знал, были богаты и становились все богаче. Имя Рима разносилось далеко и широко. А что же народ? Как сказал сам Тиберий: "У диких зверей Италии есть свои логова и укрытия, но те, кто сражается и умирает за Италию, скитаются бездомными со своими женами и детьми и не имеют ничего, что они могли бы назвать своим, кроме воздуха и солнечного света".

Тиберий видел и чувствовал. Но видеть и чувствовать было недостаточно. Он решил действовать. Земельный вопрос, бездомность и нищета народа, а также вопрос армии, по его мнению, были частью одного целого. Он решил решать их вместе.

Когда он вернулся со второй службы в Испании (134), его избрали одним из народных трибунов. Почти сразу же он представил свой законопроект о земле. Идея этого законопроекта была проста. По всей Италии Римское государство владело огромными поместьями. Но уже много лет назад эти поместья были либо сданы в аренду, либо заняты крупными землевладельцами или богатыми людьми Рима. Они владели ими. Но земли им не принадлежали. По закону и справедливости не было никаких причин, по которым Республика не могла бы вернуть и использовать то, что ей принадлежало. Эти земли, разделенные на мелкие наделы, дали бы средства к существованию сотням тысяч крестьян-собственников. Жалкая нищета Рима была бы сметена. Возникла бы новая раса.

КОСТЮМ. РИМСКАЯ ТОГА,
с терракоты из Британского музея

Законопроект был разумным. Бедные слои населения приняли его с энтузиазмом. Умеренные люди видели, что это искренняя попытка справиться с положением вещей, которое они знали и о котором сожалели. Они понимали, что нужно что-то делать для бедных; они были рады любому плану, который обещал уменьшить роскошь и показуху богатых. Но крупные землевладельцы, чьи поместья подлежали разделу, которых призывали вернуть то, что, в конце концов, никогда им не принадлежало, были в ярости. Они были

готовы пойти на все, чтобы победить законопроект. Для них Тиберий был опасным человеком, предателем своего класса. Поскольку они были в меньшинстве, то знали, что, если дело дойдет до голосования, их ждет поражение. Чувства нарастали по мере приближения дня голосования. Тиберий стал любимцем народа, но ему приходилось ходить вооруженным, опасаясь нападения со стороны партии землевладельцев. Наконец последние придумали хитроумное средство. Трибунов, магистратов, представлявших бедные слои населения, или плебеев, как их называли, было десять, по одному от каждого из десяти племен. Если один из них выбирал, он мог остановить все, что хотели сделать остальные, сказав "Veto" - "Запрещаю". Эта власть должна была использоваться редко и только в случае серьезной опасности. Изначально трибун мог сказать "Veto" только по религиозным соображениям, потому что, изучив предзнаменования, он видел что-то, что показывало, что боги неблагоприятны. Однако теперь землевладельцы уговорили Октавия, одного из коллег Тиберия, наложить вето на его земельный законопроект. Тиберий понял, что произошло. Он попытался убедить Октавия уступить. Тщетно. Тогда, как это бывает с людьми, которые кажутся очень спокойными и трудноподвижными, его гнев, который медленно нарастал, вырвался наружу. Он вышел на народное собрание и обрушился на Октавия с мощной критикой. Как можно говорить, что человек представляет народ, спрашивал он, что он народный трибун, который делает все возможное, чтобы помешать мерам, которых народ желал и которые были всецело направлены на его благо? Наступило сильное волнение. Тиберий призвал Октавия уйти в отставку. Октавий отказался. Тогда Тиберий потребовал избрать другого трибуна на место Октавия. Это противоречило всем правилам и порядку. Тем не менее, это было сделано. Октавий был смещен. Вместо него был избран новый трибун. На фоне всеобщего ликования был принят закон о земле.

Землевладельцы были полны глубокой горечи против Тиберия и обвиняли его во всяких вещах. Они говорили, что он хочет расстроить государство и разорвать законы, потому что принял закон, отнимающий у них часть их земель, которые на самом деле никогда им не принадлежали. Однако он спокойно продолжал свою работу. Был создан комитет, в который вошли Тиберий и его блестящий молодой брат Кайус, чтобы разделить общую землю и раздать ее по жребию тем гражданам, которые нуждались в ней и могли ее обрабатывать. Это была долгая задача. В конце года Гракх перестал быть трибуном. Его работа не была завершена. Сенат отказался выдать земельной комиссии деньги на расходы и всячески препятствовал ее работе. Кроме того, из-за ненависти землевладельцев сам Гракх, как частное лицо, вряд ли был в безопасности. Поэтому, когда пришло время выборов, он попросил, чтобы его снова выбрали трибуном.

Многие граждане, приехавшие из сельских округов, чтобы проголосовать за законопроект о земле, вернулись обратно; другие покинули Рим, чтобы подготовиться к новым наделам или заняться ими. Обвинения, выдвинутые против Гракха, заставили робких людей испугаться; они забеспокоились, когда было сказано, что человек не может законно быть избранным трибуном два года подряд. Еще больше их встревожили речи самого Гракха. Чувства разгорались с обеих сторон, и было ясно, что день выборов не пройдет без беспорядков.

Почти до восхода солнца в Капитолии начались беспорядки и драки с применением палок и камней между теми, кто хотел избрания Тиберия, и теми, кто этого не хотел. Как это всегда бывает, к ним присоединились многие, кто не знал и не заботился о том, из-за чего начались беспорядки. Когда появился сам Тиберий, он поднял руку, призывая своих друзей собраться вокруг него. Об этом сообщил в сенат один человек, который воскликнул: "Тиберий Гракх поднял руку к голове: он просит граждан короновать его". На это Насика, сенатор,

ненавидевший Гракха, потребовал предать его смерти как предателя. Когда консул отказался, Насика выскочил с телом сенаторов и, набросившись на людей, стоявших вокруг Тиберия, прорвался через них и почти сразу убил его (133). В панике многие другие были убиты и растоптаны ногами. Тело Гракха было брошено в Тибр. Многие из его сторонников были заключены в тюрьму. У других отобрали все имущество.

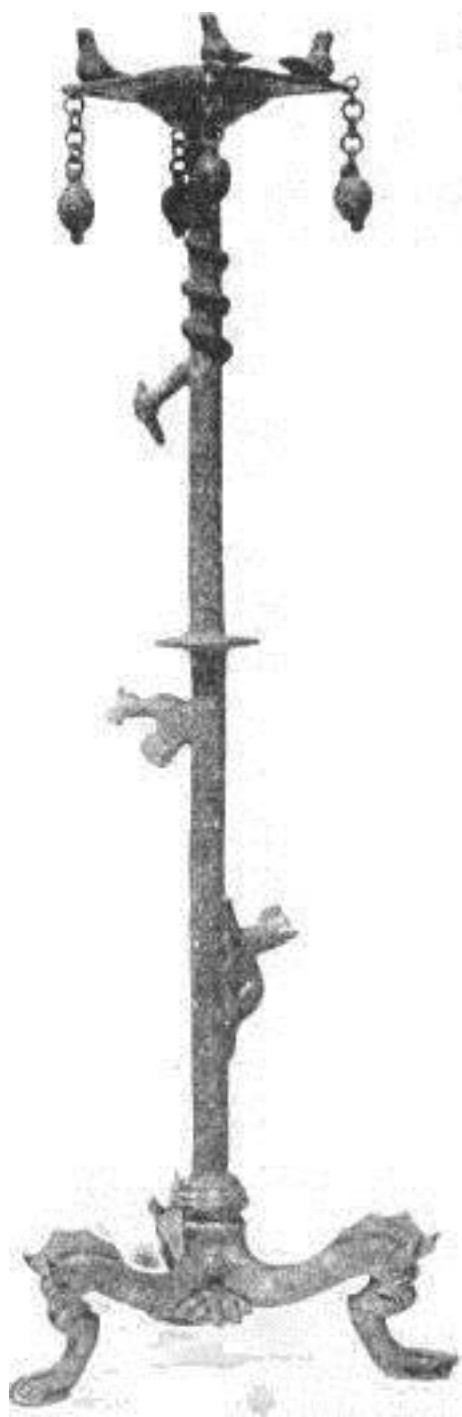
Сенаторы, несомненно, надеялись, что после смерти Тиберия о его делах скоро забудут. Но зло, которое он пытался исправить, осталось. А за границей служил в армии его брат Кайус, который не забывал об этом. "Куда мне идти?" - сказал Каюс. Какое место мне найдется в Риме? Капитолий пропах кровью моего брата. В моем доме моя мать сидит и плачет по убитому сыну". Его характер сильно отличался от характера брата. Тиберий был тихим, мягким, добродушным, от природы довольно мечтательным; человек, который в более счастливые времена довольствовался бы скучной жизнью джентльмена. Кайус был пылким и страстным, полным энергии, которая, должно быть, находила выход в любых обстоятельствах его жизни. Он любил своего брата, и его смерть наполнила его сердце пылающим гневом и твердой решимостью, что его труд и жизнь не должны быть потрачены впустую. Он воплотит в жизнь идеалы Тиберия и пронесет их дальше, чем Тиберий когда-либо мечтал.

Кай Гракх был на девять лет моложе Тиберия и человеком с более замечательным характером и более яркими дарованиями, чем его брат. Чувство великого зла заставляло Тиберия пылать от негодования, и в своем негодовании он занялся политикой; у Кая был природный гений к политике. Его ум устремлялся в будущее; в то время как Тиберий работал вслепую, в темноте, Кайус знал, куда хочет идти. И он понимал людей так, как никогда не понимал его брат. Без всякой застенчивой отстраненности, которая порой придавала Тиберию видимость большей силы, чем он имел на самом деле, Кайус заставлял людей любить его, ни на йоту не отступая от намеченной цели. А цель эта заключалась в переменах, куда более революционных, чем Тиберий мог себе представить.

На момент убийства брата Каюсу было всего двадцать лет, и следующие десять лет он провел на государственной службе. Как и Аэмилиан, он считал, что долг каждого человека - работать на благо Республики. Но если Аэмилиан считал, что для такой работы от человека требуется лишь послушание, верность, мужество и воздержание, то Кайус, обладавший этими достоинствами в высокой степени, имел еще и активный сомневающийся ум. Ему не казалось, что люди, управляющие государством, достаточно мудры, справедливы или великодушны, чтобы раз и навсегда установить границы, по которым оно должно двигаться вечно. У гражданина был долг перед Республикой, выходящий за рамки верности и покорности. Он должен использовать на службе ей не только свою руку, но и разум. Он должен помочь ей расти, сделать Рим достойным того величия, о котором так легко и просто говорили люди. Это величие было завоевано страшной ценой. Сотни тысяч римских солдат положили свои жизни, чтобы добиться его; еще сотни тысяч отдали свои лучшие годы служению ему, не прося никакой награды, кроме того, чтобы Республика стояла в безопасности. А она, думал Кайус, может быть безопасной и великой лишь постольку, поскольку становится все более и более городом свободных людей как на деле, так и по имени.

С такими мыслями в голове он с отвращением отвернулся от жизни молодого римского аристократа своего возраста и сословия. Ему была ни к чему личная роскошь; вино, изысканная одежда и великолепный дом, в котором можно было бы вести праздную жизнь, - все это было ему ни к чему. Служа за границей, в Испании, на Сардинии и в других местах, он разделял тяготы своих солдат и тратил собственные деньги на то, чтобы сделать их тяжелой участью менее суровой. Свободное время он посвящал чтению. Таким образом он

дисциплинировал и укреплял свой ум. Кроме того, у Кая была твердая цель, четко определенная работа в жизни. К этому он готовился. Одним из его оружий должно было стать искусство речи. Поэтому он изучал, в частности, труды великих греческих ораторов. Он хотел научиться, и он научился, как использовать слова, чтобы убеждать людей и побуждать их к действию. Он стал одним из величайших ораторов, которых знал Рим. Его речи утеряны, но сохранились рассказы о них, и они повествуют о том, как Кайус умел поджигать слушателей, доводить их до слез или гнева.

ЭЛАБОРАТНАЯ ЛАМПА
чтобы показать роскошь
поздних времен

Когда через девять лет после смерти Тиберия Кай Гракх вернулся в Рим (124 г.), он обнаружил, что люди с нетерпением ждут его. Тиберий не был забыт. Бедные надеялись, богатые боялись, что Кай пришел как его мститель. Когда он выдвинул свою кандидатуру на пост трибуна, партия в сенате, которая помешала Тиберию и в конце концов убила его, напрягла все силы, чтобы не допустить избрания Кая. Они не ждали, чтобы узнать о его планах. Они знали, что он принадлежит к людям нового поколения, которые хотели далеко идущих перемен, и считали, что любые перемены должны быть за их счет. Они сразу же начали нападать на Каюса. Они обвиняли его в том, что он вернулся домой раньше, чем закончился срок его службы за границей. Они даже заявили, что он, честнейший и бескорыстный человек, заработал на различных должностях больше денег, чем следовало бы. Кайус отвернулся от них. Он уже двенадцать лет прослужил в армии. Что касается зарабатывания денег: "Я единственный человек, который уходил с полным кошельком, а возвращался с пустым. Другие брали бочки с вином для себя, а когда опустошали их, возвращали обратно наполненные золотом и серебром". Он жил не в богатом квартале Рима среди высокородных и состоятельных людей, а среди бедняков недалеко от Форума. Подавляющим большинством голосов он был избран трибуном и сразу же приступил к работе.

Его главная идея была действительно великой и оригинальной: не что иное, как распространение римского гражданства, в том числе и избирательного права, на жителей Италии. Итальянцы были призваны служить в армиях Рима. Лучшие солдаты всегда приходили из-за пределов столицы. Итальянцы платили более тяжелые налоги; они должны были пользоваться благами Рима и иметь право голоса в его правительстве. Кайус Гракх действительно мечтал превратить правительство Рима в настоящую демократию. Это была великолепная мечта, но народ не был готов к ней. Лишь после ожесточенной войны итальянцы отвоевали у римлян право голоса. Гракх понимал, что его план не может быть осуществлен сразу, но он разработал ряд законопроектов, которые, по его мнению, должны были проложить путь к его осуществлению. Пока они не были приняты, он ничего не говорил о своем великом замысле.

Кайус Гракх. Разнообразная деятельность народного лидера

Когда народ не только принял этот закон, но и фактически поручил Гракху назначать судей из рыцарского ордена, он обрел своего рода царскую власть, и даже сенаторы были готовы прислушиваться к его советам. Когда он давал их, то всегда предлагал что-то в их пользу, как, например, самый справедливый и почетный указ о кукурузе, которую проконсул Фабий прислал из Испании. Он убедил сенат продать кукурузу и вернуть деньги городам, из которых она прибыла, а также порицать Фабия за то, что он сделал свое правление обременительным и невыносимым для жителей; это принесло ему большую известность и популярность в провинциях. Он также предложил разослать колонии, проложить дороги и построить зернохранилища, лично управляя и контролируя все эти начинания, никогда не упуская из виду массу деталей, но с необычайной быстротой и прилежанием выполняя каждую задачу так, словно она одна занимала его, в результате чего даже те, кто ненавидел и боялся его, были поражены его универсальной тщательностью и эффективностью. Большинство людей при встрече с ним удивлялись, видя его в окружении подрядчиков, ремесленников, послов, полководцев, солдат и ученых. Обращаясь со всеми с легким добродушием, будучи одновременно любезным и достойным, подстраиваясь под характер каждого, он доказывал, что называть его диктатором, самонадеянным или жестоким - грубая клевета. Таким образом, его дар народного лидера проявился скорее в личных связях и поведении, чем в публичных выступлениях.

Плутарх, liv. 6.

Он был огромным тружеником, и все его планы были продуманы до мельчайших деталей. Это были не туманные идеи на бумаге. Он начал со своей земельной политики. Для того чтобы она имела хоть какой-то шанс на осуществление, он должен был, по его мнению, сломить твердое большинство землевладельческих классов и их друзей. Самыми важными из этих друзей были рыцари, или конный орден. Сенат состоял из людей, отобранных из числа тех, кто занимал один из высоких государственных постов. Сенаторы могли не принимать участия в делах, но только они выступали в качестве присяжных, рассматривая дела, которые касались людей, занимающихся бизнесом, и особенно тех, кто занимался одним важным видом бизнеса - сбором налогов в провинциях. Этим в значительной степени занимались рыцари. Их название восходит к временам старой конституции, когда люди определенного достатка служили в кавалерии и получали за это право голоса. Так называемый Конный орден значительно вырос в численности. Они были деньгодателями, финансистами, капиталистами Рима. Против изменений в земельной системе они могли бы выступить на стороне сената, но когда Кай Гракх предложил, чтобы присяжные, судившие людей за политические преступления, набирались не из сената, а из рыцарей, он заручился их поддержкой против этого. Затем он попытался заручиться поддержкой народа, приняв новый закон о кукурузе, согласно которому правительство должно было закупать кукурузу оптом и поставлять ее римскому народу по фиксированной низкой цене. После этого он перешел к другим конструктивным мерам. Он возродил земельные законы своего брата, начал большую программу строительства дорог и разработал план реорганизации армии. За детальной проработкой всех этих грандиозных планов он наблюдал за собой глазами практичного человека, от которого ничто не ускользает. Ведь Кайус, хотя его идеи были масштабными и далеко идущими, а его ум постигал проблемы, которые обычный римский политик и не начинал видеть, не был мечтателем. Он был организатором непревзойденных способностей и обладал удивительным знанием фактов и людей. Его дом стал чем-то вроде большого правительственного офиса, где с утра до ночи кипела напряженная работа.

В следующем году он был переизбран и сразу же перешел к следующему этапу своей политики - большой программе заселения земель и колонизации, очень похожей на ту, что сейчас реализуется Канадой и другими нашими колониями, которые помогают будущим поселенцам, предоставляя им дешевые проезды и участки земли на новых территориях. Сделав это, он приступил к реализации своего плана по предоставлению римского гражданства итальянцам.

Здесь, однако, он столкнулся сразу с богатыми и бедными. Простой римский гражданин ревностно относился к своим правам и не хотел ими делиться. Популярность Кая сразу же начала падать. К идее создания Италии как государства римляне были не готовы. Они были в ярости, когда Тиберий хотел отдать итальянцам фермы; план Кая дать им голоса и тем самым долю в играх, дешевой кукурузе и других радостях римской жизни разозлил их еще больше. Они презирали италиков и не обращали внимания на их обиды. Кай не мог вызвать у них никакого сочувствия.

Лидеры сенаторской партии сразу же поняли, что произошло, и решили нанести удар. Вспышка беспорядков на собрании, на котором выступал Кайус, дала им шанс. Консул заявил, что государство в опасности, и объявил в городе осадное положение. Затем он вышел с вооруженными отрядами, и на улицах сам Кай и несколько его сторонников были изрублены и убиты (121).

Так погибли и Каий, и Тиберий Гракх. Корнелия, их мать, покинула Рим и отправилась жить в Мизенум. О своих сыновьях она говорила как о двух героях, отдавших жизнь за свою страну. Ее гордость за них осталась незапятнанной, ведь они умерли, верные тому, во что верили. И действительно, не прошло и нескольких лет, как в Риме в общественных местах стали устанавливать статуи братьям и приносить им подношения от людей, которые слишком поздно поняли, как много Тиберий и Кай служили им. Если бы их работа была доведена до конца, Рим, возможно, был бы избавлен от ужасных бедствий, которые обрушились на город в следующие полвека. А так сенаторы с облегчением вздохнули, что Кай последовал за своим братом в кровавую могилу; они не видели, что те, кто выступал против реформ, готовили почву для революции и гражданской войны.

VI

Катон-цензор

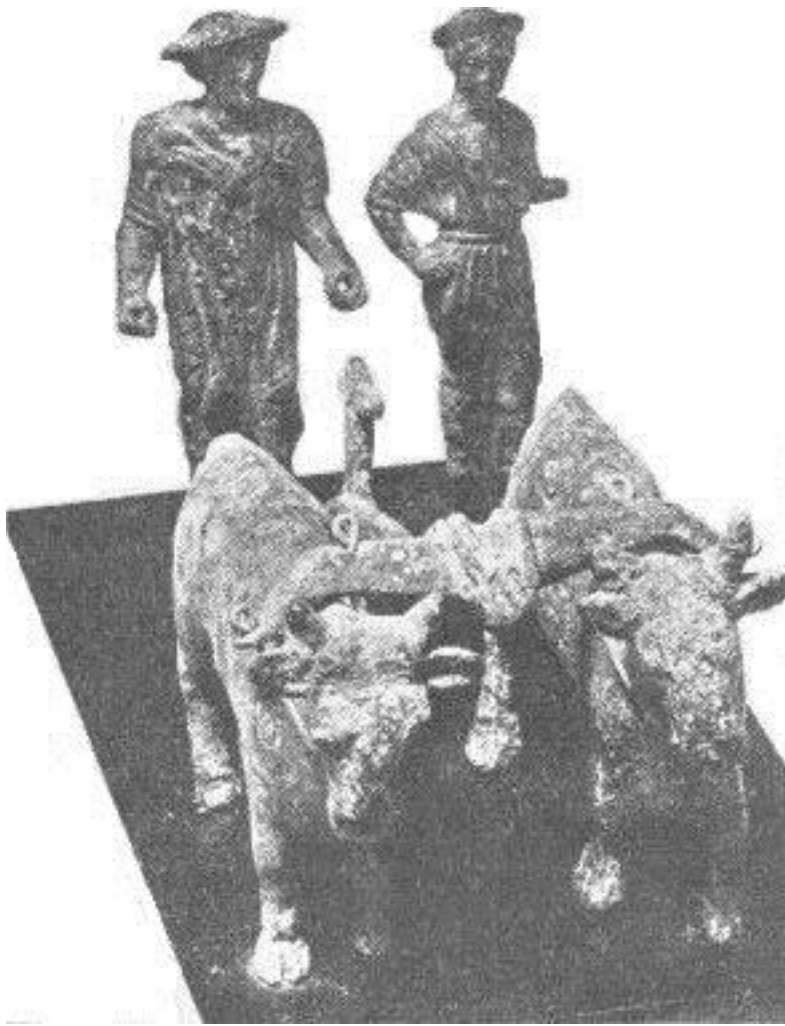
В любое время всегда найдутся люди, которые, оглянувшись назад, скажут: "Ах, все не так, как было". Сейчас нет таких людей, как раньше. Старые добрые времена прошли. Когда я был молодым...." и так далее. Такие люди не видят в переменах ничего, кроме зла. По мнению некоторых, в каждом изменении есть своя опасность: но еще большая опасность может быть в том, чтобы стоять на месте.

Зло, которое такие люди, как Гракхи, видели в свое время, заставляло их желать, чтобы жизнь Рима двигалась вперед по другим и лучшим путям. Вокруг них открывался новый мир: новые идеи, новые силы давали о себе знать. Рим больше не был маленьким городом, чье существование замыкалось на собственных стенах; он был центром великого владычества и в бесчисленных точках соприкасался с жизнью других народов и наций. Пути старого Рима не могли стать путями нового. Они видели трудности и риски, но они видели и обещание лучшего, что их ждет.

Гробница римской семьи: чтобы показать простоту одежды

Совсем иным было мировоззрение такого человека, как Марк Порций Катон. Только древние пути казались ему правильными. Он строил свою жизнь и поступки, насколько мог, по образцу героев прошлого, особенно таких, как Цинциннат, которые отличались простотой и бережливостью. Цинциннат, хотя и занимал самые высокие должности в Риме, был найден за рулем собственного плуга теми, кто приехал из Рима в час опасности, чтобы попросить его взять на себя высшую власть в государстве. Поэтому Катон сохранил свою одежду, обстановку дома и стола, а также все, что его окружало, таким же простым, как и в те времена, когда каждый был беден. В своих собственных записях о жизни он сообщает, что никогда не носил одежды, которая стоила бы ему больше ста драхм; что даже будучи претором или консулом, он пил то же вино, что и его рабы; что обед на рынке никогда не стоил ему больше тридцати пенсов; и что он был таким экономным ради своей страны, чтобы быть в состоянии вынести более тяжелую службу на войне. Он добавляет, что, получив в наследство кусок вавилонского гобелена, он тут же продал его; что стены его деревенских домов не были ни оштукатурены, ни побелены; что он никогда не давал за раба больше пятнадцатисот драхм, поскольку не требовал от своих слуг тонких форм и прекрасных лиц, но силы и способности к труду, чтобы они могли работать в его конюшнях, на его скоте или по подобным делам; и что он считал нужным продавать их снова, когда они старели, чтобы у него не было бесполезных людей для содержания. Одним словом, он не считал ничего лишнего дешевым, что то, в чем человек не нуждается, дорого даже за пенни; и что гораздо лучше иметь поля, на которых пашет плуг и кормится скот, чем сады и дорожки, которые нужно много поливать и подметать. Эту суровую простоту он пронес через всю свою жизнь и красноречивыми словами (он был одним из самых влиятельных ораторов в Риме) пытался заставить других подражать ему.

Пахота: терракотовая группа

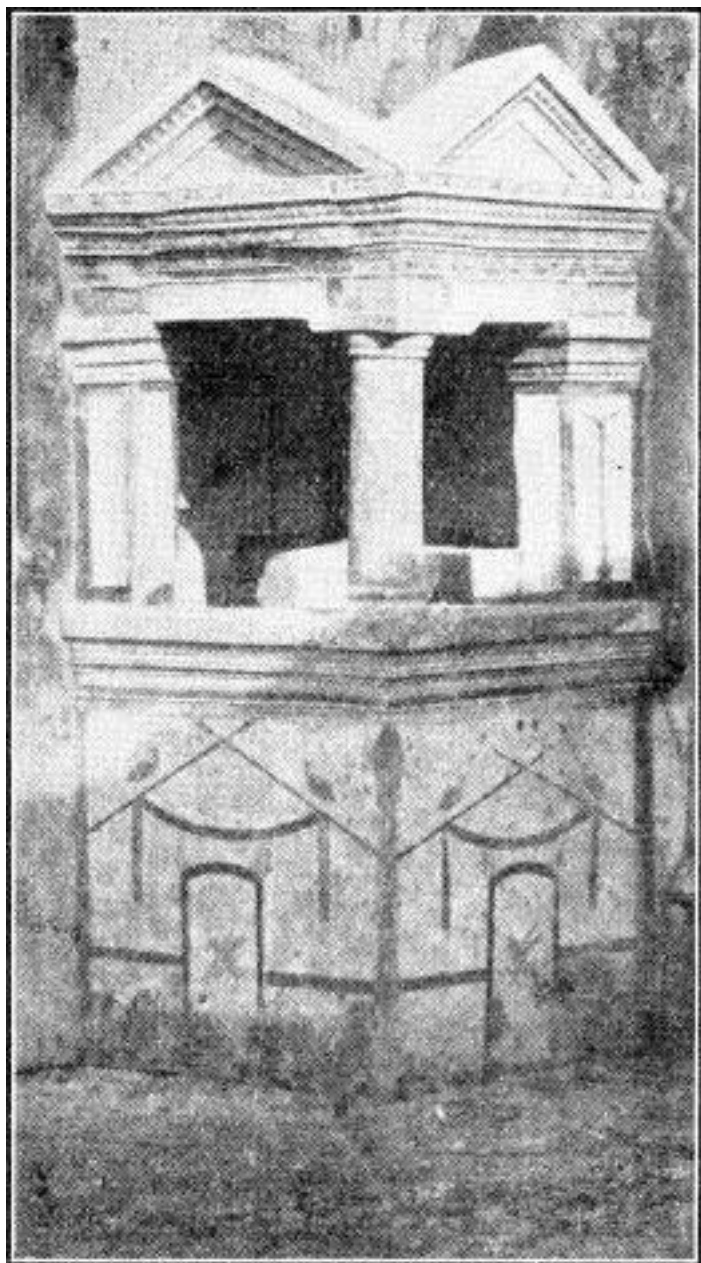
Характер самого Катона отличался удивительной твердостью. Он не просил других людей делать то, чего не сделал бы сам. Он снова и снова участвовал в войне и отличился как солдат, хотя его суровость вызывала отвращение у покоренных им народов, например, в Испании. Но он хотел, чтобы каждый думал и жил по-его образу, и с жестокой строгостью осуждал тех, кто думал или поступал иначе. Ключ к его характеру, как к его сильным, так и к слабым сторонам, дает Плутарх, когда замечает, что "доброта движется в большей сфере, чем справедливость". Катон был справедлив, но его справедливость часто была суровой, жестокой и неблагородной. Так, он оставил своего боевого коня, когда покидал Испанию, чтобы сэкономить общественный бюджет на его перевозке, так же как он продавал своих рабов, когда они становились слишком старыми для работы. В этом мы видим, как бережливость и равнодушие к комфорту и роскоши превращаются в скупость и подлость. По мере взросления Катон все больше любил иметь деньги, но не их тратить. Сам он преуспевал в жизни и, повзрослев, стал чрезвычайно богат как за счет своих ферм, так и за счет ссуд под высокие проценты судоходным и другим компаниям. Тех, кто не преуспел, он осуждал очень строго и не жалел, как и тех, кто поддавался какому-либо из недостатков, от которых он был свободен. Он осуждал, а не понимал их. Его суждение было справедливым, но не сочувственным. Его собственный рассказ об обязанностях судебного пристава и его жены дает прекрасное представление об этом человеке.

Обязанности судебного пристава и его жены

Вот ваши обязанности как судебного исполнителя. Поддерживайте строгую дисциплину, соблюдайте дни отдыха, не прикасайтесь к чужому имуществу, но тщательно следите за своим собственным. Ваше дело - разрешать споры в семье и наказывать за проступки без излишней строгости. О домочадцах нужно хорошо заботиться, они никогда не должны страдать от холода или голода и должны быть достаточно заняты; в этом случае будет легче пресечь невоспитанность и нечестность. Если вы ведете себя хорошо, вашему примеру будут следовать; если вас обижают, наказание понесет ваш хозяин. Вознаграждайте за заслуги и тем самым побуждайте других к самоотдаче. Не тратьте время на прогулки; всегда будьте трезвы и никогда не ходите на ужин. Следите за тем, чтобы приказы вашего хозяина выполнялись, и не думайте, что вы мудрее его. Его друзья должны быть вашими друзьями, а вы должны слушаться тех, кого вам велят слушаться. Не приносите жертв на перекрестках и на домашнем очаге, кроме как на великом празднике *Ларес*. Не делайте авансов без ведома хозяина, но взыскивайте все, что ему причитается. Никогда не давайте никому в долг кукурузу, провизию, муку, зерно, вино или масло. Должно быть два или три дома, к которым вы обращаетесь в трудные времена и которым вы помогаете подобным образом; но не больше. Будьте пунктуальны в расчетах со своим хозяином. Специальный труд на земле, оплачиваемый по дням, не должен использоваться сверх оговоренного срока. Ничего не покупайте без ведома хозяина и вообще не скрывайте от него никаких сделок. Не позволяйте никому надувать вас; не советуйтесь ни с прорицателями, ни с авгурами, ни с пророками, ни с халдеями. Не затягивайте с посевом, ибо в результате вы получите плохой урожай. Внимательно ознакомьтесь со всеми работами на ферме и часто выполняйте некоторые из них сами, пока они не утомят вас. Так вы поймете чувства работников, и они, зная это, будут более довольны, а вы будете наслаждаться лучшим здоровьем, иметь меньше вкуса к праздным прогулкам и быть более готовым ко сну. Вставайте утром первыми, а вечером ложитесь спать последними, следите за тем, чтобы дом был заперт, чтобы каждый отдыхал на своем месте, а животные получили свой корм.

Вы также должны следить за тем, чтобы ваша жена не пренебрегала своими обязанностями. Заставьте ее бояться вас. Не позволяйте ей предаваться роскоши. Она должна как можно реже видаться с соседками и другими подругами; не развлекаться дома, не ходить на ужин и не тратить время на прогулки. Не позволяйте ей жертвовать или поручать кому-либо другому жертвовать без приказа хозяина или хозяйки, ибо следует понимать, что хозяин жертвует за всех домочадцев. Она должна быть опрятна, содержать дом в чистоте и подметать его, и каждый день, перед тем как лечь спать, следить за тем, чтобы очаг был чист, а пепел собирался в угли. В дни праздников, календ, нон или ид, она должна возлагать гирлянду на очаг и в эти же дни возносить молитву Лару дома об изобилии. В ее обязанности входит следить за тем, чтобы еда была приготовлена для вас и всех остальных, а также держать в достатке домашнюю птицу и яйца".

Катон, *De Re Rustica*, v. 1-5; cxliii. 1-2.

СВЯТИЛИЩЕ ЛАРА
из дома в Помпеях

Тот же справедливый, но жесткий и неблагородный дух прослеживается и в общественной жизни Катона. Как цензор он имел право вычеркивать из списка сенаторов людей, которые были недостойны в любом отношении. В этом Катон был бесстрашен. Он нападал на самых популярных людей в Риме и не уступал ни пяди, когда против него поднимался вой. Общественные деньги были для него так же священны, как и частные, и, по его мнению, должны были использоваться так же бережно. Так, он нападал на брата Сципиона Африканского, потому что, по его словам, тот тратил на свои походы больше, чем следовало. Он очень восхищался Сципионом. Катон был слишком умен, чтобы не оценить его высокие качества ума и характера: но он считал его человеком нового, а потому опасного типа.

Через пятьдесят лет после битвы при Заме карфагеняне, которым договор не позволял вести войну без разрешения Рима, обратились с просьбой о защите против Масаннаса, царя Нумидии, который постепенно вторгся на их территорию. Из Рима была отправлена

комиссия с Катонем во главе. Катон вернулся, одержимый одной идеей, которая впоследствии никогда его не покидала. Карфаген должен быть разрушен. Рим не будет в безопасности, пока он не будет уничтожен". Когда ему указали на то, что город ни в коем случае не опасен для Рима, что у него практически нет оружия, нет флота, и за пятьдесят лет он не проявил ни малейшего желания напасть на Рим, даже был слишком слаб, чтобы защищаться от нападения, Катон не прислушался. Его не взволновало, когда Сципион заявил, что нападать на побежденный и беспомощный город - это подло и недостойно Рима, что его величие не увеличится от уничтожения побежденного врага. Катон не обращал на это внимания. Карфаген был богат и процветал: когда-нибудь он снова может стать опасным. Он вел торговлю, которую мог получить Рим, и обладал богатствами, которые мог получить Рим. Он был сильным и эффективным оратором, и его имя высоко стояло в Риме. То, что он говорил, имело большое влияние, потому что его характер вызывал глубокое уважение. Хотя он был уже стар, а его рыжие волосы совсем поседели, он не утратил своей бодрости. Его сухой юмор все еще мог рассмешить сенат, а страстная серьезность вызывала гнев. Его серые глаза блестели, длинные белые зубы сверкали, когда изо дня в день, какой бы ни была главная тема его речи, непреклонный старик всегда заканчивал ее словами: "Карфаген должен быть разрушен".

В конце концов Катон добился своего. Римляне осуществили разрушение Карфагена (146). Это был подлый и позорный поступок. Карфагеняне уже безропотно сдались на милость римского народа. Когда консулы прибыли, они потребовали сначала собрать и сдать все оружие, затем вывести всех жителей и убрать сам город. Это было уже слишком. Отчаявшиеся люди решили сопротивляться, и сопротивлялись они с ужасным и необычайным героизмом.

Сам Катон не дожидаясь конца осады, но он умер, зная, что его яростная воля добилась своего. Карфаген должен был быть разрушен. Как город он больше не должен был существовать.

VII

Кай Марий и Луций Корнелий Сулла.

Чтобы понять странные и во многом зловещие характеры Кая Мария и Луция Корнелия Суллы, мы должны иметь представление о мрачных временах, в которые они жили. В кризисный момент жизни государства Сулла проявил мужество, решительность и волю, а также суровую преданность своей стране, что позволило ему по-своему спасти ее. В этих поступках он показал, что является римлянином старой породы. До наступления этого кризиса Сулла выглядел не лучше других аристократов своего времени: как и они, он был безразличен ко всему, кроме собственного эгоистичного удовольствия; всегда оставался жестким, жестоким, равнодушным к жизни, чувствам и счастью других. Если Тиберий и Кай Гракх жили и умирали ради идеи, превосходящей их самих, то Сулла был неспособен к идеализму. Он и Кай Марий, его великий соперник, не похожи ни в чем, кроме грубой жестокости, присущей временам революционных потрясений. Во всем остальном они так не похожи, как не похожи два человека, когда-либо жившие на свете. Мариус был сыном земли, солдатом с солдатскими достоинствами - смелостью, грубым добрым нравом, беспечным великодушием - и недостатками - жестокостью, грубостью, безразличием ко всему, кроме самых грубых удовольствий. Его единственным большим делом было восстановление армии. Сулла был аристократом до кончиков пальцев: гордый, хладнокровный, равнодушный, высокообразованный, с глубоким недоверием ко всему и всем. Он обладал недюжинным интеллектом и физической красотой, привлекавшей множество женщин. Но сомнительно,

что он когда-либо заботился о человеке. Его необыкновенное мужество и столь же необыкновенное равнодушие основывались на ледящей душу вере в судьбу. Ему повезло: он назвался Суллой Феликсом, но в итоге ничего не изменилось.

АРИСТОКРАТ
распределение щедрот

Чтобы увидеть Мариуса и Суллу на фоне их времени, необходимо проследить события, последовавшие за смертью Кая Гракха.

Тиберий Гракх и, в большей степени, его брат Кай, видели растущую опасность, которая угрожала Риму, если вовремя не предпринять мудрых шагов для ее предотвращения. Оба брата отдали свои жизни, пытаясь спасти свою страну. Их жертва оказалась напрасной. Люди, в руках которых находилась власть, были слепы к происходящим великим переменам. Они пытались заставить поток продолжать течь по старым руслам, хотя вес воды стал слишком велик для них. В результате воды внезапно вырвались на свободу и затопили все вокруг. Рим, вся Италия были разорваны кровавой и ужасной гражданской войной.

В то время многие возлагали ответственность за происходящее на Гракхов. Они разжигали недовольство и озлобленность среди низших сословий и италийцев. Они разжигали вражду между классами в Риме: возбуждали средний класс против сенаторов, а толпу - против тех и других. Это не было справедливым утверждением. Кай Гракх задумал грандиозный план реформ, который, если бы его осуществили, мог бы спасти Рим и Италию от революции и гражданской войны. Ему нужно было привлечь людей на свою сторону. Для этого он принял меры, которые были хороши не сами по себе, а лишь как средство для достижения великой цели. Так, он сделал рыцарей, новый класс богатых людей, судьями вместо сенаторов; он раздавал римскому населению порции хлеба в надежде, что сможет убедить их отдать голоса италийцам и таким образом сделать Италию действительно единой.

Зло, которое совершают люди, живет после них:

А добро часто смешивается с их костями.

Так было и с Каем Гракхом.

РЫБАК

Но истинная причина гражданской войны лежала гораздо глубже, чем деятельность какого-либо одного человека или группы людей. В основном она заключалась в том, что, хотя Рим вырос и превратился в новый мир, старая система правления осталась и не соответствовала этому новому миру. Рим начинал превращаться в великую торговую империю. Однако богатство и власть в Риме ревностно удерживались небольшим классом в своих руках. Люди этого класса разбогатели. Они отправлялись в провинции, на Сицилию, в Грецию и Испанию, в качестве губернаторов и делали большие состояния. Вернувшись домой со своими богатствами, они скупали землю, которая раньше принадлежала крестьянам и

фермерам, и обрабатывали ее с помощью рабов. Состояние рабов в стране было плачевным, особенно тех, кто жил в лагерях. Алчность агентов компаний по сбору налогов сделала имя Рима ненавистным в провинциях. В Италии тоже царило глубокое недовольство. Чтобы заставить римскую бедноту замолчать, правящие классы устраивали для них игры и раздачу хлеба; они изменили законы так, что ни один римский гражданин не мог быть приговорен к смерти за любое преступление. Это не давало римлянам покоя, но итальянцы, не имевшие к этому никакого отношения, становились все более беспокойными.

БОГАТАЯ МАТРОНА

Дальновидному уму Кая Гракха было ясно, что если Рим не сможет черпать свежую кровь, жизнь и энергию из Италии, он погибнет. Материальные богатства, хлынувшие в город со всех концов света, из Карфагена, Коринфа и завоеванных царств Востока, приносили больше вреда, чем пользы. Слишком много людей, как богатых, так и бедных, стали заботиться только об удовольствиях и о деньгах как средстве достижения удовольствий. Роскошь и расточительность богатых делала нищету бедных горькой, и эти бедные, необразованные, праздные люди, привыкшие, что их держат в тонусе пышными представлениями и подарками кукурузы и вина, были готовы в любой момент подняться на беспорядки и уничтожить тех, кто пытался им помочь. Большинство из них не подлежали воинской повинности - она по-прежнему распространялась только на старые классы мужчин, владевших землей; но у них были голоса, а у итальянцев - ни одного. Городская толпа пополнилась вольноотпущенниками - рабами, скопившими достаточно денег, чтобы выкупить себя, - у них тоже были голоса.

Римским избирателям не было никакого дела до бед итальянцев и жителей провинций. Подобно богачам, живущим на доходы от сбора налогов, они считали, что весь остальной мир существует лишь для того, чтобы обеспечивать их комфортом и роскошью. Но пока в самом Риме люди все резче делились на "имущих" и "неимущих", вокруг них росло недовольство и недовольство. Раздоры внутри страны привели к тому, что предприятия за рубежом управлялись плохо. Многие армейские командиры и губернаторы провинций были некомпетентны и коррумпированы. Уже не было прежнего высокого римского чувства долга и честности. На смену им пришли гордыня, жадность и жестокость. Дух, проявившийся в жестоком разрушении Карфагена и Коринфа, вновь проявился в обращении с Югуртой.

ПАСТУШКА

Югурта, царь Нумидии, сбросил римское иго и бросил вызов всем римским генералам, посланным против него, пока не был послан Кай Марий (107). Марий, сын скромных родителей, был отмечен Сципионом Аэмилианом, под началом которого он служил в Африке, как перспективный человек: но хотя он уже проявил большие способности как полководец, сенат не хотел давать ему команду против Югурты из-за его низкого происхождения, грубых манер и той любви, которой он пользовался у римской толпы. В конце концов он был избран огромным большинством голосов и, отчасти благодаря блестящим подвигам офицера кавалерии Луция Корнелия Суллы, закончил кампанию с триумфом. Югурта схватили,

провели в цепях по римским улицам и бросили голым в ледяную темницу, чтобы он умер от голода и облучения.

В триумфе Мариуса была капля горечи. Его слава была разделена с Суллой. Ведь именно Сулла захватил Югурту. С небольшим отрядом он дерзко ворвался в лагерь Бокха, царя Мавретании, у которого укрылся Югурта, и уговорил Бокха подружиться с Римом, выдав его. Он сделал кольцо с изображением этой сцены, которое раздражало Мария каждый раз, когда он видел его.

Но в тот момент никто не думал, что Сулла может стать реальным соперником Марию. Не было и речи о том, чтобы назначить кого-либо другого полководцем, когда борьба партий в Риме была внезапно прервана ужасной новостью - северные варвары были на марше. Эта опасность, исходящая от кимбров и тевтонов, на самом деле угрожала уже давно. В 113 году консульская армия была разгромлена кимбрами. В течение следующих восьми лет, присоединившись к другим племенам, они оставались на североиталийской границе, представляя собой вечную угрозу, разгромив одну за другой посланные против них армии. В 105 году, когда Марий еще находился в Африке, две римские армии были уничтожены при Араузио на Роне (105). Более 80 000 человек погибли в одном сражении. Лишь немногие спаслись, чтобы принести ужасную весть домой. Такой катастрофы не случалось со времен Канн. Путь на Рим был открыт: не было армии, которая могла бы остановить победителей, если бы они двинулись в Италию. Но они этого не сделали. Они направились в Испанию. Марий, которого позвали домой, дали ему главное командование и сделали консулом в течение трех лет подряд, успел создать новую армию.

ТРОФЕЙ ПОБЕДЫ

Капитолийский музей

Тем самым он решил одну из самых насущных проблем того времени. Гракх видел, какую большую опасность может представлять сокращение притока людей с земли, но никто не понимал и не решал этот вопрос с точки зрения армии, пока за него не взялся Марий. Это была его величайшая и самая продолжительная работа. Во-первых, он изменил всю основу службы. Каждый мог быть призван, а не только сокращающийся класс землевладельцев. Он брал солдат как из городов, так и из деревень, как из числа вольноотпущенников и нищих, так и из числа горожан. Во-вторых, он платил каждому солдату небольшое ежедневное жалованье. Это была огромная перемена. Оно сразу же породило новый класс - профессиональных солдат. Раньше мужчины отслужили в армии, а затем вернулись к обычной гражданской жизни. Теперь солдат становился солдатом на всю жизнь. Далее Марий реорганизовал армию изнутри, уничтожив различия между римскими легионами и теми, что состояли из италиков и союзников. Он улучшил экипировку всех чинов. Сделав это, он занялся обучением своих новых людей, расположившихся лагерем в Трансальпийской Галлии, чтобы быть готовыми к встрече с врагом.

Прорицатель, в предсказания которого он очень верил, сказал Мариусу, что он будет консулом семь раз. Став консулом в четвертый раз, он наконец напал на тевтонов со своими новыми войсками. При Акве Секстии (к северу от Марселя) было убито 100 000 варваров (102). Это была ужасная резня. В течение многих веков после этого поля были покрыты почерневшими костями, а жители Массилии использовали их для ограждения своих виноградников. В следующем году Марий, консул в пятый раз, встретился с цимбрийцами, которые перешли Альпы и спустились на равнины Ломбардии, у Верцеллы (101). Перед битвой от кимбров пришли гонцы, требовавшие земли для себя и тевтонов. Они не слышали о разгроме Акве Секстии. Марий мрачно улыбнулся. Не беспокойтесь о своих братьях, - ответил он. У них достаточно земли, которую мы им дали, чтобы сохранить ее навечно". Когда на следующий день началась битва, был самый разгар лета; палящий зной изнурил северян. Бойорикс, царь Кимбрии, самый высокий и сильный человек в армии, погиб; вокруг него к концу дня лежало 100 000 его соотечественников.

Марий вернулся домой и был провозглашен спасителем своей страны, равным Камиллу и Фабию. Он был назначен консулом в шестой раз.

Марий одержал великие победы, но ликование в Риме по поводу страшных опасностей, которые удалось предотвратить благодаря его полководческому искусству, было недолгим. Умы людей были глубоко взволнованы: многие смутно чувствовали, что грядут великие и ужасные события, не понимая, что это такое и как с ними справиться или предотвратить. Марий, конечно, не был тем человеком, который обладал бы ни проницательностью, ни властью, чтобы сделать это; он был человеком лагеря, не знавшим и не понимавшим политики. Его победы и последовавшие за ними грандиозные зрелища сделали его кумиром толпы: но кумир толпы был последним человеком, способным мудро справиться с трудностями Рима. Люди богатые и родовитые ненавидели его как опасного, грубого, неграмотного хама, ничего не смыслящего ни в управлении, ни в общественном деле. Марий не мог даже поддерживать порядок. Постоянно происходили беспорядки. На людей нападали и убивали на открытых улицах. Тревожные сообщения приходили из провинций,

особенно с Востока. Но любой, у кого хватало смелости требовать справедливости для провинциалов, вызывал ненависть в Риме. Так, честный Рутилий Руф, пытавшийся защитить жителей Азии от жадности римских сборщиков налогов, был отправлен в изгнание. Римской толпе не было дела до жалоб италиков и сенаторов.

Друз

Однако в Риме были люди, которые чувствовали, что республику постигнет не только опасность, но и бесчестье. Однако эти люди - аристократы старой закалки - в большинстве своем были склонны отстраняться от политики, которая вызывала у них отвращение. Их чувства не были настолько острыми, чтобы заставить их действовать. Но они видели, что дела идут от плохого к худшему, и когда, наконец, появился один из представителей их сословия, достаточно заинтересованный в том, чтобы рисковать, они сплотились вокруг него. Это был М. Ливий Друз, молодой человек из знатного рода, который считал, что в происходящем отчасти виноваты люди его собственного ордена. Они держались в стороне и позволяли вульгарным и невежественным людям, таким как Марий и его соратники, Глауций и Сатурнин (люди очень низкого характера, которые вели за собой толпу обещаниями и взятками), портить доброе имя Рима. Две вещи побудили Друза к действию: одна - шокирующая несправедливость судов, другая - тот факт, что народ Италии был лишен возможности участвовать в управлении страной. Все решалось в Риме: италийцы не имели права голоса. Консулы и другие магистраты, принимавшие и исполнявшие законы, выбирались только голосами римлян. Тем не менее италийцы должны были отправлять людей в армию и платить налоги.

Друз провел свой законопроект о реформе судов (91 г.), несмотря на деньги, поскольку он предлагал, чтобы судьи частично выбирались из сената, и сильная часть сенаторов поддержала это предложение. Но когда речь зашла о его законопроекте, предоставляющем голоса италийцам, все было иначе. Здесь он мог рассчитывать на очень слабую поддержку. В Риме ему не помогло то, что, когда он заболел, в каждом городе Италии были вознесены молитвы о его выздоровлении. Это было использовано против него его врагами в Риме, которые говорили, что существует заговор. Богатые италийцы также объединились с богатыми людьми в Риме. Некоторые аристократы поддерживали Друза, но большинство в Риме было против него.

По всей Италии борьба вокруг его Билла вызвала сильное и глубокое волнение. Однажды ночью Друза убили на улице, когда он возвращался домой. Убийца исчез. Расследование не проводилось. Законопроект Друза был отменен, его партия разгромлена. Его враги сразу же провели меру, устанавливающую суд, в котором должен был быть обвинен каждый, кто подозревался в симпатиях к голосам за италийцев.

Но надежды италийцев не могли быть разрушены таким образом. Весть об убийстве Друза пронеслась по Италии, как толчок землетрясения. Чувства накалились до предела. Рим отказывался признать права Италии: италийцы заставят его сделать это мечом. По всему полуострову шли лихорадочные приготовления. Через несколько месяцев после смерти Друза вспыхнули бои в Аскулуме на юге и, как молния, распространились по северу и центру.

Эта социальная война, как ее называли, велась с ужасающим ожесточением с обеих сторон, и несчастья и разрушения, которые она принесла стране, были ужасны. В первый год (90) дела шли не в пользу Рима, хотя на поле боя вышли все его лучшие генералы, включая Мария и его ненавистного соперника Суллу. Во второй год (89) Марий почти ничего не сделал, а на

юге Сулла разнес все на своем пути. Но пока римляне побеждали, они также начали понимать, что война не должна была состояться: пришло время позволить италийцам взять свою долю и сделать их римлянами. Был разработан и принят законопроект, предоставляющий им право голоса. Это больше, чем что-либо другое в ходе кампании, способствовало прекращению боевых действий.

Война все еще продолжалась, когда пришло известие, что Восток охвачен пламенем. Митридат, царь Понта, самый богатый царь Малой Азии и далеко не самый умелый, вышел на поле боя и готовился захватить римские провинции. Вслед за этим пришло еще худшее. Митридат победил римского полководца, уничтожил его армию, захватил его флот и вторгся в Азию. Он пришел, по его словам, чтобы освободить народ от римских сборщиков налогов, которые высасывали из него кровь. Рабы и пленники были освобождены, а те, кто убивал италийцев, помилованы. В один из дней 88 года в Азии было убито не менее 80 000 италиков. Восстание против Рима, начатое таким образом, перекинулось на Грецию. Афины сбросили римское иго; Митридат, мечтавший о власти над всем Востоком, послал своего полководца помочь свергнуть римские гарнизоны в Греции.

СУЛА
от монеты

Пока римляне воевали друг с другом, земли за морями, которыми они так гордились и которые были источником большей части их богатства, восстали. Азиаты истребляли людей их собственной расы. С каждым днем новости становились все хуже. В Риме на улицах начались беспорядки. Сулла был назначен полководцем против Митридата. Марий не мог смириться с этим. Он заставил своих друзей внести законопроект о передаче ему командования. Он был принят, но с таким беспорядком, что сенаторы и консулы бежали из города. Сулла оставил беспорядки и волнения в Риме и отправился к своей армии в Нолу. Там он получил приказ передать командование Марию. Если Марий ожидал, что он подчинится, то он неправильно понял характер человека, которого ненавидел. Ответом Суллы стал поход на Рим во главе своих легионов. Там он был встречен остатками сената как восстановитель закона и порядка. Марий бежал.

О внезапном возвышении Суллы Плутарх рассказывает следующее:

Сулла Феликс

В долгой Социальной войне, со всеми ее превратностями, бедствиями и опасностями, угрожавшими безопасности Рима, Марий не смог добиться ничего выдающегося и лишь доказал, что военное мастерство требует физической силы и бодрости, а Сулла многими выдающимися победами завоевал репутацию великого полководца у народа, величайшего из полководцев у друзей и самого удачливого у врагов. Однако он не был так чувствителен к этому последнему суждению, как Тимофей, сын Конона; когда его враги приписывали все его

успехи фортуны и рисовали картины, на которых он был представлен спящим вместе с Фортуной, закидывающей сеть над городами, Тимофей был груб с ними и гневался, считая, что они лишают его заслуг, причитающихся за его деяния. Сулла же не только без раздражения принимал приписываемое ему "счастье", но даже превозносил его и признавал божественным, возлагая на фортуны ответственность за свои подвиги, то ли в духе хвастовства, то ли из искренней веры в провиденциальное руководство. Например, в своих мемуарах он писал, что из всех его решений, оправданных результатами, самые счастливые были приняты не обдуманно, а в спешке момента. Более того, когда он говорит, что рожден для удачи, а не для войны, он, кажется, больше уважает удачу, чем заслуги, и принимает управление невидимой силы; так, он делает божественную удачу причиной своего согласия с Метеллом, своим родственником и коллегой по консульству; поскольку он ожидал иметь с ним много проблем, но нашел его самым приятным партнером по должности. Кроме того, в мемуарах, которые он посвятил Лукуллу, он советует ему больше всего полагаться на предупреждение, данное ему ночным видением. Он также рассказывает, что, когда он покидал город с войском, чтобы сражаться в Социальной войне, земля разверзлась возле Лаверны, и из нее вырвался огромный огонь, подняв к небу яркое пламя. По толкованию пророков, это означало, что гениальный человек необычной и примечательной внешности возьмет на себя командование и освободит страну от нынешних беспорядков. Сулла утверждает, что это был именно он, ведь его золотые волосы были отличительной чертой его внешности, и он не стеснялся приписывать себе гениальность после своих великих достижений.

Плутарх, xxxiii. 6. 2-7.

Во многих отношениях Луций Корнелий Сулла - самая необычная фигура в римской истории. Принадлежа к очень древней семье, той же, что и Сципионы, он вырос в благородной бедности, живя в одном из больших многоквартирных домов, построенных недалеко от центра города. Он был чрезвычайно красив, с изяществом форм и черт, высок, хорошо сложен, с лицом классических очертаний, омраченным в поздней жизни жарким и несколько пестрым цветом лица, но отличался глазами блестящей голубизны, которые при случае могли вспыхнуть огнем. Но это случалось нечасто, ведь Сулла был человеком ледяной сдержанности, его редко можно было увлечь своими чувствами. Высокообразованный и одаренный необыкновенным умом, он смотрел на мир и презирал большинство людей в нем. Его ум был неспособен испытывать какие-либо религиозные чувства. Большинство вещей, к которым стремились люди, казались ему глупыми, потому что в них не было никакого удовольствия. Он был тем, кого называют циником.

До пятидесяти лет Сулла не принимал важного участия в государственных делах. Он с большим отличием служил в Африке. Непокколебимое мужество и полное самообладание в сочетании с редкой способностью заставлять людей делать то, что он хотел, и абсолютной верой в себя сделали его успешным полководцем. Но его не интересовала ни военная слава сама по себе, ни слава любого другого рода. Для него все это было иллюзией. Его также не вдохновлял патриотизм в обычном смысле этого слова. Он видел Рим своего времени таким, каким он был, и не считал, что это стоит того, чтобы жертвовать каким-то удовольствием. Аристократы казались ему эгоистичными и глупыми, а народная партия - вульгарной и тупой. Он видел, что должно произойти, но в нем не было той веры, которая вдохновляет идеалистов, что он может изменить ход событий. "Вещи таковы, каковы они есть; последствия будут такими, какими они будут. Почему же мы должны стремиться быть обманутыми? Это, сказанное две тысячи лет спустя, было верным описанием точки зрения Суллы. Он смотрел на все это с холодным презрением и развлекался, как и другие

обеспеченные люди его класса, искусством как в его низших, так и в высших формах. Но, когда требовал случай, он мог действовать. Когда разразилась социальная война, и все руки в Риме были призваны к насосам, Сулла был готов. Он оказался более успешным, хотя и более безжалостным, чем любой другой полководец на поле боя; он лучше, чем кто-либо другой, понимал высшую опасность, в которой находился Рим. Именно это, а не личные амбиции в обычном смысле, заставило его принять командование против Митридата и пойти на Рим, когда фракция Мария показала, что не способна поддерживать там порядок.

Сулла не мог проводить время в Риме. Опасность на Востоке была слишком велика. Он отплыл в Грецию. Марий мог вернуться: в этом случае Сулла знал, что его собственная жизнь может оказаться под угрозой, но он не мог беспокоиться об этом. Римское господство на Востоке было под угрозой: его дело - спасти его. Он видел, как не видел или не мог видеть Марий, что в этот страшный момент судьба Рима трепетала на волоске. Италия лежала растерзанная и истощенная гражданской войной. Сельское хозяйство было разрушено, тысячи людей убиты, все виды бизнеса зашли в тупик. Война на Востоке потрясла саму жизнь Республики до основания. Рим, как и Лондон, жил за счет торговли и поставок из-за границы. Они были прекращены. Началась денежная паника. Опасность была тем больше, что восстание против Рима, как в Италии, так и в Азии, Греции и других странах, было на стороне правых. Римское правительство за годы, прошедшие после поражения Ганнибала, было плохим: жестоким, вымогательским и несправедливым. В самом Риме царил горький разлад.

Когда Сулла отправился в путь, он знал обо всем этом, понимал, какая грандиозная задача стоит перед ним, и, веря в свою звезду, знал, что выполнит ее. Но только он один из живших тогда римлян мог это сделать. Марий, всегда вспыльчивый, а теперь старый и ослабленный волей и разумом от пьянства, не смог бы добиться успеха. Потребовалось все необыкновенное хладнокровие Суллы, вся его железная воля.

Хотя он видел, что в Риме снова начнутся неприятности, как только он повернется спиной, он также видел, что опасность от восстания Греции и Митридата была еще более непосредственной и насущной. Вся основа, на которой покоился римский мир, уйдет из-под ног, если Митридат добьется успеха. Опасность была, в своем роде, столь же велика, как и та, что угрожала Риму, когда Ганнибал перешел Альпы.

МИТРИДАТ
с монеты

Митридат был очень способным князем. Его сила заключалась не в огромных полчищах солдат, которые он имел за спиной. Восточные воины не могли сравниться с римскими легионерами, даже когда те значительно превосходили их числом. Не в огромных богатствах королевств, которыми он правил: хотя и людьми, и ресурсами он превосходил ту небольшую армию, которую Рим мог послать против него. Его реальной силой были, во-первых, его собственные способности, во-вторых, всеобщее и широкомасштабное восстание против Рима. Римское государство, как он знал, раздирали революция внутри страны. В стране царили паника и неуверенность. У правительства не было ни людей, ни денег, ни запасов для войны с Митридатом.

Теперь, вместо того чтобы сомкнуть ряды, как после Канн, богатые римляне бежали, а некоторые даже присоединились к Митридату. Марий и его партия видели в опасностях, с которыми столкнулся Сулла, не что иное, как свой шанс вернуться к власти в Риме. Сам Марий был уже стар и пристрастился к алкоголю. Почти сразу после отплытия Суллы в Рим вновь вспыхнула революция. По улицам текла кровь, город был завален телами убитых. Цинна, один из консулов, предложил отозвать Мария (который бежал на развалины Карфагена) и поднял против сената сначала рабов, а затем вооруженных италиков. Он потерпел поражение и был объявлен врагом народа. Вместе с Серторием, способнейшим офицером, но личным врагом Суллы, Цинна организовал самнитов. Марий вернулся из Африки, и он, Цинна, Серторий и Карбо двинулись на Рим (87). Когда они, наконец, вошли в город во главе своих войск, произошла ужасная резня. Марий, почти обезумевший от ярости, убивал всех, кто когда-либо мешал ему или критиковал его, среди них были и самые знатные люди Рима. Антоний, первый из живых ораторов, Публий Красс, прекрасный солдат, Катул, разделивший с Марием тяготы и почести войны с тевтонами и кимврами, консул Мерула, разделили судьбу сотен менее известных людей. Никто не был в безопасности. Марий ходил по городу, как разъяренный лев, жаждущий крови. Головы убитых стояли рядами вокруг Форума и над домом самого Мариуса. Пять дней продолжалась резня, пока наконец Серторий, с ужасом взиравший на нее, не остановил ее, разрубив на куски телохранителей убийц Мария. Старик был избран консулом в седьмой раз (86 г.): через несколько дней он умер. Суллу объявили врагом народа, изгнали и лишили командования. Его дом был разрушен, все имущество продано, жена и семья отправлены в изгнание.

Такие новости пришли к Сулле, когда он осаждал Афины и находился в величайшей опасности. Город казался неприступным. Его небольшая армия уменьшилась из-за ран, болезней и нехватки припасов: возникла опасность, что Митридат высадится и перережет их. Тогда они окажутся между дьяволом и морскими глубинами. Но железная воля Суллы не ослабевала. Человек, которого Рим считал существом приятным, разделял все тяготы солдат и день и ночь подбадривал их своим личным мужеством и спокойствием. Он проявлял удивительную изобретательность и находчивость в сборе припасов и полное пренебрежение ко всему, кроме поставленной цели. Он был греческим ученым и искренне восхищался греческой литературой и искусством: но при этом он разграбил храмы и переплавил вековые украшения и сокровища, чтобы заработать деньги; срубил деревья Священной рощи Академии, где Платон гулял с Сократом, чтобы сделать подпорки для траншей. Его самый способный офицер, Луций Лукулл, был отправлен собирать флот, так или иначе.

Всю зиму и весь следующий год Афины держались. Следующая зима наступила раньше, чем флот Митридата отплыл: он ничего не мог сделать до весны. Но вместе с этим пришло известие о новой опасности. Римское правительство Цинны посылало армию против Суллы. Он оказался между двух огней. Но его нервы не сдали. Афины пали в результате штурма 1 марта (86 г.), прежде чем новая римская армия покинула Италию. Продвигаясь на юг, Сулла встретил армию Митридата на Беотийской равнине и при Херонее одержал победу, которая прогремела на весь мир. Заклятие имени Митридата было снято: Рим по-прежнему был непобедим. Восставшие города Востока начали возвращаться. В том же году Сулла одержал еще одну великую победу. Сначала римские войска в панике ломались. Сулла, соскочив с коня, выхватил штандарт и, бросившись в самое пекло боя, крикнул своим людям: "Солдаты! Если вас спросят, где вы оставили своего генерала, отвечайте, что в Орхомене". Уязвленные этим упреком и высочайшим мужеством своего генерала, люди оправались. День был выигран. Флакк, римский полководец, договорился с Суллой: ему, независимо от распоряжений правительства, казалось невозможным, чтобы римские армии сражались друг против друга, когда есть общий враг. Но один из полководцев, по имени Фимбрия, поднял мятеж, Флакк был убит, а Фимбрия приготовился идти на Суллу.

Теперь Сулла оказался перед дилеммой. Его жизнь была в опасности, если он не заключит мир с Митридатом. Поступить так было не то чтобы великолепно: это было даже не очень почетно. Но Сулла был не из тех, кого останавливают подобные мысли. В данный момент его собственная жизнь была важнее всего остального. Если бы его убили, от чести Рима мало что осталось бы. Поэтому он заключил договор с Митридатом. Однако он заключил договор на своих условиях. Ранее, когда ему угрожала опасность, Митридат предложил ему союз. Он решительно отверг это предложение. Теперь он настаивал на том, чтобы Митридат полностью отказался от своих планов и претензий на Рим. По Дарданскому договору (84 г.) царь должен был отказаться от всех своих завоеваний в Греции и Азии, передать Сулле военные корабли и большую сумму денег. Взамен человек, который организовал хладнокровное убийство 80 000 италийцев, стал "другом и союзником" Рима. Сулла знал, что рано или поздно Митридат снова доставит неприятности, но на данный момент опасность миновала. Римская власть и имя на Востоке были спасены, но дорогой ценой. Договор не мог устоять, но на данный момент он был необходим. Сулла мог заняться спасением Рима у себя дома. Армия Фимбрии начала дезертировать к нему. В отчаянии Фимбрия покончил с собой. Следующий год Сулла провел в подготовке к своему возвращению в Рим. Карбо, сменивший Цинну, был настроен против него так же жестоко, как и Цинна.

После года, проведенного в Азии за сбором налогов, которые не платились последние четыре года, Сулла высадился в Брундизии (83 г.) с хорошо наполненной казной и преданной

армией. На каждого солдата он наложил клятву: они должны были относиться к италийцам как к друзьям и согражданам, а не как к врагам. Но к марианской партии в Риме он решил не проявлять милосердия. Государство должно быть очищено от этих людей: не должно быть больше беспорядков и революций. Продвигаясь на север, Сулла разбил посланные против него войска: многие солдаты дезертировали к нему, многие города открыли свои ворота. Правительство Мария, Цинны и Карбо было совершенно непопулярно, и Сулла сдержал свое слово, не причинив никакого вреда странам, через которые проходил. Только самниты оказали сильное сопротивление: их Сулла, к которому присоединились молодой Красс и Кней Помпей, разбил в великой битве, продолжавшейся с полудня до следующей середины дня у Коллинских ворот (82).

Рим и вся Италия теперь были во власти Суллы. Он вошел в город и собрал сенат в храме Беллоны. Когда он объяснял свои планы по восстановлению порядка - до этого он должен был обладать полномочиями диктатора, - раздался страшный звук. Сулла мрачно улыбнулся. "Некоторых преступников наказывают", - сказал он. Шесть тысяч самнитских пленников режут на куски. В таком духе он принялся уничтожать то, что было партией Мария. Марий был вне себя от ярости: Сулла был совершенно спокоен, но ничуть не милосерднее. Гробница Мария была разрыта, а его прах развеян по дороге. Самний, сопротивлявшийся завоевателю, был опустошен. Земля была разбита на участки для солдат Суллы.

Затем последовали проскрипции. Были вывешены списки врагов общества и назначена награда тому, кто убьет тех, чьи имена в них фигурировали. Их имущество конфисковывалось. Люди вносили имена личных врагов в список до, а иногда и после того, как убивали их. Катилин, например, сделал это, чтобы своего родного брата. Суллу это не волновало. Государство должно быть очищено от опасных людей, и оно должно откуда-то получать доходы. 1 июня 81 года списки были закрыты: казни и конфискации закончились. Около пяти тысяч человек погибли. Их имущество и имущество тех, кто бежал или был изгнан, перешло к государству, которое получило таким образом четыре миллиона фунтов стерлингов.

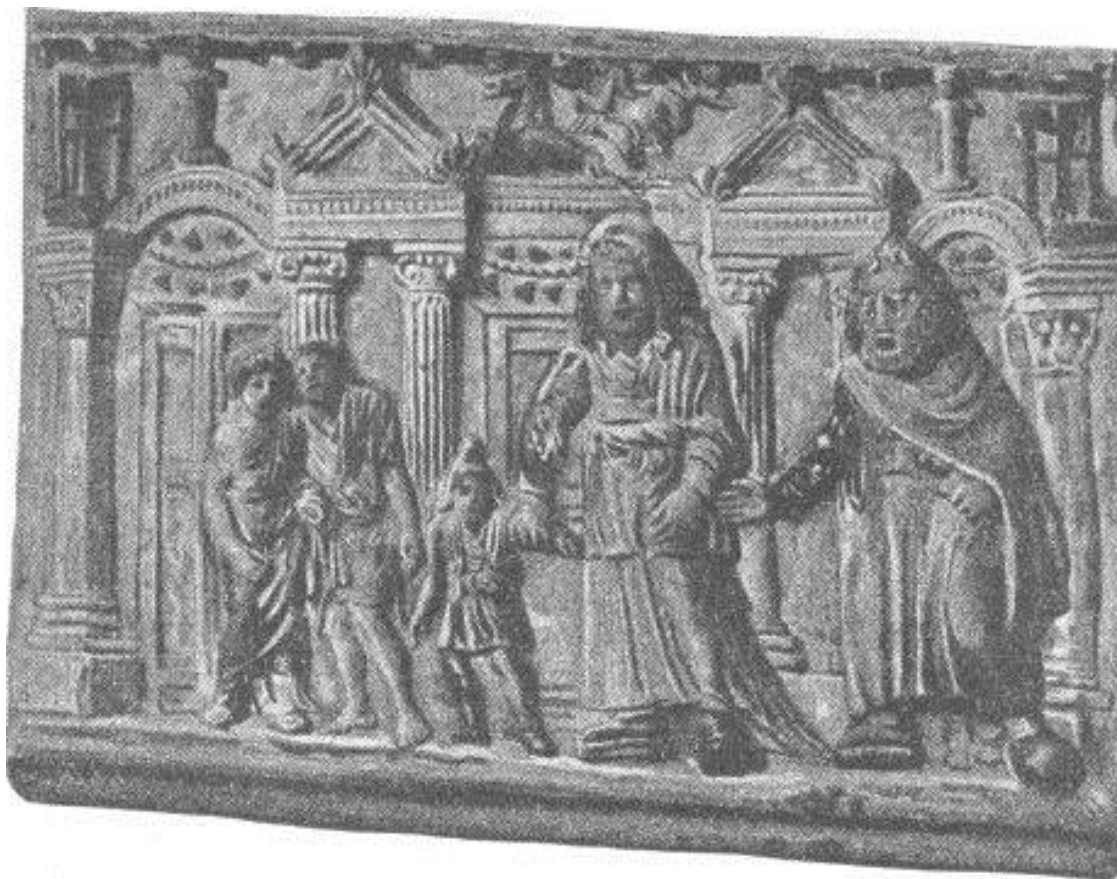
За счет убийств и грабежей государственная казна пополнилась. Суровый ум Суллы не колебался от этих отвратительных слов. Он совершал поступки и не притворялся. Точно так же он никогда не притворялся, что верит в права народа. Он презирал их, считал глупыми, невежественными и ленивыми. Им нужна была только полиция. Правительство, которое он создал, было именно такого рода. Он сделал Сенат гораздо более многочисленным и сильным, так как люди родовитые и богатые, хотя и не лучше других, могли, по крайней мере, по его мнению, быть уверены в том, что все будет в порядке и так, как есть. Никто не мог быть консулом, пока не пройдет через низшие должности, а затем консулом только один раз. В качестве консула он должен был оставаться в Италии без армии; в конце года его могли отправить за границу с армией в качестве проконсула. В Италии не должно было быть войск: ни один солдат не должен был переходить Рубикон. Суды были реформированы, присяжные вновь стали набираться из членов сената.

ОХОТА НА КАБАНА

со скульптуры в Капитолийском музее

Закончив реорганизацию и укрепив власть сената, то есть старших по рождению и имуществу, насколько это было возможно, Сулла сложил с себя все чрезвычайные полномочия и удалился в частную жизнь. Он построил себе прекрасную виллу, полную сокровищ искусства, которые он привез из Греции и с Востока, посреди изысканных садов. Там он жил, писал мемуары, наслаждался охотой и рыбалкой, банкетами и пиршествами, окруженный самыми забавными людьми, которых только мог найти. Многие из них были писателями, художниками и актерами. На актеров в Риме смотрели свысока, но трагик Росций был большим другом Суллы, поскольку презирал все подобные понятия как нереальные. Сулла всегда провоцировал римлян своей способностью отбрасывать серьезные заботы, когда садился за стол, и своими, как им казалось, несвоевременными шутками. Они не понимали его взглядов на жизнь. Для него все это было спектаклем, не очень хорошим спектаклем, из которого, если повезет, можно извлечь какое-то развлечение. Ему повезло: случай был его богиней, и он не верил ни во что высшее. Перед смертью, в возрасте шестидесяти лет, он написал собственную эпитафию, которая была начертана на большом памятнике, установленном ему в Campus Martius: "Ни один друг не сделал мне столько добра, ни один враг не причинил столько вреда, но я отплатил ему с процентами".

СЦЕНА ИЗ ТРАГЕДИИ
Рельеф из терракоты

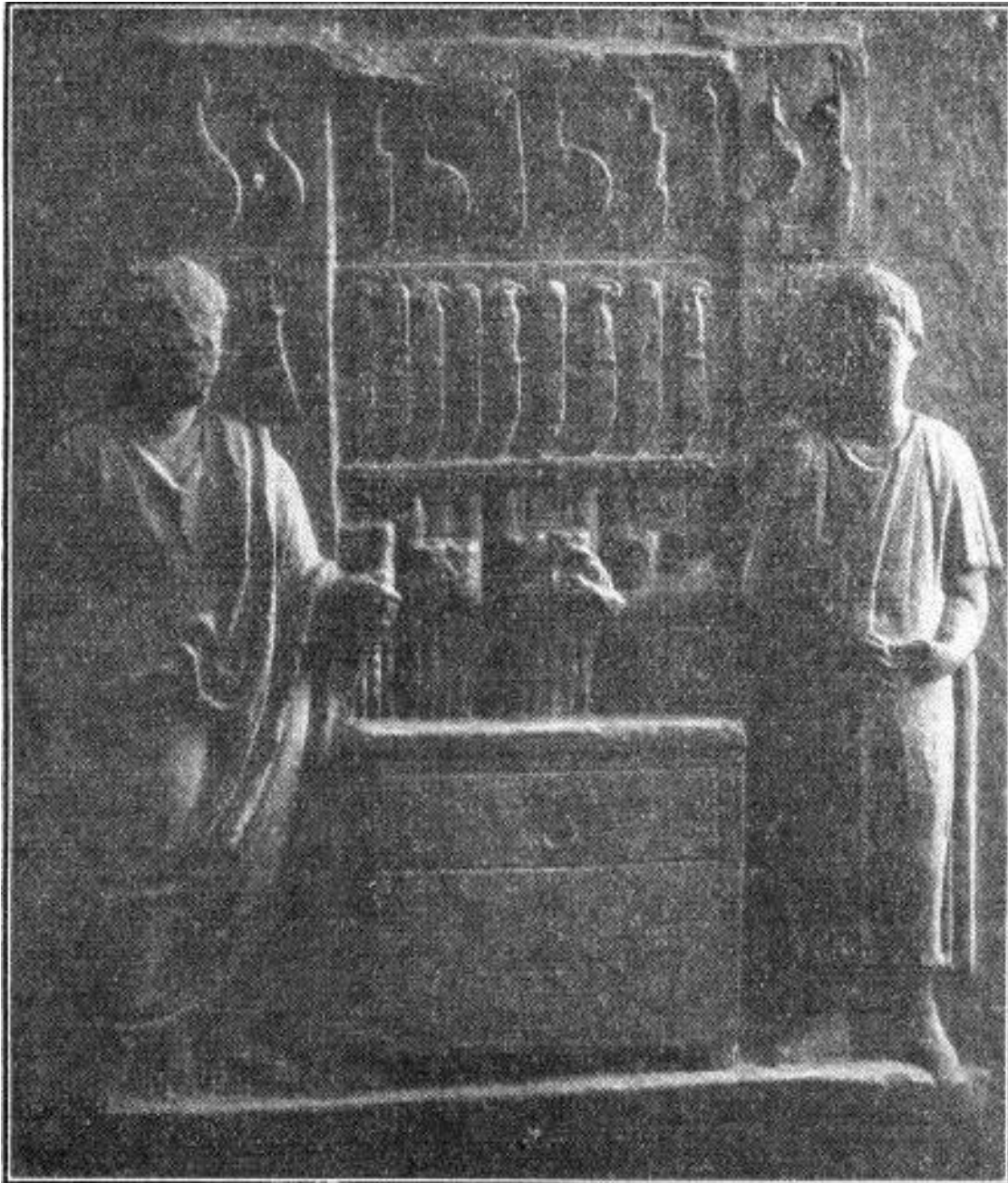
VIII Новый Рим

Со смертью Суллы начинается новый период римской истории, краткое и во многих отношениях блестящее полустолетие, о котором мы знаем гораздо больше, чем о любом более раннем времени, поскольку обладаем произведениями письменности, архитектуры, скульптуры тех людей или некоторых из них, которые помогли его создать. Римская жизнь в эти пятьдесят лет во многих отношениях поразительно похожа на жизнь наших дней. Правда, великие научные открытия еще не были сделаны; не было ни моторов, ни телефонов, ни лифтов, ни железных дорог, ни электрического освещения, ни иллюстрированных газет - ведь первой газетой любого рода был небольшой листок, выпущенный Цезарем. Но в том, что они делали, говорили и думали, а также в том, как они действовали, говорили и думали, римляне, жившие за шестьдесят с лишним лет до рождения Христа, были очень похожи на англичан наших дней. Комфорт жизни зажиточных людей с их элегантными городскими домами и очаровательными загородными виллами, обставленными красивыми вещами, привезенными со всех концов света, зависел от труда бесчисленных рабов. Однако во многих отношениях эти рабы были не хуже, чем бедные фабричные рабочие наших больших городов, а в некоторых - даже удачливее. Участь тех, кого готовили для участия в военных играх, была, конечно, ужасной; но с теми, кто принадлежал частным лицам, в большинстве случаев обращались по-доброму, и они могли и часто выкупали свою свободу. Класс вольноотпущенников был в Риме многочисленным и растущим.

КУЗНИЦА КАТЛЕРА

Революционные войны принесли разорение многим. Огромные территории Италии были опустошены. Но хотя раны, нанесенные жизни страны, долго кровоточили, процветание вернулось на удивление быстро. Если одни семьи потеряли все, то другие нажились на их потерях. А из-за границы в Италию все большими потоками хлынули богатства. Возник новый класс богатых людей, чье богатство складывалось из бизнеса разного рода - налогового земледелия в провинциях, строительства домов, кораблей, сельского хозяйства в широких масштабах. Бок о бок с ними шли юристы, которые приобретали все большее значение. Как и в наши дни, многие молодые люди, получив образование за границей, в Греции, становились барристерами. Успех в судах, ораторское искусство открывали путь к успеху в политике, хотя еще долго никто не мог продвинуться по этому пути, если не отличился в качестве воина.

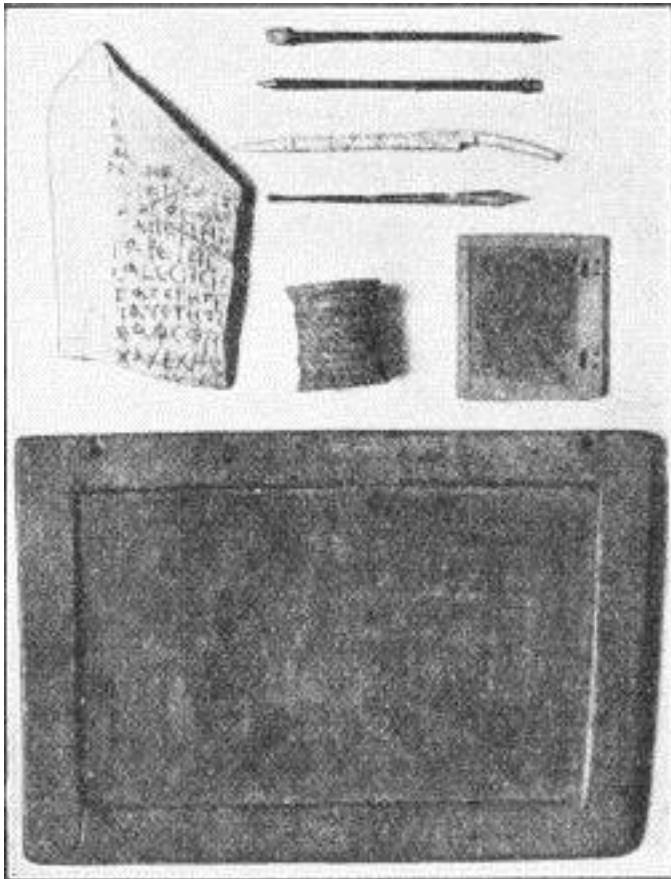

МАГАЗИН КАТЛЕРА

Очень медленно и постепенно резкая грань между новыми людьми и старыми патрицианскими семьями начала смягчаться. Уже мало кто был настолько горд, чтобы не пойти на роскошный обед в дом человека, потому что его родитель не носил пурпурную полоску на тоге, которой отличался сенатор. Образование распространялось. Сулла привез с собой из Греции несметные сокровища, среди которых были труды Аристотеля, ставшие библией образованного молодого римлянина.

По всей Италии распространилось богатство, на полях расцвели виноградники и оливы. Великие дороги облегчали и ускоряли передвижение, акведуки доставляли воду туда, где она была необходима, болота осушались, повсюду строились прекрасные виллы, их изысканные сады украшали прекрасные статуи. Уставший римлянин отправлялся туда на несколько дней, чтобы подкрепиться, в сопровождении друзей и вереницы рабов. Рабы писали за него письма и быстро отвозили их его друзьям в другие части Италии или за моря.

Они переписывали стихи и прозаические зарисовки, которые любил писать молодой модный римлянин, так что пергаментный свиток распространялся среди обеспеченных людей почти так же быстро и свободно, как в наши дни томик. Жизнь стала более элегантной и утонченной. Музыка, танцы, всевозможные игры позволяли отвлечься; азартные игры стали страстью многих; еда и питье были такими же роскошными, как и сейчас. Когда мы думаем о римлянах периода после гражданских войн, мы должны думать о людях умных, культурных, образованных, отшлифованных контактом с широким и разнообразным миром дел, их умы были открыты иностранными путешествиями и изучением греческого языка и литературы.

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ручки, чернила, планшеты и горшки
Брит. Mus.

Война, однако, оставалась главным путем к популярности и славе. Поскольку все провинции находились под управлением военных губернаторов (проконсулов или квесторов), любой, кто стремился занять высокое положение в государстве, должен был пройти своего рода военную подготовку. Успешный генерал по-прежнему был любимым кандидатом. Но одной военной доблести было уже недостаточно. Прошли те времена, когда хам вроде Мариуса мог грубо оседлать Республику. Герой нового Рима должен был быть чем-то большим, чем просто солдат, хотя и солдатом он тоже должен быть.

Внутри Италии борьба между римлянами и италийцами была окончена. Италия была едина, как никогда прежде. Получив право голоса, хотя и не на условиях полного равенства с римским гражданином, итальянский средний класс занялся зарабатыванием денег и, как правило, не слишком беспокоился о бурном течении политики в столице. Все чаще из

Италии прибывали армии; римскому населению нравились зрелища, устраиваемые по окончании кампаний, но опасности и тяготы службы его мало волновали.

Но хотя эта борьба закончилась, осталась другая, более острая и горькая, чем прежде. Возвращение Суллы означало триумф senatorской партии, консерваторов, людей старой семьи и твердых идей. Проскрипции Суллы, убийство и изгнание множества семей, захват их имущества и имений, которые должны были быть разделены между их врагами, оставили после себя глубокую ненависть между теми, кто победил, и теми, кто был побежден. После смерти Суллы сыновья и внуки проскрибированных стали возвращаться, и то, что когда-то было Народной партией, возглавляемой Мариусом и Цинной, снова стало набирать силу. Сначала у нее не было лидеров. Люди, которые должны были стать ее лидерами, были еще слишком молоды. Однако постепенно, несмотря на непопулярность самого названия, она набирала силу. В ее ряды вступали новые богачи и борющиеся юристы, поскольку там было больше шансов для свежих талантов и новых идей, чем в рядах консерваторов. Через клубы и рабочие ассоциации создавалась политическая организация нового типа.

Главным источником растущей силы новой Народной партии была слабость и неэффективность правительства. Сулла создал замечательную машину, призванную предотвратить любые перемены и сохранить власть в государстве в руках небольшого правящего класса - патрициев. Но машина не работала, когда его сильная направляющая рука была убрана. Она была слишком жесткой и негибкой, чтобы справиться с растущими задачами по управлению великой империей, которой должен был править Рим. Постепенно система Суллы разрушилась, его правила были отброшены. За годы между его смертью и смертью Цезаря власть Рима сильно расширилась, и с каждым разом все острее ощущалась потребность в сильном и эффективном правительстве. Фактическое управление Римом через сенат не было ни сильным, ни эффективным. Ничто не управлялось хорошо. Эта растущая бесхозяйственность заставляла людей с активной жизненной позицией оглядываться по сторонам и спрашивать себя, в чем дело. Они находили разные ответы. Но необходимость перемен была очевидна.

IX

Луций Лициний Лукулл

Если великие люди - это те, чьи действия приводят к великим переменам, то Луций Лициний Лукулл был одним из величайших людей своего времени. Его кампания в Малой Азии положила начало совершенно новой политике. До сих пор Рим приобретал провинции случайным образом; цели завоевания не было. В Испании и Африке влияние Карфагена должно было быть уничтожено; в Греции Рим был номинальным защитником, призванным помочь против внешней опасности. В Малой Азии все было примерно так же. Что касается Малой Азии, то никто в Риме не был доволен договором, который Сулла заключил с Митридатом. Считалось позором для Рима, что человек, хладнокровно убивший сотни тысяч италийцев, был признан "другом и союзником" Рима и оставлен в неприкосновенном владении. Митридат должен был быть наказан. Лукулл отправился на Восток именно с этой целью. Но он сделал гораздо больше. Он обнаружил, что эти великие азиатские монархии с их огромными армиями выглядели сильными, но на самом деле были слабыми; они не могли удержать себя, если на них нападали. Он не просто обезопасил Рим от их нападения; он шел через царство за царством, завоеывая и подчиняя их Риму. Таким образом, фактически, если еще не по названию, он сделал Рим империей.

Начатое им дело Лукулл так и не завершил. Идея принадлежала ему; именно его упорная борьба, мужество, с которым он отменил указания и проигнорировал приказ сената возвращаться, проложили путь к завоеванию. Помпей, чей медлительный ум и осторожный нрав никогда не смогли бы начать такую политику, видел из Рима, к чему приведет борьба Лукулла. Он увидел золотой приз в конце его усилий и решил вырвать его у него. В этом он преуспел. Но заслуга или вина в превращении Рима в имперскую державу, силой управляющую чужими расами, принадлежит не ему, а Лукуллу. В то время этого не понимали. Лукулл, разочарованный и озлобленный, вернулся в Рим и стал известен современникам не как человек, заложивший основы империи, а как устроитель самых роскошных и необычных банкетов, которые когда-либо ели. Об этом свидетельствует пословица, связанная с его именем: "Ужинать с Лукуллом". Его пиры были знамениты, на его столе были самые редкие продукты из всех уголков мира. Его сады тоже были прекрасны, а дом сиял всеми сокровищами далекого Востока. Среди привезенных им сокровищ было одно, на которое в его время мало кто обращал внимание, - вишневое дерево. Вскоре оно стало расти по всей Италии, но о том, что Лукулл привез его, забыли. Как и все остальное, что он делал, это не принесло ему славы.

Семья Лициния Лукулла была одной из старейших в Риме и одной из тех не слишком многочисленных, которые сохранили не только гордость древнего рода, но и представление о том, что хорошее происхождение влечет за собой обязанности. Он был беден, но чрезмерно горд и принадлежал к той небольшой группе консерваторов, из которой вышли Рутилий Руф и Ливий Друз. Его ум был ясен и высокообразован, культивирован в полном смысле этого слова. Как солдат он был чрезвычайно способным. Способ, с помощью которого обычный политик делал деньги и покупал голоса, вызывал у него отвращение. В основном он сурово отстранялся от борьбы за должности и богатство.

После смерти Суллы - он был одним из самых способных офицеров Суллы - он удалился в частную жизнь и с холодным презрением наблюдал за тем, как неправильно управлялись дела государства как дома, так и за границей; за долгой борьбой с Серторием, за возвышением Помпея, скорее благодаря удаче, чем, как он считал, заслугам. У него были сильные чувства и немалая доля честолубия, которое движет почти каждым умом, осознающим свои силы, но он ненавидел интриги и не имел к ним склонности. Он был непопулярен из-за своей привычки говорить то, что думает, как на публике, так и в частном порядке, о продажных политиках и вульгарных скупцах денег, которых другие политики оскорбляли в частном порядке, но не смели оскорблять на публике. У него не было партии. До пятидесяти лет он не занимал ни одного поста или должности первого ранга.

Но когда встал вопрос о кампании против Митридата, Лукулл почувствовал, что имеет на нее право, и был готов, несмотря на свою обычную отстраненность, добиваться этого права. Никомед, старый царь Вифинии, только что умер (74 г.) и оставил римскому народу свою богатую территорию - буферное государство между римскими провинциями в Малой Азии и Понтийским царством Митридата. Способный и хитрый понтийский царь не собирался этого допустить. Он объявил войну, заключил союз с Серторием и отправился в Вифинию. Это была серьезная угроза. Когда Митридат вторгся в Киликию (73 год), люди вспомнили резню пятнадцатилетней давности и затрепетали. Помпею хотелось получить командование, но он все еще был занят в Испании; в итоге назначили Лукулла.

Трудности кампании поначалу были непреодолимыми. Лукулл не мог единолично контролировать ситуацию, а его коллеги были несговорчивы. Но поражение Котты, другого консула, наконец оставило ему свободу действий. Многие из его полководцев были встревожены сокращением римской армии. Лукулл сохранял спокойствие. Митридат напал

на порт Кизик, расположенный далеко от его собственной базы, с такой большой армией, что обеспечить ее провиантом было крайне сложно. Лукулл занял позицию, с которой мог отрезать его от снабжения и таким образом загнать в ловушку между городом и собственной армией. Со своей небольшой армией Лукулл отказался от сражения, а когда Митридат попытался вырваться, разделив свои силы, Лукулл напал на две части по очереди, хотя была мертвая зима, и нанес им катастрофическое поражение. Огромная армия погибла под снегом. Лукулл смог захватить Вифинию и вынудить Митридата отступить в Понт.

Именно сейчас Лукулл предпринял шаг, который сделал его карьеру чрезвычайно важной для истории Рима. Вместо того чтобы ждать указаний от правительства страны - указаний, которые, как он знал, скорее всего, привели бы к его отзыву и уж точно к прекращению операций, - он решил смело действовать по собственному плану. Этим планом было не что иное, как вторжение в царство Митридата. Почти все его генералы выступили против него, но разум Лукулла был ясен. Он горел желанием уничтожить Дарданский договор и пришел к выводу, что восточные монархии не так сильны, как кажется: их рыхлая организация не сможет противостоять дисциплинированной силе Рима. В самом Митридате было что-то гениальное, но Митридат был уже стар.

Ход кампании показал, что Лукулл был прав. Вступив в Понт поздней осенью, он захватил богатую страну, не встретив серьезного сопротивления; войска Митридата были рассеяны при Кизике, а новых он еще не собрал. Огромная добыча - рабы и скот, золото и серебро, слоновая кость и драгоценные камни, редкие вещи и дивные вышивки - была отправлена домой в Рим. Весной следующего года, когда Митридат выступил со своей новой армией, Лукулл нанес ей решительное поражение. Кабира была взята, и Лукулл провел зиму в царском дворце в качестве штаб-квартиры, готовя свою армию к предстоящей работе. Здесь проявились все недостатки его характера. Гордый и вспыльчивый, Лукулл испытывал неумеренное чувство собственного достоинства и величия своей цели; он забыл, что величайший полководец - лишь предводитель других людей, от которых зависит его триумф. Для Лукулла его солдаты были лишь орудиями, а не людьми; армия была машиной. Великие полководцы, такие как Ганнибал, Цезарь, Наполеон, Александр и, в своей степени, Серторий, обязаны своим долговременным успехом той силе, которой они обладают, чтобы заставить каждого человека в армии почувствовать, что он человек, чья преданность имеет значение, от которого в конечном счете все зависит. Когда солдаты чувствуют это, когда они ощущают, что они и их генерал - часть одного живого существа, они могут творить чудеса. Лукулл не обладал такой силой. Он был суров, тираничен и бесчеловечен в своем отношении и, перегруженный массой работы, никогда не находил времени для отдыха. Суровость дисциплины никогда не ослабевала. Казалось, он не жалел для солдат никакой доли в огромной добыче, отправляемой в Рим. У него не было ни одного доброго слова или взгляда в адрес отдельных людей. Именно это растущее чувство горечи недовольные офицеры в его армии, и особенно его шурины Клодий, тайно работавший на Помпея против него, использовали, чтобы посеять семена мятежа.

Лукулл, поглощенный задуманным им могущественным планом, не понимал, что происходит, даже когда после взятия Амисуса его люди не обратили внимания на его приказ пощадить город, а разграбили его. К осени весь Понт был в руках римлян. Лукулл, снова отказавшись ждать приказов из Рима, двинулся в Армению и напал на Тиграна, у которого укрылся Митридат. Эта кампания была проведена блестяще. Со своей небольшой армией, насчитывавшей всего 20 000 человек, Лукулл нанес армянским войскам ряд сокрушительных поражений. Армения была у него под ногами. Он проявил все качества великого полководца: ясность и твердость цели, полную уверенность, смелость и неудержимую энергию гения.

Отдыхая в зимних покоях в Южной Армении и планируя завоевание Персии и Парфии, он вполне мог сравнивать себя с Александром.

В следующем году Тигран собрал новую армию, и Лукулл решил разбить его, взяв столицу Армении Артаксату. Но и здесь его постигла неудача. Кампания была ужасной: земля покрыта снегом, реки ледяные. Наконец вспыхнул мятеж, его люди отказались идти дальше. Из Рима пришло известие, что Лукулл смещен. Заговорщики в Риме добились своего.

Плоды победы были отобраны у Лукулла и оставлены Помпею. Когда он возвращался в Рим, его душа вполне могла быть наполнена горечью. Там никто не понимал, что он сделал; у него не было партии. Политическая борьба вызывала у него еще большее отвращение. Его одиночество усугубили годы абсолютной власти на Востоке. Он удалился в молчаливое уединение и на банкеты, о которых говорил весь Рим. Люди глазели, но не понимали ни его самого, ни его дела.

После напряженных лет

В жизни Лукулла, как и в старой комедии, мы видим в начале деяния воина и государственного деятеля, а к концу - еду и питье, и мало что еще, кроме пирушек, иллюминаций и простого легкомыслия. Ибо я считаю легкомысленными его дорогие дома с портиками и банями, а еще больше картины и статуи и его старания собрать такие произведения искусства за большие деньги, расточая великолепное состояние, накопленное во время его походов, на месте, где даже сейчас, хотя роскошь сильно возросла, сады Лукулла считаются самыми благородными из принадлежавших императору. В Неаполе и на соседнем побережье он пробил в холмах огромные туннели, окружил свой дом прудами и каналами с соленой водой для разведения рыбы и даже построил выход в море, так что стоический философ Туберо при виде этого великолепия назвал его "Ксерксом в тоге". Кроме всего этого, у него были загородные владения близ Тускулума, с беседками, комнатами и портиками, открытыми на воздух, куда Помпей приезжал с визитом и упрекал его за то, что летом он прекрасно живет, а зимой делает дом непригодным для жилья. Лукулл лишь улыбнулся и сказал: "Неужели ты думаешь, что у меня меньше ума, чем у журавлей и аистов, и я не меняю свое жилище в зависимости от времени года?". В другой раз, когда один претор, желая сделать свое зрелище великолепным, попросил одолжить ему несколько пурпурных плащей, чтобы нарядить артистов, Лукулл ответил, что даст ему несколько, если найдет у него такие. На следующий день он спросил, сколько их нужно, и, услышав, что ста будет достаточно, предложил двести. Гораций вспоминает об этом, когда говорит, что считает дом бедным, если спрятанных и упущенных ценностей не больше, чем тех, что известны хозяину.

Плутарх, xxxvi. 39.

X

Cnaeus Pompeius.

К моменту смерти Суллы единодушное мнение Рима должно было остановиться на Кнее Помпее как на единственном из ныне живущих молодых людей, который мог бы пойти по его стопам и править римским миром по своей воле. И если бы в характере Помпея присутствовали качества, которые, казалось, сулил его стремительный успех, они были бы правы. Но жизнь Помпея показывает, как много могут сделать для человека обстоятельства - случай, возможность, хорошее мнение окружающих, рождение и богатство; и чего они не могут сделать, если он не обладает теми качествами ума и воли, которые отличают первоклассных людей от второсортных. Величие было как бы навязано ему; но поскольку он

не был велик сам по себе, он не мог его достичь. Именно это делает его столь интересным неудачником. Его неудача объясняется тем, что в момент высшего кризиса его призвали сделать именно то, что он не мог сделать. Юлию Цезарю не случайно удалось добиться успеха там, где он потерпел неудачу. Ведь Цезарь в высшей степени обладал способностью действовать решительно, что в сочетании с ясными суждениями делает его великим человеком действия. В решающий момент решение Помпея дрогнуло: его воля была неопределенной. В обычные мирные времена его слабости могли бы и не заметить; но его жизнь пришлось на эпоху бурь и стрессов, когда проверяется и проявляется то, из чего сделаны люди.

Высокий, крепкого телосложения, с вьющимися волосами и большими глазами, которые, хотя и были широко расставлены и имели довольно сонное выражение, Помпея в молодости часто сравнивали с Александром Македонским. У него были правильные черты лица и яркий цвет кожи, но в его глазах не было того огня и тайны, благодаря которым Александр казался современникам прекрасным, как бог. Его манеры были серьезными и степенными. У всех, кто его видел, создавалось впечатление его значимости. У Помпея было очень сильное чувство собственной важности. Больше всего он боялся, что над ним будут смеяться. Когда он подозревал, что кто-то это делает, он выходил из себя.

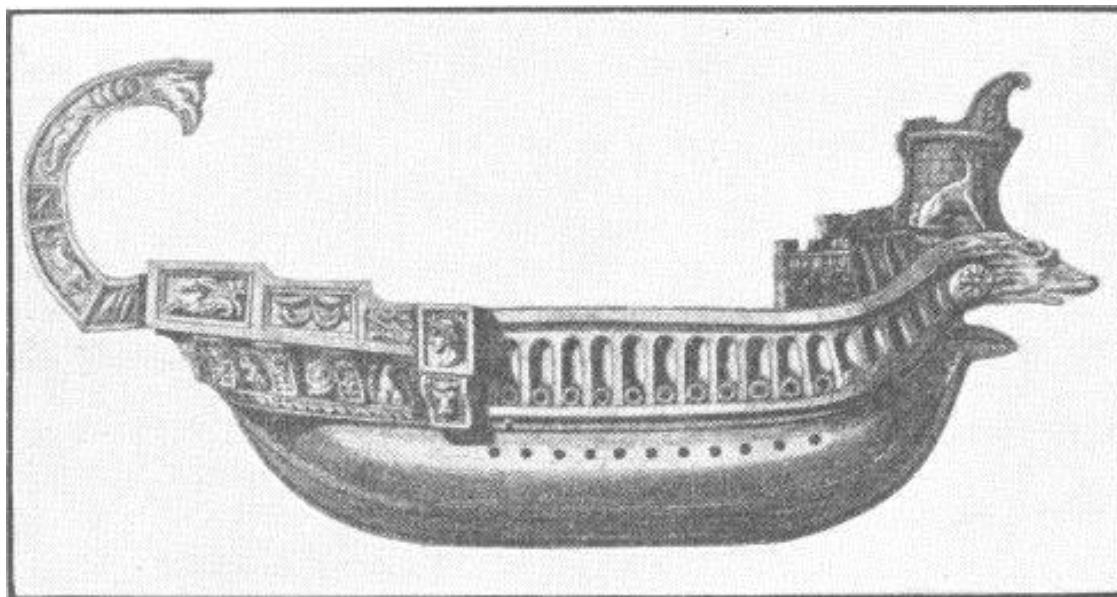
ПОМПЕЙ

Помпей принадлежал к достаточно древнему и почтенному роду, хотя и плебейскому, чтобы сенаторы наконец-то приняли его как одного из себя, тем более что он приобрел огромное богатство во время проскрипций. Во время гражданской войны он был на стороне Мария и тесно с ним сотрудничал, пока Марий и Цинна были у власти в Риме. Его первая жена Антистия была дочерью друга Цинны. Однако, когда Сулла высадился на берег, Помпею стало ясно, в каком направлении развиваются события. Он собрал армию и отправился к Сулле. Хотя ему было всего двадцать три года, Сулла приветствовал его как одного из самых

важных своих сторонников. Он предложил ему бросить свою молодую жену Антистию и жениться на собственной невестке. Помпей согласился, хотя Антистия любила его и находилась в тяжелейшем положении, так как ее отец был убит во время проскрипций; кроме того, ее мать, узнав, как Помпей собирается поступить с ее дочерью, наложила на себя руки. Во время проскрипций Помпей приобрел столько богатства, что уже через несколько лет стал одним из самых богатых людей в Риме. Его популярность была велика, и он мог позволить себе поддерживать ее, устраивая великолепные представления и делая подарки народу.

Его богатство, быстрый успех и огромная популярность приводили сенаторов в трепет. Они постоянно боялись, что он станет следующим Суллой. Они с уважением слушали все, что говорил Помпей, хотя он был скучным оратором; и считали его первым полководцем современности, хотя на самом деле он ничего не сделал, чтобы заслужить это звание. Но ему всегда везло в кампаниях, и раз за разом ему выпадала удача стать полководцем как раз в тот момент, когда плоды долгой борьбы, которую вели другие, были готовы к сбору. В средствах, с помощью которых он добивался успеха, Помпей не был слишком щепетилен. Его бесчувственность в вопросе Антистии была лишь одним из признаков этого. Та же черствость проявилась и в том, как он добился окончательного поражения Сертория, причем не в результате действий на поле боя, а с помощью заговора. После трех лет безуспешных боев Серторий, самый способный из последователей Мария, поднявший восстание в Испании, был еще так далек от победы, как никогда. Помпею надоела война; устали и его войска. Наконец, благодаря предательству Перпенны и некоторых других римлян в его армии, на умы которых действовали тайные эмиссары из Рима, Серторий был убит. Затем Помпей с ужасающей жестокостью подавил восстание в Испании и вернулся в Рим, увенчанный успехом.

Его сделали консулом (70 г.), хотя он никогда не занимал ни одной из младших государственных должностей; но его консульство не было отмечено ничем более важным, чем постоянными разногласиями с его коллегой Крассом, который, хотя и был патрицием по происхождению, склонялся к так называемой народной, антисенаторской партии. В течение следующих двух лет он был мало замечен, пока его не призвали в качестве первого полководца, чтобы справиться с проблемой, которая представляла серьезную опасность для Рима. Рим в значительной степени зависел от иностранной кукурузы. Однако поставки этой заморской кукурузы были практически приостановлены пиратами Средиземноморья. Полководец за полководцем не смог их подавить. Цены на продовольствие в Риме выросли до голодных высот. Наконец трибун Габиний предложил назначить особого полководца, наделенного неограниченными полномочиями, как в отношении людей, так и в отношении денег; им должен стать Помпей. Цезарь и Цицерон поддержали этот план. Против него горячо возражали те, кто считал такие полномочия опасными; но в конце концов Помпея назначили. Он проявил незаурядную энергию, и в течение сорока дней моря были очищены.

Ваза в форме галеры

Яркий рассказ об операциях Помпея против пиратов был дан Цицероном в большой речи, которую он произнес в поддержку предложения Манилия дать ему командование на Востоке вместо Лукулла.

Помпей в расцвете сил

Вы хорошо знаете, как быстро были проведены эти операции против пиратов, но я не должен из-за этого опускать все упоминания о них. Какой человек когда-либо существовал, который, по делам или в погоне за выгодой, смог бы посетить столько мест и преодолеть такие большие расстояния за столь короткое время, как этот великий военный взрыв, которым руководил Кн. Помпей, пронесшийся над морями? Еще когда было рано отправляться в далекое плавание, он посетил Сицилию, исследовал побережье Африки, затем переправился на Сардинию и защитил эти три великие житницы Республики сильными гарнизонами и флотами. Затем, вернувшись в Италию, он таким же образом обеспечил безопасность двух Испаний и Трансальпийской Галлии, а отправив корабли к Иллирийскому побережью, в Ахайю и всю Грецию, он создал большие силы, военные и морские, в двух морях Италии. На сорок девятый день после отплытия из Брундизия он подчинил всю Киликию римскому народу, и все пираты, где бы они ни находились, либо были захвачены и преданы смерти, либо сдались под его единоличную власть и командование. Наконец, когда критяне последовали за ним даже в Памфилию с посланниками, умолявшими о помиловании, он не презрел их предложение о покорности и удовлетворился требованием заложников. В результате эта великая война, длившаяся так долго и зашедшая так далеко, война, преследовавшая все страны и все народы, была взята Помпеем в руки в конце зимы, начата в начале весны и закончена к середине лета.

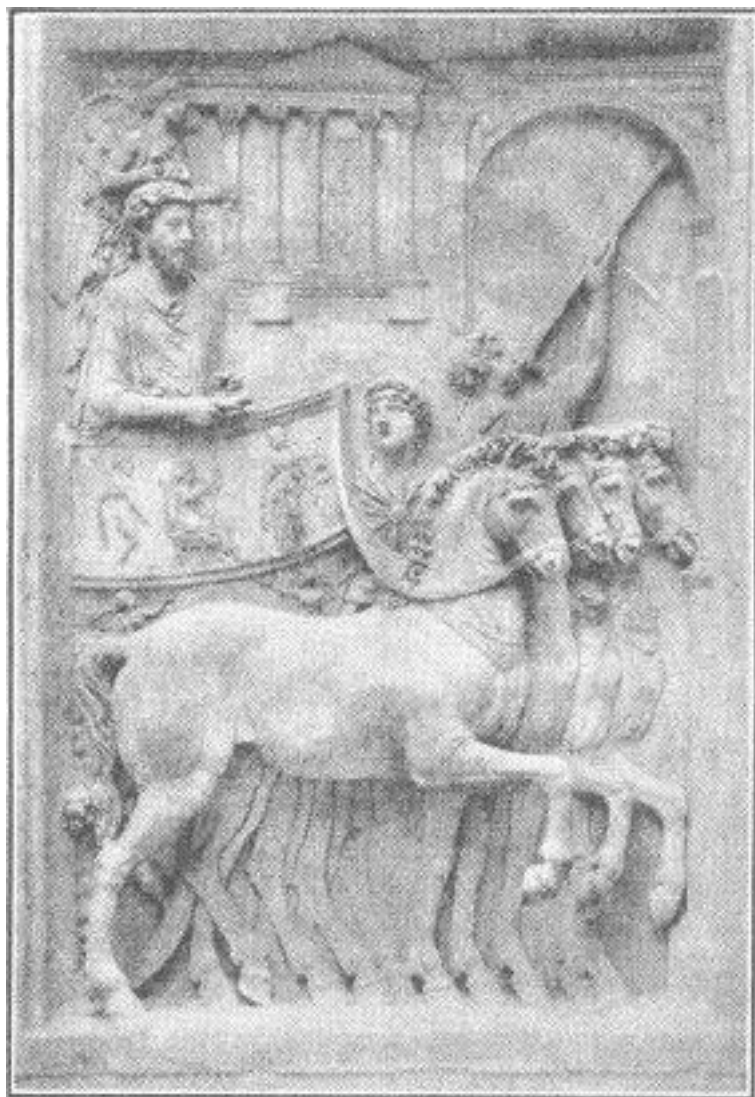
Цицерон, *De Lege Manilia*, §§ 34-5.

Помпей использовал славу, завоеванную этим успехом, чтобы обеспечить себе плоды азиатских побед, одержанных Лукуллом. С одной стороны, он действовал в Риме против Лукулла, чтобы добиться передачи командования себе; с другой стороны, подкупом и искусством Клодия, шурина и помощника Лукулла, он поднял мятеж среди своих войск. Затем он отправился в Азию и в серии впечатляющих кампаний положил Восток к своим

ногам. Его продвижение по Азии было парадным; неудивительно, что римляне были ошеломлены новостями о том, как он разгромил царства и завоевал огромные территории с огромными богатствами. Помпей казался им полководцем уровня Ганнибала или Александра.

Сенат был встревожен. Они не забыли, как Сулла вернулся с Востока в 83 году и поставил себя диктатором, хозяином Рима. Если Помпей в 62 году захотел сделать то же самое, ничто не могло ему помешать. У него была огромная армия, преданная ему и готовая последовать за ним в любую авантюру. Он был чрезвычайно популярен среди жителей Рима. Он никогда не проявлял особого уважения к законам и обычаям государства, когда хотел получить что-то для себя. Он нарушил правила, установленные Суллой, согласно которым никто не мог занимать высокий пост, пока не пройдет через все низшие должности. Теперь, еще находясь в Азии, он потребовал, чтобы ему позволили занять пост консула в его отсутствие, хотя он никогда не был трибуном или претором. Сенат поставил на его пути множество препятствий. Они сделали все возможное, чтобы раздражить Помпея и дать ему повод занять сильную позицию, которой он боялся. Только Юлий Цезарь, молодой и быстро набирающий силу лидер Народной партии, поддержал его. Сенат не разрешил Помпею выдвинуть свою кандидатуру на пост консула. Непос, его эмиссар, был бы фактически убит на улице, если бы Цезарь не спас его. Цезарь порадовал его, предложив закончить восстановление Капитолия.

Опасения сената, как знал Цезарь, были беспочвенны. Помпеус не был похож на Суллу. Сулла всегда знал, чего хочет. У Помпея не было четкой цели. Перед ним открывались возможности, которые он не хотел и не умел использовать. Он хотел быть важным, крупным человеком, о котором хорошо отзывались, на которого равнялись; но его робкий ум уклонялся от ответственности. Он никогда не загорался какой-либо великой идеей; у него не было цели, которую он хотел бы донести до мира. У него не было даже того сурового и холодного презрения к массе людей, которое вызывало у Суллы чувство горького удовольствия при навязывании им своей воли. В нем не было ничего от огня Цезаря. В политике он никогда не занимал твердой позиции. Если никто в Риме не знал, на чем он остановился, то Помпея самого терзали сомнения. Он был респектабельной натурой с естественной склонностью к безопасности. Но в Риме его времени все находилось в состоянии беспокойного движения; не было ни безопасности, ни спокойствия для того, кто хотел в то же время быть крупной фигурой. Позже Помпей был вынужден принять меры. Эти действия были слабыми и нерешительными, потому что его разум никогда не был ясным. Большинство людей похожи на Помпея: они не знают, чего хотят; или хотят чего-то неопределенного, например счастья или хорошего мнения окружающих; или хотят нескольких вещей, которые нельзя получить вместе. Отличительной чертой тех людей, которые выделяются в истории, является то, что они четко представляли себе то, что хотели иметь или сделать, и силой воли добивались этого. Даже когда они терпели неудачу, как, например, Ганнибал, в их поражении было нечто более величественное, чем в обычном успехе. Но эта сила воли подразумевает готовность идти на жертвы. Если вы хотите получить что-то одно, вы должны быть готовы обойтись без других. Если вы хотите угодить себе, вы должны быть готовы к недовольству других людей. Нельзя идти своим путем и в то же время иметь хорошее мнение обо всех. А этого Помпею не видать.

ТРИУМФ

из жизни империи

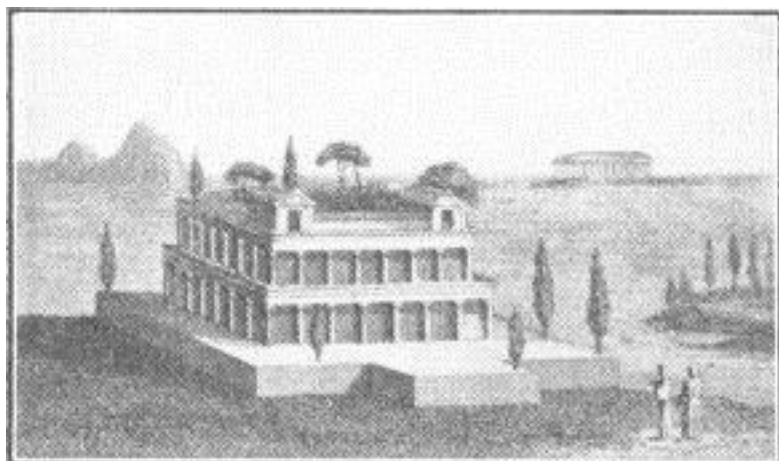
После возвращения из великого похода на Восток в 62 году Помпей высадился в Брундизии и распустил своих солдат по домам. Сенаторы облегченно вздохнули. Он не собирался быть опасным. Когда Помпей прибыл в Рим без своей армии, он обнаружил, что никому особо не нужен. Людей больше интересовала борьба, которая происходила дома: заговор Катилины, твердая позиция Цицерона, предавшего заговорщиков смерти, вопрос о причастности Цезаря, дружба между Цезарем и Крассом, чем то, что делал Помпей на Востоке. Без его армии никто не боялся Помпея. В сенате и политических кругах Лукулл делал все возможное, чтобы помешать ему, его поддерживал Катон Младший, который считал, что империализм, восточные завоевания и новые богатства - это плохо, они могут погубить Рим. Помпей одержал грандиозный триумф, сделавший его кумиром толпы, но сенат и слышать не хотел о том, чтобы сделать его консулом или выделить земли его солдатам. Консервативная партия мешала Помпею на каждом шагу; он был глубоко уязвлен, причем в самой чувствительной своей части - тщеславии. Эта обида в конце концов заставила его вступить в союз с Цезарем и Крассом, лидерами народной партии и своими самыми опасными соперниками. Он не любил Красса и боялся Цезаря. В данный момент его поддержка была неоценима для Народной партии, поэтому Цезарь поставил перед собой задачу преодолеть недоверие

Помпея к себе и глубокую ненависть Красса к Помпею. У него были веские аргументы в пользу каждого из них, а за ними - обаяние манеры, перед которым мало кто мог устоять.

Через три года после возвращения Помпея с Востока три сильнейших человека в Риме были связаны вместе. Этот первый триумвират (60), как его стали называть впоследствии, был частным соглашением. Люди узнавали о его существовании, только когда видели его в действии. Помпей женился на дочери Цезаря, Юлии, которая, пока была жива, поддерживала дружеские отношения с отцом. Цезарь стал консулом и сразу же подтвердил все, что Помпей сделал на Востоке, и раздал земли своим солдатам. Была проведена большая программа земельной реформы. Было реорганизовано распределение кукурузы. Люди, которые слишком открыто критиковали Триумвират, например Катон, были изгнаны. Цицерон также был изгнан, поскольку Клодий поклялся отомстить ему. Цезарь мог бы спасти его, взяв с собой в Галлию, а также его брата Квинта, который был одним из его адъютантов; но Цицерон отказался. Цезарь отправился в Галлию на следующий год после своего консульства (58); Помпея и Красса оставили хозяевами в Риме.

В то время в городе не прекращались беспорядки. Борьба партий становилась все более ожесточенной и яростной. Драки между различными политическими клубами происходили каждую ночь. Изобретательный Клодий реорганизовал старые объединения рабочих в гильдии более или менее политического толка и таким образом создал механизм в каждом квартале города, которым он с большой ловкостью управлял во время выборов. Кроме того, он организовал нечто вроде армии избирателей из рабов и вольноотпущенников, которые выходили на выборы по его указаниям и жили на бесплатной кукурузе, которую выдавало государство. Помпею ничего не удалось сделать, чтобы справиться с таким положением дел. Он вообще впал в странное состояние праздности и почти не принимал участия в государственных делах. Новости о победах Цезаря в Галлии его не разбудили, хотя популярность Цезаря росла с каждым днем, а его собственная падала.

Леность Помпея в этот период иногда объясняют его чрезвычайным домашним счастьем. Юлия, его новая жена, была вдвое моложе его - три и двадцать лет. Она в полной мере обладала неотразимым обаянием своего отца; пока она жила, связь между триумвирами была незыблемой. Но кажущееся безразличие ее мужа к государственным делам объяснялось, в основном, другой причиной, той самой, которая так много объясняет в действиях и бездействии Помпея как в это время, так и позже. Он стоял в стороне, потому что не знал, что делать. Политический клубок превратился в узел, который необходимо было разрубить. Помпей был не тем человеком, который разрубает узлы. Он пустил все на самотек.

РИМСКАЯ ВИЛЛА НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Обратите внимание на сад на крыше.

Беспорядки росли, и ничто не могло их остановить. Сенат, встревоженный растущей популярностью Цезаря - в честь его побед в Галлии был устроен пятнадцатидневный праздник, - начал нападать на его новые земли и другие законы. Помпею не составило труда защитить их. Цицерон вернулся из изгнания и произнес тревожные речи о том, что Цезарь стремится положить конец республике. Помпей и Красс снова поссорились. Однако когда Цезарь призвал своих друзей встретиться с ним в Лукке, где он расположился на зимний отдых (56 г.), почти никто в Риме не отказался ехать. Помпей, несмотря на растущую ревность и беспокойство, примирился с Крассом, и триумвират возобновился. Но как только он снова вернулся в Рим, вдали от очарования Цезаря, он снова впал в прежнюю угрюмую праздность. В течение следующих нескольких лет он стал открыто враждовать с Цезарем. В Риме мало обращали внимания на то, что он делал в Галлии. Смерть и поражение Красса при Каррахе (53 г.) не вызвали глубокого волнения. Беспорядки в городе, возникавшие время от времени, стали постоянными. Рядовые граждане и даже сенаторы больше интересовались драками между Хлодием и Милоном, чем всем, что происходило за пределами Рима.

Правительство было совершенно беспомощно. Ситуация явно шла от плохого к худшему. В римском мире был один сильный человек, который мог спасти государство; но цена его усилий была такова, что консерваторы были настроены скорее на гражданскую войну. Чем яснее становилось выдающееся положение Цезаря, тем большее негодование вызывал у Помпея. С ранней юности его считали великим человеком другие люди и он сам стал считать себя таковым. Однако теперь, когда представилась реальная возможность продемонстрировать свое величие, он не знал, как это сделать, и видел, что приз может достаться другому.

Смерть Юлии, последовавшая через два года после встречи в Лукке, лишила его единственного человека, который мог бы предотвратить открытый разрыв между Помпеем и Цезарем, и оставила ревность Помпея бесконтрольно властвовать в его сознании. Цезарь, находясь далеко от Рима, ясно видел смысл происходящего; Помпеи же, находясь на месте событий, не понимали и не хотели понимать. Он так и не смог принять меры. Именно поэтому сенаторы сочли его надежным человеком и дали ему полномочия, намного превосходящие те, о которых просил Цезарь. Его назначили единоличным консулом (52) и главой специального суда, который должен был рассматривать все дела о беспорядках. Беспорядки

действительно становились все более серьезными; Клодий и Милон были соперниками в борьбе за консульский пост. Между их сторонниками день и ночь шли открытые бои. Наконец Клодий был фактически убит на Аппиевой дороге грубиянами Милона.

Помпей ничего не предпринял, хотя в Риме он был всемогущ. Красс был мертв, Цезарь находился далеко в Галлии и был сильно потеснен. Когда Помпей заболел, по всей Италии возносились молитвы о его выздоровлении, а когда пришло известие о том, что ему стало лучше, состоялись большие публичные благодарственные молебны. Но, как говорит Плутарх, эта демонстрация оказалась одной из причин последовавшей за ней гражданской войны. Радость, которую Помпей испытал по этому поводу, дополненная высоким мнением о своих достижениях, настолько опьянила его, что, распрощавшись с осторожностью и благоразумием, которые обеспечили ему удачу и славу его действий, он поддался самому экстравагантному самомнению и даже презрению к Цезарю; он заявил: "Ему не нужно ни оружия, ни каких-либо экстраординарных приготовлений против него, поскольку он может свалить его с гораздо большей легкостью, чем установил". Когда такие люди, как Цицерон, выражали опасения, что Цезарь может пойти на Рим со своей армией, он отвечал: "В Италии, стоит мне только стукнуть по земле, появится армия". Преисполненный такими мыслями, он поступил безрассудно, доведя Цезаря до отчаяния. Он отказался распустить свои собственные войска (два легиона, которые он одолжил Цезарю, а Цезарь, по его требованию, вернул ему нагруженными подарками); вместо того чтобы поддержать кандидатуру Цезаря на пост консула на тот год, когда он должен был вернуться из Галлии, он всячески противодействовал ему. Наконец, он дал понять, что если Цезарь прибудет в Рим без своей армии, то подвергнется серьезной опасности, и в то же время настаивал на том, чтобы он это сделал.

К чему это приведет, люди в Риме понимали достаточно ясно. Когда они узнали, что Цезарь перешел Рубикон (49) во главе своих войск (несмотря на закон Суллы), они впали в панику. Сенат был в ужасе от Цезаря и не менее страшен от Помпея. Но как ни разобщены были консерваторы между собой, он был единственным человеком, который мог их сплотить, и единственным их полководцем. Если бы Помпей в момент кризиса действовал решительно, будь он с Цезарем или против него, он мог бы предотвратить гражданскую войну. Но в то время, когда каждый день был жизненно важен, он несколько дней ничего не предпринимал, оставался в собственном доме, не подавая никаких сигналов и никак не поддерживая нарастающие беспорядки и волнение. В Рим начали стекаться беженцы. По той или иной причине все считали само собой разумеющимся, что Цезарь собирается идти на город, хотя на самом деле он не предпринимал никаких действий. Наконец Помпей объявил, что страна в опасности и что все должны покинуть Рим. Сам он покинул город, чтобы собрать в армию большое количество солдат в Италии. Вскоре после этого консулы бежали, причем так поспешно, что оставили за собой государственные сокровища, и вместе с большинством сенаторов присоединились к Помпею в Брундизии, откуда намеревались отплыть в Грецию.

Пожалуй, только поэт мог истолковать то, что происходило в это время в голове Помпея. Лукан описывает это так:

Последняя фаза: "Тень могучего имени".

Ты боишься, Магнус, чтобы новые подвиги не отбросили в тень прошлые триумфы, а победу над пиратами не затмило завоевание Галлии; твоего соперника подстегивает привычка к постоянным предприятиям и успеху, слишком гордому, чтобы занять второе место; ведь Цезарь больше не потерпит ни большего, ни равного ему Помпея. Кто из них более

справедливо призвал к гражданской войне, нам не дано знать. Каждого из них поддерживал могущественный судья; боги одобряли дело завоевателя, Катон - побежденного. Правда, они не были равны по силам. Помпеус был в возрасте, уже пришедшем в упадок, и за время долгого покоя мирной и гражданской жизни забыл о практике командования; он стремился быть у всех на устах, щедро одаривал толпу, подхватывал дыхание народной воли и льстил аплодисментам в построенном им театре. Не заботясь о том, чтобы набраться новых сил, и во многом полагаясь на прежние успехи, он стоит тенью могучего имени; подобно дубу, который, возвышаясь на плодородном поле, несет на себе трофеи, принесенные прежними людьми, и вотивные дары их вождей; уже не прикрепленный к земле крепкими корнями, он держится вертикально за счет собственного веса и, раскинув в воздухе безлистные ветви, не дает тени, кроме как от голого ствола. И все же, хотя оно качается и скоро рухнет от первого же порыва ветра с востока, хотя вокруг него столько лесных деревьев поднимают свои стебли непоколебимыми, ему одному поклоняются".

Лукан, *Фарсалия*, i. 121-43.

Сначала оставив Рим, а затем и Италию, Помпей совершил роковую ошибку. Цезарь вскоре овладел Италией почти без кровопролития. В течение года он после жестоких боев подчинил себе Испанию и Сицилию, римские житницы; построил флот и отплыл в Грецию. Там он попытался склонить Помпея встретиться с ним и договориться. Помпей отказался.

Он считал, что его армия сильнее армии Цезаря. Он и все его друзья были полны горечи и совершенно уверены в победе. На их стороне были все преимущества в численности и снабжении, и они могли позволить себе изнурять Цезаря выжидательной политикой. Таков был план самого Помпея, и он был обоснован. Но он позволил себе перегнуть палку во многом из-за насмешек своих сторонников. Он двинулся из Диррахия, где занимал очень сильную позицию, на равнины реки Энипея. При Фарсалии произошло большое сражение (48). Помпей потерпел поражение. В поражении он был во многом виноват сам. У него было 43 000 человек против 21 000 у Цезаря, и он был особенно силен в кавалерии. Цезарь искусной хитростью разбил кавалерию; когда Помпей увидел это, он решил, что день потерян, покинул поле боя и в отчаянии спрятался в своей палатке. Покинутые своим полководцем, его ряды распались, поражение превратилось в разгром. Его армия была уничтожена. Сам Помпей бежал в Египет с горсткой сопровождающих. Там он был убит египтянами на глазах жены и сына.

Говорят, что Цезарь прослезился, когда ему передали кольцо с печатью Помпея и он узнал, что его великий соперник погиб. Он снова установил статую Помпея в Риме и, казалось, почти теми же словами, что Шекспир вкладывает в уста Маруллы, упрекнул непостоянный народ Рима, который так скоро забыл того, кто когда-то был их кумиром.

Разбитый идол

Марулл. Чему радоваться? Какие завоевания он принес домой?

Какие данники следуют за ним в Рим.

Чтоб в неволе колес колесницы его украсить?

Вы, глыбы, вы, камни, вы, что хуже бессмысленных вещей!

О вы, жестокие сердца, вы, жестокие люди Рима!

Вы не знали Помпея? Много раз и много раз

Вы взбирались на стены и крепостные стены,
На башни и окна, да на верхушки дымоходов,
С младенцами на руках, и там сидели
Весь день с терпеливым ожиданием,
чтобы увидеть, как великий Помпей проедет по улицам Рима:
И когда вы увидели, что его колесница только показалась,
Разве не подняли вы всеобщий крик,
Что Тибр задрожал под своими берегами,
Чтобы услышать повторение твоих звуков.
Сделанные на ее вогнутых берегах?
И теперь вы надеваете свои лучшие наряды?
А вы теперь выбираете праздник?
И усыпаете цветами его путь,
Который идет с триумфом над кровью Помпея?
Уходите!
Бегите в свои дома, падайте на колени,
Молите богов, чтобы они отпустили чуму.
Которая должна настигнуть эту неблагодарность.
Шекспир, *Юлий Цезарь*, I. i.

XI

Марк Лициний Красс

Из всех богатых людей Рима, независимо от того, привезли ли они, подобно Лукуллу или Сулле, свое богатство из чужеземных завоеваний, извлекли ли его из жителей заморских провинций, став губернаторами, или заработали на бизнесе, самым богатым был Марк Лициний Красс. Его богатство стало эталоном, по которому измеряли богатство других людей. Красс принадлежал к старинной, но сравнительно бедной семье, которая сильно пострадала в войнах Мария и Суллы. Сам он в молодости был, как и Помпей, одним из лейтенантов Суллы. Как и Помпеи, он основал свое состояние во времена проскрипций Суллы. Но необычайный и постоянный рост его богатства объяснялся его собственной неумной энергией и чрезвычайной изобретательностью, чему способствовало то, что он не отличался ни малейшей щепетильностью.

Дома, в которых жил обычный римлянин, были построены в основном из дерева: только у очень богатых людей в это время были каменные или мраморные дома. Улицы были очень

узкими, а многие из - очень крутыми и кривыми, и жилища, будь то отдельные дома или большие доходные дома, теснились друг к другу. По мере того как здания старели, они часто падали, особенно высокие квартиры, которые становились тяжелыми. Серьезные пожары также были очень частым явлением. Красс заметил это. Поэтому он собрал большое количество рабов, искусных плотников и каменщиков. Кроме того, он снарядил пожарную команду. Когда где-нибудь вспыхивал пожар, он предлагал владельцу дома купить его очень дешево. Если его предложение принималось, он тушил пожар и восстанавливал дом. В случае отказа он оставлял дом гореть. В то же время он скупал по дешевке дома, которые находились в плохом состоянии и могли разрушиться, а потому доставались ему по низким ценам. Таким образом, он стал владельцем значительной части Рима, а поскольку в город постоянно стекалось все больше и больше людей, а предложение домов было меньше, чем спрос на них, он мог взимать высокую арендную плату. Люди, которые отказывались жить в его домах, не могли найти себе другого места.

Это было одним из средств, с помощью которых Красс приобрел свое богатство. Но он был постоянно начеку и активно искал возможности заработать деньги то в одном, то в другом направлении. Его энергия никогда не ослабевала: он всегда был занят. Он никогда не предавался праздности или глупым развлечениям, на которые многие римляне, молодые и старые, тратили большую часть своего времени. В то время, когда он владел половиной домов в Риме, а многие члены сената были у него в долгу и не смели голосовать против его воли, он построил для себя только один дом, и тот умеренных размеров. Он наслаждался зарабатыванием денег, как люди наслаждаются любым занятием, в котором они мастера. Однако через некоторое время он разбогател настолько, что им овладели новые амбиции. Он начал жаждать прямой политической власти, а не только косвенной, которую давали ему деньги. Красс не был дураком. В финансовых делах любого рода он обладал смелостью, находчивостью, изобретательностью, решительностью и упорством, а также тем воображением, которое присуще любому гению. Не случайно все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Но его воображение было узко ограниченным. Он понимал все низшие побуждения, движущие людьми, но не понимал высших, потому что понимал только то, что находил в себе, а в себе не было места для силы какой-либо идеи.

Для большинства римлян его времени религия стала мертвым делом. Они хранили священные изображения в своих домах и выполняли все официальные и признанные церемонии. Но это было делом обычая и манеры, как и правила одежды. В них не было ни реальности, ни чувств. Реальность римской религии заключалась в преданности людей своей стране и вере в город как в великое существо, жизнь которого продолжается и после того, как закончилась их собственная. В служении ему они были готовы потратить себя, чтобы он умер. Такая преданность была глубоко поколеблена. Средний римлянин времен Красса не верил ни во что, кроме собственного удовольствия, ни во власть и славу для себя.

В этом Красс был точно таким же, как они. Он был самым богатым человеком в Риме, но богатство через некоторое время перестало его удовлетворять. Они не давали ему популярности. Правда, отчасти в этом была и его собственная вина, ведь Красс, как и многие очень богатые люди, сочетал безрассудные случайные траты с постоянной подлостью. Он устраивал самые роскошные представления, но почти никогда не отпускал должников. О его твердости в сборе небольших сумм ходили легенды. В один день он тратил тысячи, а на следующий торговался за шиллинг. Конечно, именно эта тщательная забота о пенсах сделала и сохранила Красса таким богатым; но она не сделала его любимым. И хотя он был очень способным солдатом, в этом отношении он не мог соперничать с Помпеем, который, казалось, всегда умудрялся делать только эффектные вещи, в то время как другим

доставалась только тяжелая работа. Когда Красс хвастался своими подвигами в кампании против Спартака, люди пожимали плечами. Однако война рабов представляла собой серьезнейшую опасность, тем более что разразилась она в тот момент, когда со всех сторон надвигались мрачные трудности.

За последние несколько лет Рим не раз страдал от нехватки пшеницы, что означало настоящий голод для самых бедных слоев населения. В Италии поля, на которых раньше выращивали кукурузу, все чаще засаживали виноградной лозой и оливами - более прибыльными культурами. Кукурузы, выращиваемой в сельской местности, хватало не более чем на нужды живущих там людей. Рим в основном зависел от поставок из-за моря. Хотя по закону сицилийские города были обязаны отправлять определенную часть урожая в Рим, они не всегда это делали, а правительство крайне небрежно относилось к их снабжению. В год вторжения Митридата в Вифинию случился серьезный голод, который выглядел достаточно опасным. В то же время пришло известие о том, что полководец, посланный против пиратов, опустошавших киликийское побережье, потерпел серьезное поражение от них, и, что самое страшное, по всей Италии вспыхнуло великое восстание рабов (73).

Эта рабовладельческая война оказалась более серьезной, чем казалось на первый взгляд. Рабы не просто поднялись на борьбу: у них появился лидер, который оказался настоящим военным гением в лице Спартака. Спартак был фракийцем и, как и большинство его соратников-рабов, оказался военнопленным.

Эти рабы не были обычными домашними рабами, к которым многие относились достаточно доброжелательно, или теми, кто был занят в ремеслах и промышленности. В большинстве своем это были мужчины, содержащиеся в лагерях для подготовки к играм. По всей Италии существовали школы подготовки, принадлежавшие богатым людям, где отборных рабов, отобранных среди военнопленных, потому что они были высокими, сильными и красивыми, держали и учили сражаться в качестве гладиаторов. Условия в этих школах были очень плохими, и несчастные, попавшие в них, не имели ничего лучшего, чем возможность умереть на арене. Вкус римского народа становился все более жестоким; больше всего ему нравились гладиаторские бои - часть зрелищ, которые устраивали успешные полководцы или политики, жаждущие популярности: поединки между мужчинами, вооруженными различными способами, которые продолжались до тех пор, пока один из бойцов не погибал. Любимым был бой между человеком, вооруженным трезубцем, и другим, снабженным сетью. Иногда эти бои проходили между телами мужчин. Подобно испанским боям быков, эти зрелища приводили жителей Рима в неопиcуемый восторг. Хорошие фехтовальщики стоили дорого и приносили славу своим хозяевам.

Эти несчастные в большинстве своем были военнопленными; многие из них были вождями и лидерами в своей стране, и были людьми не только сильными и мужественными, но и умными. В большой школе обучения в Капуе среди рабов был один такой человек: Спартак, фракийский вождь. Его разум восстал против безнадежности своей участи, и он поднял своих товарищей. Восемьдесят из них вырвались из плена и бежали к склонам Везувия. Там они разбили крепкий лагерь, и, по мере того как распространялась весть об их поступке, к ним присоединялись рабы со всей Италии: одни бежали из школ и тюрем, как они сами, другие - от своих хозяев и мест работы. Против них был послан небольшой отряд. Они в беспорядке отбросили его и захватили оружие. Этот успех стимулировал новые восстания. Вскоре Спартак возглавил значительное войско. В следующем году (72) он разгромил консульскую армию. Его собственная численность возросла до более чем 40 000 человек. Война велась с ужасающей жестокостью и ожесточением с обеих сторон. Никто не давал и не ждал пощады. Всех захваченных рабов предавали смерти. Спартак заставил триста

пленных римлян сражаться в качестве гладиаторов на погребальных играх, устроенных в честь павшего капитана рабов. Фермы и сельские дома были разграблены и сожжены.

ФРАКИЙСКИЙ ГЛАДИАТОР

Растущий успех рабов вселял в людей ужас: они боялись всеобщей резни богачей. Однако подавить их казалось невозможным. Спартак проявил редкие качества полководца и организатора, и после того как в следующем году он разбил обоих консулов и начал продвигаться на север, в Риме возникло нечто похожее на панику. Никто не хотел брать на себя командование против него. Наконец Красс выступил вперед. Здесь, думал он, ему представится шанс завоевать славу, равную той, которую Помпеи добывали в Испании. Его зоркий глаз видел, что римские армии разваливаются на части из-за плохой дисциплины: его первой задачей было восстановить строгость военного закона.

Вначале Спартак казался ему слишком сильным и умелым, но Красс знал, что в конце концов в его рядах обязательно вспыхнет ревность, ведь рабы были людьми разных национальностей, которых удерживали вместе только воля и умение их командира. Наконец, после долгих месяцев, в течение которых успех казался безнадежным, настолько безнадежным, что сенат отозвал Помпея из Испании, к бесконечной ярости Красса, он

вынудил Спартака сразиться. Он был убит, а вместе с ним и 12 000 его последователей. Они сражались героически, их раны были у всех на глазах. Перейдя Альпы, Помпей встретил лишь отряды отчаянных беглецов, спасавшихся от завоевателя. Он предал их мечу, а затем, к отвращению Красса, присвоил себе долю победы. Хотя люди Красса победили гладиаторов в бою, я вырвал войну с корнем", - заявил он сенату.

В следующем году (70) Красс и Помпей были избраны консулами вместе. Это не сделало их друзьями. Красс недолго любил Помпея и очень завидовал его огромному положению и влиянию. Он не понимал, почему его не должны признавать таким же большим человеком, как Помпея. Помпей был холоден, ленив, самодоволен; удача сыпала на него золотым дождем, а он стоял и собирал ее в руки. Красс, пышущий энергией, напрягающий все нервы, приходил в ярость при мысли о Помпее.

Но он был достаточно умен, чтобы вскоре понять, что своими собственными усилиями он не добьется того положения и власти в государстве, к которым стремился. Да и не нужно было далеко искать человека, который мог бы дать ему то, чего он не получил сам. Успех Помпея вызывал у него гнев и горькую зависть, потому что он не любил Помпея. Его самодовольный и медлительный нрав раздражал его. К способностям Юлия Цезаря Красс, напротив, не испытывал ничего, кроме живого восхищения, удивления и даже преданности. Он осознал его необыкновенные качества в то время, когда Цезарь был непопулярен и неудачлив. Более того, он сразу же был покорен личным обаянием Цезаря и никогда не переставал его ощущать. Цезарь был погряз в долгах: нехватка денег была его главной личной проблемой. Его главная политическая трудность заключалась в том, что демократическая или народная партия во времена Марии и Цинны приобрела репутацию партии революции и беспорядков. Поэтому для Цезаря Красс был бесценен: между ними установилась прочная связь.

Несколько лет спустя Цезарю удалось примирить Красса с Помпеем, убедив их в том, что, пока они наводят друг на друга артиллерию, они возвышают таких людей, как Цицерон и Катон Младший. Эти люди были бы никем и ничем, если бы Красс, Помпеус и он сам были друзьями и действовали сообща. Вскоре он оказался прав. Триумвират был неотразим. Сначала консулом стал Цезарь (59 г.), затем, четыре года спустя (55 г.), Красс и Помпей.

Жажда славы Красса заставляла его стремиться к тому, чтобы в год после консулата получить большое и важное провинциальное командование. К его радости, в то время как Помпею досталась Испания, а Цезарь остался в Галлии, он получил Сирию. Хотя ему уже исполнилось шестьдесят лет, перед его глазами сразу же поплыли самые фантастические видения триумфа и завоеваний: он видел себя совершающим на Востоке подвиги, которые должны были затмить все подвиги Лукулла и Помпея. В той части света войны не велись, но Красс сразу же решил, что война должна быть, ведь это прямой путь к почестям и славе. Он нападет на Парфию и завоюет для Рима новую и богатую страну. Он планировал это, невзирая на то, что парфяне на самом деле были союзниками Рима. Идеи, посеянные Лукуллом, приносили свои плоды.

Красс был уже в преклонном возрасте. Он давно не руководил кампаниями, и поход на Восток был для него в новинку. Ни он сам, ни его сын Публий, который после службы с Цезарем в Галлии перешел к нему в качестве помощника, ни другие члены его штаба ничего не знали о географии Парфии. Добившись быстрых успехов в Месопотамии, он вернулся в Сирию на зиму, вместо того чтобы идти дальше и заводить, как он мог бы сделать, союзников в городах Вавилон и Селевкия, городах, всегда враждовавших с парфянами. Так и случилось, пока он был занят изучением доходов сирийских городов и взвешиванием сокровищ в храмах, парфяне, предупрежденные о его намерениях, готовились к походу

против него. О масштабах этих приготовлений были получены сведения, которые встревожили римских солдат. Они думали, что парфяне, самый воинственный народ, - это такие же прирученные люди, какими Лукулл считал армян и каппадокийцев. Серия страшных гроз показалась им предвестником катастрофы.

ПАРФЯНИН ОРОДЕС

Красс, однако, не обращал внимания на ропот своих офицеров и людей. Он не испытывал недостатка в мужестве и энергии и совершенно не осознавал грозящей ему опасности. Более того, шпионы обманули его в ложной безопасности. Таким образом, он зашел слишком далеко в страну, о которой ничего не знал. Внезапно его разведчики принесли весть о том, что на него надвигается большая армия. Очень скоро римляне настигли эту армию. Они обнаружили, что ее передовой отряд состоит из воинов, которых римляне никогда не встречали - стрелков на лошадях, причем стрелков самого смертоносного мастерства, чьи стрелы могли пробить стальной кирасы, чей прицел был точен, а стремительные движения делали почти невозможным их остановить. За очень короткое время римская армия была окружена. Красс проявил большую храбрость, но его люди не смогли противостоять превосходящим числом и ужасающим умениям парфян. С большим трудом ему удалось выволить часть своих людей, но день завершился поражением, и оставшиеся в живых находились в самом мрачном расположении духа.

На следующее утро враг снова выступил вперед с громкими криками, песнями победы и страшным шумом барабанов. А впереди их строя шел человек, державший на высоком копье голову молодого Публия Красса, сына римского полководца. Это зрелище пронзило армию ужасом. Один лишь Красс продемонстрировал величие духа. Плутарх приводит следующий рассказ о его поведении:

Карры

Красс был в таком состоянии. Он приказал своему сыну напасть на парфян, но так как прибыл гонец с известием, что там произошел большой разгром, и что врага горячо преследуют, а кроме того, он увидел, что противостоящие ему силы не так сильно наседают (ведь большая часть отошла к Публию), он несколько оживился и, сосредоточив свои силы, расположил их в сильной позиции на некоторых склонах, в надежде, что его сын скоро вернется от преследования. Однако оказалось, что первые гонцы, посланные к нему Публием, когда он понял, что ему грозит опасность, были перебиты варварами и убиты, а другие, пробившись с трудом, сообщили, что Публий погиб, если не получит сильной и

немедленной поддержки. Тогда Красс стал жертвой противоположных побуждений и уже не мог здраво смотреть на вещи, разрываясь между желанием помочь сыну и страхом рисковать безопасностью всего войска. В конце концов он решил наступать.

Тем временем враги спешили на приступ, еще более грозные, чем прежде, с воплями и криками триумфа, и литавры снова гремели в рядах римлян, ожидавших начала нового сражения. Некоторые парфяне, которые несли голову Публия, насаженную на конец копья, подъехали поближе и показали ее, нагло расспрашивая о его родителях и семье, ибо, по их словам, это чудовищно, что благородный юноша такой блестящей храбрости должен быть сыном такого труса, как Красс. Это зрелище, как никакое другое, сокрушило и сломило дух римлян, ибо они не укрепились, как должны были, решимостью защищаться, а были охвачены страхом и паникой.

Однако говорят, что Красс никогда не проявлял себя так великолепно, как во время этого бедствия. Проходя вдоль строя, он воскликнул: "Это горе касается меня, и никого другого, но только благодаря вашему успеху честь и слава Рима могут быть сохранены в неприкосновенности и непобежденными. Если ты жалеешь меня за потерю галантного сына, докажи это своей яростью против врага. Отними у них их триумф, накажи их свирепость, не падай духом от нашей потери. Великие цели никогда не осуществляются без страданий. Лукулл не без кровопролития сверг Тиграна, как и Сципион Антиоха; наши предки потеряли тысячу кораблей у берегов Сицилии, а в Италии - многих диктаторов и полководцев, но никогда эти поражения не мешали им сокрушать завоевателей. Не благодаря удаче, а благодаря стойкости и мужеству перед лицом опасности Рим поднялся на вершину своего могущества".

Плутарх, xxxix. 26.

Ошибки генералитета привели римскую армию в такое положение, когда никакое мужество не могло ее спасти. На второй день сражения было нанесено страшное поражение: не менее тридцати тысяч римлян погибли в катастрофе при Каррахе (53). Сам Красс был убит во время перепалки.

Говорят, что через несколько дней после битвы, еще до того, как весть о ней дошла до него, парфянский царь был свидетелем представления "Вакхов" Еврипида, в котором есть сцена, где один из танцоров входит с кровоточащей головой. Актер, исполнявший эту роль, нес голову Красса, которую он с криками радости бросил к ногам царя.

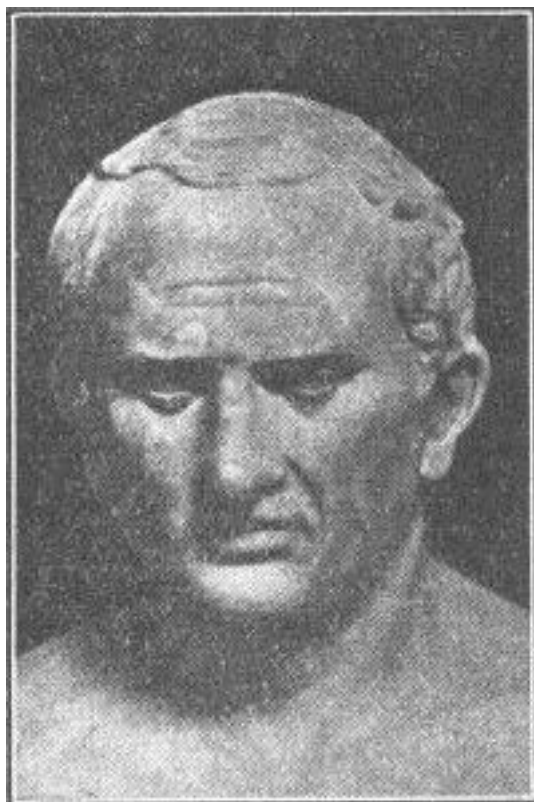
Таков был трагический конец миллионера Красса. Весть о его смерти и поражении дошла до Рима, но не вызвала там никаких волнений. Город больше интересовали уличные драки Клодия и Милона. Политики следили за нарастающим конфликтом между Цезарем и Помпеем. Красс выбыл из триумvirата. Сцена была расчищена для великой дуэли.

XII

Марк Туллий Цицерон

Ни о ком из людей его времени мы не знаем так много, как о Марке Туллии Цицероне. О его современниках мы знаем из рассказов и суждений других людей: Цицерона мы знаем по его собственным. Он был первым оратором своей эпохи, и его речи в основном касались политики и людей его времени, он защищал или нападал на людей и их действия. Цицерон не был беспристрастным, но именно из его слов складывается наше представление о Цезаре и Крассе, Помпее, Антонии, Катилине, Хлодии, Катоне, Бруте и множестве других людей. Во всей длинной галерее портретов, написанных им, ни один не является таким резким и ярким,

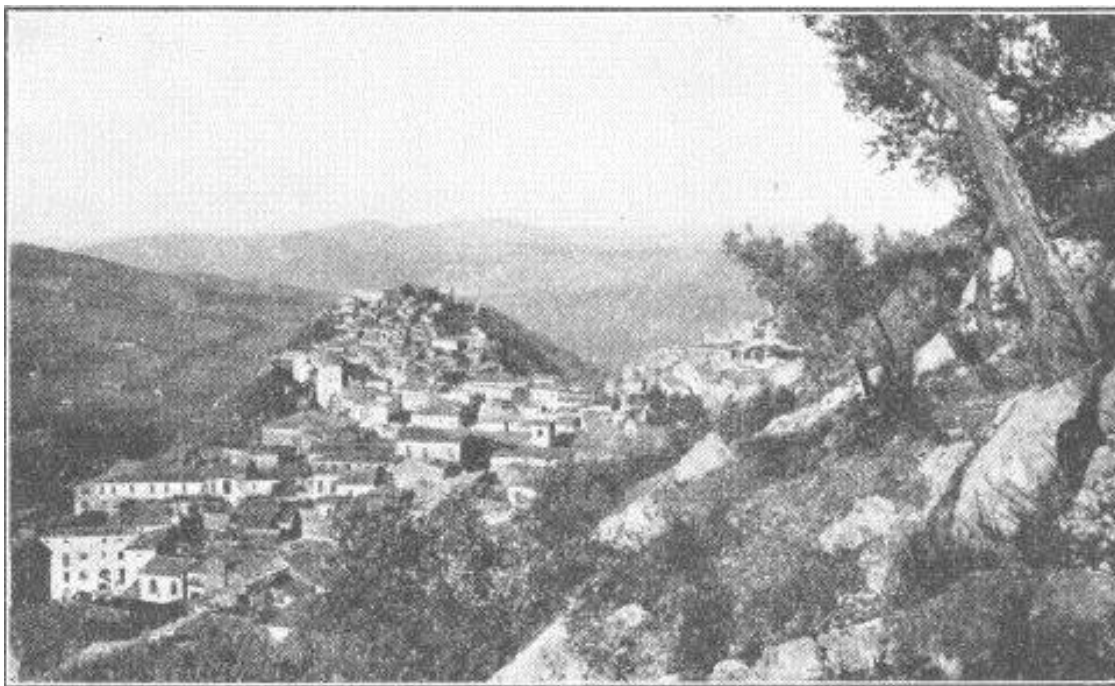
как его собственный. Она доходит до нас не только через его речи, но и через все его сочинения - а он прекрасно писал на многие философские и полуфилософские темы - и прежде всего через его письма. Эти письма адресованы в основном его близкому другу банкиру Помпонию Атику, а также другим людям, включая большинство выдающихся людей его времени, и его дочери Туллии, к которой он был преданно привязан. Они дают повседневное представление о жизни Рима, а также о человеке, который их написал. Цицерон, как и большинство людей его времени, был погружен в политику. К своему несказанному восторгу (который он снова и снова выражает с детским самодовольством), он стал консулом. Но объяснение характера, который временами забавлял, а временами приводил в ярость его современников и вызывал такую же смесь чувств у гораздо более поздних поклонников, заключается в том, что по своей сути он был художником. Он хотел, как и многие художники, быть и делать другие вещи. Он был более тщеславен своими сомнительными успехами в политике, чем великолепием ораторского искусства или красотой письма. В действиях он был робок, неуверен и совершенно неспособен справиться с великими течениями своего времени, снобист и постоянно ошибался в своих суждениях о людях, попеременно восторгался и отчаивался в своих взглядах на общественные события. Когда он берет в руки перо, он становится мастером.

ЦИЦЕРОН

Цицерон был в некотором роде типичным представителем новых людей в Риме. Он родился в Арпинуме, где его семья принадлежала к италийскому среднему классу. Его родители были достаточно обеспечены, чтобы молодой человек получил прекрасное образование, дополненное, как и у других воспитанных молодых людей того времени, посещением лекций по литературе и философии в Афинах. Смерть отца принесла ему состояние, хотя и не очень большое, но достаточное, вместе с небольшим поместьем в Арпинуме и домом в Риме.

Но Цицерон не был настроен на модную праздную жизнь. У провинциала из среднего класса было мало шансов в политике, пока действовали законы Суллы. Поэтому он обратился к судебной практике. Там он вскоре стал известным человеком, тем более что придерживался старого обычая отказываться от гонораров. Богатый брак укрепил его положение. Благодаря своей честности и способностям он пользовался уважением самых разных людей. Цицерон использовал свои дарования самым почетным образом, защищая жителей провинций, которые до его времени почти никогда не получали слушаний, от жадности некоторых римских сборщиков налогов. Делом, прославившим его имя на весь римский мир, стало судебное преследование Кая Верреса, которое он предпринял от имени жителей Сицилии. Веррес, некогда офицер в армии Мариуса, был человеком с дурным характером. Как и другие преторы, он рассматривал свое губернаторство лишь как возможность заработать деньги для себя и своих друзей; даже в Риме поговаривали, что его неправильное правление разоряет Сицилию. А Сицилия была одной из главных житниц Рима. Наибольшее волнение вызвало это дело, потому что демократическая партия взяла его на вооружение как средство дискредитации правительства; в то же время она внесла законопроект о реформе судебных органов, сделав присяжными не только сенаторов, но и, как во времена Суллы, людей, принадлежащих к ордену эквестрии. Это испугало консерваторов: они видели, что многое зависит от дела Верреса. Квинт Гортензий, самый известный адвокат своего времени, согласился защищать его.

АРПИНУМ. Место рождения Цицерона

Цицерон отправился на Сицилию, чтобы собрать доказательства. Он быстро почувствовал всеми своими чувствительными нервами напряженную атмосферу волнения, царившую вокруг этого дела. Оно должно было сделать или погубить его. Его гений с восторгом воспринял великое событие. Он понимал, как не понимали консерваторы, чувства, которые немощно будоражили разум обычного порядочного римлянина, и мог дать им голос. По мере того как собранные им доказательства разворачивались, шаг за шагом обнажалась история алчности Верреса и страданий жителей Сицилии. Возбуждение и гнев против власть имущих, которые творили и защищали подобные вещи, росли и росли. Каждый день на Форум стекалась огромная толпа, и порой ее чувства становились просто опасными. Один из

свидетелей рассказал, как распяли римского гражданина: его призыв "Civis Romanus sum - я римский гражданин" остался без внимания. При этом слушатели пришли в такую ярость, что Верреса спасло от растерзания только то, что заседание было отложено. Через четырнадцать дней обвиняемые поняли, что их дело проиграно; ни один судья не осмелился оправдать Верреса. Он бежал из города, и о нем больше никогда не слышали. Цицерон стал героем времени.

Человек, который, обращаясь к большой толпе, кажется героем, который может привести их чувства и свои собственные в бурный энтузиазм, часто оказывается слабым тростинкой, колеблемой каждым импульсом и неспособной на долгие медленные усилия, необходимые для воплощения цели в действие. Так было и с Цицероном. Когда он говорил, его увлекала собственная страсть. Тогда казалось, что он точно знает, что думает. В одиночестве, однако, он был угрюм, подвержен страшным сомнениям и депрессиям, в один день полон энтузиазма, в другой - отчаяния. Он был одновременно тщеславным и робким, неуверенным в себе и поворачивающимся то в одну, то в другую сторону от похвалы или порицания окружающих. Ему очень хотелось, чтобы им все восхищались. Его сравнительно скромное происхождение заставляло его считать любое внимание со стороны знати гораздо более лестным, чем оно было на самом деле.

Как в хорошем, так и в плохом смысле он был консерватором. Изучение истории заставило его проникнуться уважением к любому учреждению, просуществовавшему долгое время, и к людям, принадлежащим к древним родам. Он чувствовал это даже в то время, когда его сочинения и речи стали известны по всей Италии и вызывали восхищение у людей, чьи похвалы стоили того. Богачи и многие аристократы значительно уступали Цицерону по уму и характеру, и все же он жаждал и стремился попасть в "общество". Общество того времени было экстравагантным, легкомысленным, порочным и жестокосердным. Цицерон был скромным и бережливым в своих личных привычках, серьезным по складу ума, человек высоких моральных принципов и нежных домашних привязанностей. И все же ничто не радовало его больше, чем приглашение в один из домов умного общества; ничто не огорчало его больше, чем то, что его считали старомодным или принадлежащим к среднему классу по своим представлениям.

Все эти чувства заставляли его рассматривать собственное избрание на пост консула и поддержку, которую он получил в качестве кандидата от благородных консерваторов, как самое замечательное событие. Однако на самом деле консерваторы поддержали его не потому, что любили Цицерона, а потому, что ненавидели Катилина, третьего сильного кандидата, и были готовы пойти на все, чтобы не допустить его. Антоний, который был избран коллегой Цицерона, хотя и был другом Красса, считался безобидным.

Это консульство стало поворотным пунктом в жизни Цицерона. Он всегда хотел иметь хорошие отношения со всеми партиями. Теперь он был вынужден занять место на стороне консерваторов. Более того, это заставило его окончательно потерять чувство равновесия и думать о себе как о государственном деятеле, для чего он был плохо приспособлен. Он был настолько впечатлен собственной значимостью, что купил огромный дом на Палатине. Для этого ему пришлось занять деньги, и он влез в долги. Не успев стать свободным, после консульства он запутался и попал в затруднительное положение.

Подобное происходило со многими ведущими политиками и людьми всех партий, и это бесчисленное количество раз затрудняло их деятельность. Чтобы завоевать расположение народа, они тратили огромные суммы на представления, устраивали пиры и дарили подарки населению. В целом они жили дорого и показушно, не по средствам. Для этого им

приходилось занимать деньги на непомерно высоких условиях, и таким образом они оказывались во власти богачей, которые давали им займы. Цезарь в это время страшно задолжал и постоянно испытывал трудности из-за этого. Так же поступали и многочисленные модные молодые аристократы. Римские законы о долгах все еще были крайне суровы, и все они действовали против несчастного должника. Цены неуклонно росли: огромное богатство немногих делало участь многих все более тяжелой. Пока Лукулл находился на Востоке, в Риме разразился серьезный финансовый кризис, последствия которого сохранялись долгое время.

В результате такого положения вещей огромное количество людей всех сословий пришло в дикое возбуждение и энтузиазм, когда Катилина, который твердо решил стать консулом и отнюдь не был склонен сидеть сложа руки, изложил программу, главным пунктом которой было списание значительной части всех непогашенных долгов. Бедные слои населения были на его стороне в этом вопросе. Как и многие нуждающиеся аристократы, особенно среди молодых мужчин. Богатые же, особенно рыцарский класс, к которому принадлежало большинство крупных финансистов и торговых домов, были в ярости. Они были готовы бросить все свое влияние и огромную силу кошелька на сторону консерваторов, которые кричали, что программа Катилины означает революцию. С обеих сторон разгорелось самое дикое волнение и самая крайняя горечь чувств.

Катилин был человеком низкого характера, с очень плохим послужным списком, весьма безрассудным. Но он отнюдь не был лишен способностей. В его программе можно было найти что-то хорошее, если не сказать ничего хорошего о человеке, который ее предложил. Безусловно, закон о долгах нуждался в реформе. Богатые не стали спорить против этого: они впали в панику. Они видели, что народные чувства и народные голоса будут на стороне Катилины. Но у них были деньги, и они могли подкупить. Они подкупили его так эффективно, что когда дело дошло до выборов, он снова потерпел поражение.

Однако тревога собственников не утихала, как и волнение разочарованных. Во время выборов люди так громко и долго говорили о революции и гражданской войне, что начали в это верить. Цицерон уже несколько дней ходил с кюрасой под тогой. Он действительно верил, что заговоры в могилах уже в пути. Он проводил время, слушая шпионов и доносчиков. Однажды он пришел в сенат с очень длинным лицом и заявил, что "знает все". Он не представил никаких доказательств, но большинство людей были слишком взволнованы, чтобы требовать доказательств. Достаточно было слова "заговор". В городе было объявлено осадное положение.

Вскоре после этого пришло известие, что один из последователей Катилина действительно собрал несколько солдат в Этрурии. Катилин, однако, все еще находился в Риме. Он присутствовал на заседании сената. На своей скамье он сидел в одиночестве, сторонясь всех остальных сенаторов, которые громко аплодировали, пока Цицерон громил его. Наконец Катилина, не в силах больше терпеть, встал, вышел из здания сената и покинул Рим. Цицерон не решился арестовать его. Против него еще не было веских доказательств. Через несколько дней доказательства появились. Сторонники Катилина в Риме потеряли голову без него. Они были настолько глупы, что спросили послов аллоброгов - племени галлов, находившихся тогда в городе с петицией к сенату, - пошлет ли их народ солдат на помощь восстанию.

Теперь Цицерону казалось, что катилинарии у него в руках. Они были готовы, некоторые из них, привести галлов в Италию! Этого было достаточно. Вспыхнули бурные чувства. Поговаривали, что в этом замешаны самые разные видные люди, включая Цезаря. Катилину

удалось бежать, но все его близкие соратники были арестованы и преданы суду сената. Цицерон торопил события. Он был в ужасе от диких страстей, охвативших все классы, - сенаторов не меньше, чем воюющих толп на улице. После двухдневных дебатов вопрос о том, что следует сделать с заговорщиками, был поставлен на голосование. Первый сенатор проголосовал за смерть. Все последующие голосовали за смерть, пока дело не дошло до Цезаря. Цезарь знал о ходивших слухах и о том, что он рискует своим положением лидера партии, к которой принадлежал Катилина. Тем не менее он с большим мужеством проголосовал против смертной казни. Каждый римский гражданин, убеждал он, имеет право обратиться к своим товарищам. Предавать людей смерти без суда и следствия было незаконно. Однако Катон привел весомые аргументы с другой стороны. Смерть была приговорена. Когда Цезарь покидал зал заседаний Сената, группа рыцарей угрожала ему мечами.

На следующий день Цицерон, сопровождаемый торжественной процессией сенаторов, наблюдал за исполнением казни. Цезаря в процессии не было. Огромная толпа провожала Цицерона до его дома. Они заявляли, а он гордо верил, что спас страну. Плутарх так описывает

День триумфа Цицерона

Цицерон прошел через Форум и, дойдя до тюрьмы, передал Лентула офицеру с приказом предать его смерти; затем он привел Цетегуса и остальных отдельно для казни. И когда он увидел, что многие из заговорщиков все еще стоят вместе на Форуме, не зная о случившемся и ожидая темноты в надежде, что люди живы и могут спастись, он громко крикнул им: "Они жили!" Так римляне обозначают смерть, если хотят избежать слов, предвещающих дурное предзнаменование.

Уже наступил вечер, когда он вернулся через Форум в свой дом на Палатине, уже не сопровождаемый горожанами молча и даже сдержанно, а встречаемый повсюду криками и хлопаньем в ладоши, и приветствуемый как спаситель и основатель своей страны. Улицы сияли от блеска факелов и светильников, расставленных у дверей, а женщины зажигали огни на крышах, чтобы видеть героя и воздать ему почести, когда он величественно шествовал в сопровождении самых благородных людей Рима; Большинство из них вели великие войны, входили в город в триумфальных процессиях и присоединяли к империи целые участки моря и суши, и теперь, когда они шли, они соглашались, что римский народ был обязан многим полководцам и генералам своего времени богатством, добычей и властью, но только Цицерону - безопасностью и жизнью, потому что он избавил его от столь огромной и страшной опасности. Ибо не то было удивительно, что он подавил заговор и наказал заговорщиков, а то, что он подавил самый серьезный мятеж, который когда-либо был известен, с очень малыми страданиями и без внутренних распрей и беспорядков".

Плутарх, lvii. 22. §§ 2-5.

Обстоятельства изгнания и возвращения Цицерона описаны Плутархом в отрывках, которые дают живое представление о жизни того времени:

Цицерон, убедившись, что должен отправиться в изгнание или оставить вопрос на решение вооруженного конфликта с Хлодием, решил обратиться за помощью к Помпею; но тот намеренно уехал и сейчас находился на своей вилле на Альбанских холмах. Поэтому Цицерон сначала послал Пизона, своего зятя, с призывом, а затем отправился сам. Узнав о его приезде, Помпеи не стал дожидаться встречи с ним (ведь ему было ужасно стыдно предстать перед человеком, который вел тяжелую борьбу за его интересы и часто определял

свою политику в угоду ему), но по просьбе Цезаря, на дочери которого он женился, он отказался от этих устаревших услуг и, выскользнув через черный ход, сумел избежать беседы.

Преданный Помпеем и оставшийся без поддержки, Цицерон отдал себя в руки консулов. Габиний был суров и неумолим, но Пизон говорил с ним более мягко, предлагая отступить и дать Хлодию возможность пережить перемену времен и вновь стать спасителем своей страны, которую его враг наполнил раздорами и страданиями. После этого ответа Цицерон посоветовался со своими друзьями, и Лукулл убеждал его остаться, уверяя, что он одержит победу, а другие советовали ему отправиться в изгнание, ибо народ почувствует его потерю, когда ему надоеет безумное безрассудство Клодия. Он принял этот совет и, взяв в Капитолии образ Минервы, который долгое время хранился в его доме, посвятил его надписи "Минерве, хранительнице Рима". Затем, взяв эскорт из своих друзей, он тайно покинул город ночью и отправился по суше через Луканию, желая достичь Сицилии.

31. §§ 2-5.

На самом деле непосредственная опасность со стороны Катилина была преувеличена. Люди убедились в этом уже через несколько месяцев. Катилин собрал несколько сотен человек и был убит в бою. Настоящая опасность заключалась не в нем, а в экономическом и политическом состоянии Рима и Италии. Ее причинами были бесхозяйственность, коррупция и слабость правительства, выставляемая напоказ вульгарность и нажива богачей, нищета бедняков. Цицерон ничего не сделал для борьбы с этими бедствиями: у него не было никакого плана; он едва ли осознавал, что они существуют. Люди называли его "отцом своей страны". Тот великий день всегда был в его памяти. При мысли о нем его тщеславие раздувалось и раздувалось, пока год его консульства не стал казаться ему величайшим в летописи Рима. Он надоел всем, беспрестанно говоря о нем по любому поводу. Он мечтал об этом и не замечал, как вокруг поднимается темная волна. Он беспомощно наблюдал за растущей властью Помпея, Красса и Цезаря и не понимал, к чему идет Рим. Цезарь всегда был дружелюбен и милостив к нему, ибо обладал умом, способным оценить гений Цицерона как писателя: но Цицерон не доверял Цезарю.

Тем временем он нажил себе смертельного врага в лице Клодия, который, играя на беспорядках, делал себя все более опасным в Риме. Клодия обвинили в святотатстве. Он защищался, утверждая, что в тот день, когда он, как говорят, присутствовал в женской одежде на женском празднике в доме жены Цезаря, его на самом деле не было в городе. Цицерон поклялся, что видел его. Благодаря подкупу Клодий был оправдан. Он так и не простил Цицерона. Вскоре после этого, в первый год триумvirата (59), он добился его изгнания из города на год.

После поездки в Грецию Цицерон удалился на свою виллу в Тускулуме. Было бы лучше, если бы он поселился там и посвятил себя писательству, в котором он был непревзойденным мастером. Но после шестнадцати месяцев пребывания в стране он вернулся в Рим.

Возвращение

Говорят, что народ никогда не принимал меры с таким единодушием, а сенат превзошел его, предложив объявить благодарность городам, оказавшим помощь Цицерону в изгнании, и восстановить за государственный счет его дом с виллой и постройками, которые разрушил Клодий. Так Цицерон вернулся на шестнадцатом месяце после изгнания, и так велико было

ликование в городах и всеобщее воодушевление при его встрече, что он погрешил против истины, заявив впоследствии, что его привезли в Рим на плечах Италии. Красс, который до изгнания был его врагом, тоже с радостью встретил его и сделал предложения о примирении, сказав, что сделал это, чтобы порадовать своего сына Публия, который был поклонником Цицерона.

33. §§ 4-5.

Когда Клодий был убит на улице Милоном, Цицерон взял на себя защиту последнего в очень известной речи, которая до сих пор хранится у нас. Милон, однако, был осужден. В провинции Киликия, куда он вскоре после этого был назначен губернатором, Цицерон показал себя честным и добросовестным администратором. Однако, когда он вернулся в Рим, его поведение показало беспомощную слабость. Между Помпеем и Цезарем он долго не знал, что выбрать. Оба казались ему в какой-то мере неправильными. В письмах к одному из своих друзей он писал: "К кому мне обратиться? У Помпея более почетное дело, но Цезарь управляет своими делами с наибольшей осмотрительностью и способен спасти себя и своих друзей. Короче говоря, я знаю, кого избегать, но не знаю, кого искать". В конце концов, посчитав, что Цезарь не сумел отнестись к нему с должным почтением и вежливостью, он присоединился к Помпею в Диррахии.

Там, однако, он сделал себя очень непопулярным, критикуя все сделанное или оставленное без внимания. В битве при Фарсалии он участия не принимал, так как был слаб здоровьем: после нее, вместо того чтобы присоединиться к Катону, который вел войну в Африке, он отплыл в Брундизий. Когда Цезарь вернулся из Египта, он отправился к нему. Цезарь встретил его с величайшей добротой и уважением. Цицерон, однако, вскоре удалился в Тускулум, где занялся писательством. Однако его личные дела не давали ему покоя. Он развелся со своей женой Теренцией и женился на богатой молодой женщине, чье состояние позволило погасить некоторые из его долгов. Но его дни были омрачены тяжелым горем: умерла его любимая дочь Туллия.

После убийства Цезаря Октавий относился к нему милостиво. Однако Марк Антоний, разделивший с Октавием власть в государстве, был ненавистен Цицерону, который делал все возможное, чтобы усилить растущие разногласия между ними. Против Антония он написал серию самых ядовитых речей, которые называл филиппиками в подражание речам Демосфена против Филиппа Македонского. Однако этим он проложил путь к собственной гибели. Антоний и Октавий уладили свои ссоры, образовали Второй триумвират с Лепидом и провели ужасную проскрипцию. Цицерон был одним из имен в списке Антония, попав туда в основном по желанию его жены Фульвии, которая ненавидела человека, злословившего о ее муже. Цицерон был убит на собственной вилле в возрасте шестидесяти четырех лет, а его голова установлена в Риме над трибуной, с которой он так часто произносил страстные речи.

XIII

Кай Юлий Цезарь

До тех пор, пока существует мир, люди будут обсуждать, не приходя к единому мнению, вопрос: "Что такое величие? Кто-то даст один ответ, кто-то другой. Есть и те, кто считает, что великим следует называть человека, который не является также и хорошим. Так, один французский историк сказал, что Наполеон был настолько велик, насколько может быть велик человек без добродетели. Однако даже здесь есть место для разногласий и дискуссий. Что подразумевается под добродетелью? Тот ли хороший человек, который творит добро, делает людей лучше и счастливее, или тот, кто хорош сам по себе, кто всегда

старается поставить благополучие других выше своего собственного, независимо от того, удастся ему это или нет? Если верно первое, то поэты, художники и скульпторы должны занимать самое высокое место в ряду доброты и величия. Если второе, то большинство действительно хороших людей забыты, поскольку они пытались и потерпели неудачу. Является ли успех критерием? Это единственная проверка, которую принимает история. Люди, которые предстают перед нами как великие в истории прошлого, - это те, кто оставил какой-то след, добрый или злой, в своем времени. Остальные забыты. О большинстве великих и малых людей прошлого мы знаем не то, кем они были, а то, что они сделали. Мы знаем, что они сделали. Мы можем только догадываться, почему они это сделали. Часто случается так, что хорошие люди - добрые, ласковые и бескорыстные - причиняют вред другим, сами того не зная: плохие люди делают добро.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

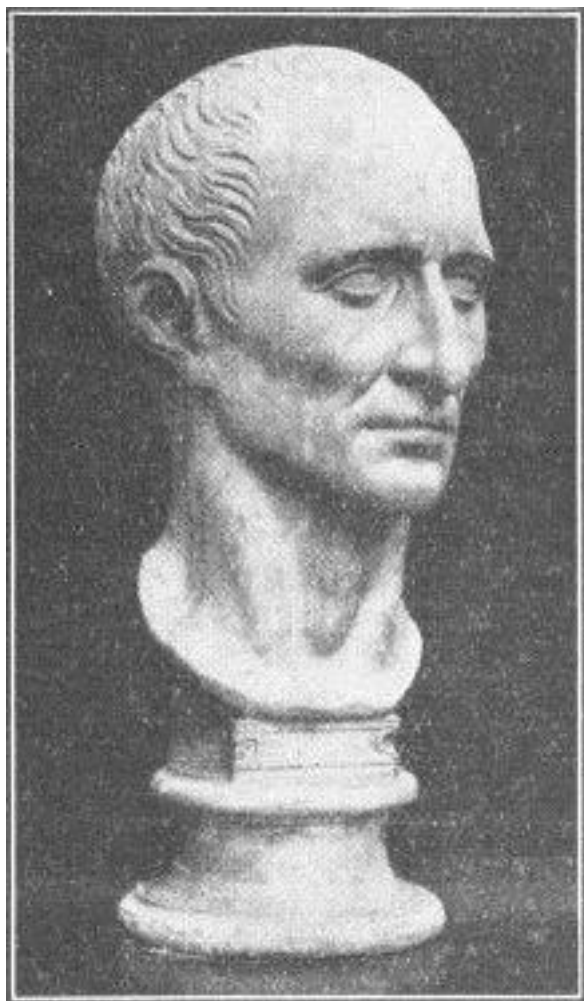
Британский музей. Mus_gem

Все эти и многие другие головоломные вопросы задает нам герой Кая Юлия Цезаря. Он озадачил людей, живших в его время, и с тех пор продолжает озадачивать историков. Брут, который любил его, в конце концов убил его, потому что считал, что он приносит больше вреда, чем пользы. Марк Антоний, который также любил его, до конца считал его самым благородным человеком из всех, кто когда-либо жил. Один великий историк считает его одним из немногих по-настоящему мудрых и дальновидных государственных деятелей в мировой истории; человеком, который с необыкновенным гением увидел, что нужно миру, и с необыкновенной волей осуществил это. Другой видит в нем не более чем умного, эгоистичного и амбициозного временщика: человека без твердых идей и принципов, единственной целью которого была власть. Оба признают его гений: но там, где один видит

его неуклонное направление к великим целям, другой не видит в его характере ничего, кроме решимости добиться успеха.

Речи Цезаря (а он был великим оратором) утеряны. У нас есть два тома его сочинений: его рассказ о завоевании и заселении Галлии и его рассказ о гражданской войне. Эти два тома *"Комментариев"* написаны так великолепно, в таком чистом, твердом и ясном стиле, с таким мастерством повествования и порядка, что их автор занял бы высокое место среди римских писателей, если бы не отличался ничем другим. Только выдающийся человек мог написать рассказ о своих собственных делах именно в таком стиле. Ведь здесь нет ни слова комментария: все, как говорит сам Цезарь, голо, просто и ясно, с отброшенными украшениями. Язык прост, точен, лаконичен. Каждое слово говорит. Ни одного слова не бывает слишком много. Сухость, с которой излагаются удивительные подвиги полководцев, выносливость, мужество, только делает их, в конечном счете, более впечатляющими. Эти книги не мог написать простой болтун, не сдвинутый в ту или иную сторону по воле случая и под влиянием мнения окружающих. Это записи того, кто мог и видеть, и действовать.

В той мере, в какой мы можем судить о человеке по его лицу, бюсты рассказывают ту же историю. Они показывают нам Цезаря в среднем возрасте, когда он решительно настроен на серьезные цели, а праздные порывы молодости остались позади. Сила мысли, сила действия - таковы характеристики привычного бюста. Однако Цезарь, если верить рассказам о нем, сохранил до конца жизни редкое личное обаяние и всегда обладал быстрой, страстной отзывчивостью художника. В его сознании было место для самых разных вещей, помимо того, чтобы заставлять людей делать то, что он хотел. Означает ли почти трагическое благородство скульптурного лица, которое в этом отношении напоминает лицо Наполеона, что Цезарем руководило нечто более высокое, чем личное честолюбие, желание выгравировать свою волю на вещах жизни, сказать невозможно. Он творил историю; в этом смысле он был человеком судьбы, но знал ли он, что делает? Заботился ли он о благе, выходящем за рамки его собственного?

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Британский бюст. Mus. bust

Первый известный нам случай с Цезарем весьма характерен. Помпеи во время проскрипций по приказу Суллы отдал свою жену замуж. Цезарь, немного моложе его, как и он, восходящий молодой солдат, происходил из одной из самых прославленных патрицианских семей. Но его дядя женился на сестре Мариуса. Мало того, что он был племянником Мария, он был связан с побежденной партией в революции своим браком с Корнелией, дочерью Цинны. Сулла приказал ему развестись с ней. Цезарь отказался. Он очень любил свою жену. Ни тогда (он едва вышел из подросткового возраста), ни в любое другое время он не был готов выполнять чужие приказы. Поэтому его имущество и приданое молодой жены были конфискованы. Его собственная жизнь оказалась в опасности, и он был вынужден покинуть Рим. Но его воля не покорилась. Сулла понял, из какого материала был сделан Цезарь, молодой и неизвестный. "В этом юноше, - сказал он, - много Мариев".

Однако в то время и долгое время после этого большинство людей не замечали этого. В то время как Помпей, баловень судьбы, отпраздновал триумф и, несмотря на свою молодость, был ведущим человеком в Риме, на него все смотрели, а сенат скорее боялся, он был богат, процветающ и важен, Цезарь был беден и совсем неизвестен, привязан своим родством с Марием и Цинной к разбитой фракции и дискредитировавшей себя партии. И все же Сулла был прав. Цезарь обладал таким гением, терпением и силой воли, какими никогда не обладал Марий. О его военных талантах никто, даже сам Цезарь, не подозревал до поры до

времени. Его восхождение было медленным и трудным. До союза с Крассом ему постоянно мешали бедность и долги, как на деле, так и во мнении Рима.

После бегства из Рима (81 г.) Цезарь отправился за границу, сначала на греческие острова, где провел свою первую кампанию, а затем в Вифинию; он также собрал экспедиционный отряд против родосских пиратов. После смерти Суллы он вернулся в Рим. Благодаря своему красноречию он вскоре занял место в Народной партии. Однако никто не считал его серьезным соперником Помпея, который в это время склонялся к народной партии. Огромные долги, ставшие бременем для Цезаря, были сделаны в основном во время пребывания Помпея на Востоке. Он осуществлял великолепные строительные планы и устраивал великолепные игры для народа - таков был путь к популярности. Однако в его голове рождались более широкие планы: планы Гракха.

Большой трудностью на пути Цезаря, помимо его собственных долгов, был характер Народной партии. Для большинства консерваторов и состоятельных людей она не представляла ничего, кроме беспорядка и отсутствия безопасности, а революция была на втором плане. Консерваторы не понимали, что своим противодействием переменам, стремлением удержать всю власть в руках своих порядков, страхом, недоверием и ревностью к людям с настоящими способностями они способствуют возникновению всего того, чего они боялись. Они загоняли молодых способных людей в Народную партию, а Народная партия для них всегда была партией Мариуса и Цинны. В ней было слишком много людей с низким характером и безрассудным образом жизни; таких, как Катилина и его друг Цетегус, как Клодий и Милон. Чем яснее Цезарь обозначался как лидер этой партии, тем больше консерваторы его боялись и ненавидели. Не без оснований он часто думал, что его жизнь в опасности. Всегда существовала вероятность того, что могут вспыхнуть беспорядки. Если они произойдут, ответственность за них будет возложена на Народную партию, а он пострадает за них. Его долги усиливали эту опасность. Они делали его одновременно безрассудным и бессильным.

Однако популярность Цезаря в Риме была настоящей. В то время, когда трудности навалились на него самым тяжелым образом, он выставил свою кандидатуру на выборах, против некоторых из самых почетных и важных сенаторов, в качестве Pontifex Maximus, главы государственной религии. Ему было под сорок; этот пост обычно занимал пожилой человек; его религиозные взгляды были известны как чрезвычайно "продвинутые". Кроме того, многие шептались, что он был посвящен в заговор Катилина, поскольку Катилин был членом его партии. Один из других кандидатов предложил оплатить его долги, если он уйдет в отставку. Уйти в отставку было не в духе Цезаря, и он расценил это предложение как оскорбление. Выходя из дома в день выборов, он сказал матери, которой был предан, что вернется понтификом или изгнанником. Он был избран.

Такое же непоколебимое мужество Цезарь проявил во время заговора катилинариев. Весь механизм суда над заговорщиками противоречил закону; сенат не был надлежащим судом, который мог бы приговаривать людей к смерти. Цезарь знал, что многие подозревают его в причастности к заговору и что многие будут только рады, если по какой-либо причине увидят его на скамье подсудимых. И все же он был единственным человеком, который осмелился указать на незаконность и несправедливость происходящего и проголосовать против смертного приговора. В то время жизнь Цезаря была под угрозой; но потом, когда волнение улеглось и люди смогли более спокойно рассмотреть дело, они увидели, что он был прав; что

он сохранил чувство справедливости, когда паника заставила других сенаторов полностью утратить его.

Вскоре после этого Цезарь стал наместником Испании (61-60 гг.). Но его кредиторы были настолько настойчивы, что он фактически не смог бы приступить к работе, если бы не договорился с Крассом. Красс уладил самые срочные из его долгов, и он отправился в путь. В это время о нем рассказывают две истории, которые свидетельствуют о его уме. Пересекая Альпы, он наткнулся на городок, настолько маленький, что один из его друзей заметил ему, что в таком крошечном месте не может быть такой борьбы за место и власть, как в Риме, не может быть ничего, что стоило бы иметь или быть. Цезарь, однако, ответил: "Уверяю вас, мне лучше быть первым человеком здесь, чем вторым в Риме". В Испании он проводил свой досуг за чтением. Среди прочих книг он изучил "Жизнь Александра Македонского".

Последователи Помпея, только что вернувшиеся с Востока, не стеснялись сравнивать его с Александром. Цезарь был настолько тронут прочитанным, что долго сидел в задумчивости и наконец, к удивлению своих спутников, разрыдался. Они не могли понять причину, пока он не сказал: "Не кажется ли вам, что у меня достаточно поводов для беспокойства, когда Александр в моем возрасте правил столькими завоеванными странами, а у меня нет ни одного славного достижения, которым я мог бы похвастаться?"

В управлении Испанией Цезарь проявил твердость, энергию и мудрость. Он совершил успешные походы в отдаленные части полуострова и привел всю страну в такой порядок, что обогатил и ее, и Римское государство, и себя, и своих солдат. Все время, пока он находился в Испании, его ум был занят работой. Издалека он ясно видел смысл событий в Риме и строил собственные планы.

Как только он вернулся, то сразу же приступил к работе по достижению того соглашения между ним, Крассом и Помпеем, которое впоследствии (в то время это были частные узы) стало известно как Первый триумвират (60). Добиться этого было отнюдь не просто. Помпеи были ревнивы и склонны скакать верхом. Красс, хотя и был привязан к Цезарю, ненавидел Помпея. Но Цезарь убедил их обоих. Мир мог видеть, как обстоят дела, когда он прошел между ними к месту выборов консула.

Во время своего консульства (59 г.) Цезарь, несмотря на слабое сопротивление своего коллеги, провел большую программу реформ. Кроме того, он добился принятия декрета о назначении его губернатором и военным командиром Галлии на пять лет. В Трансальпийской Галлии, по слухам, происходили очень опасные движения среди племен. Сенат не жалел, что решил убрать Цезаря с дороги в опасное место: он сам хотел завоевать славу, равную славе Помпея, и командовать преданной ему армией. В Галлии он намеревался найти и то, и другое. И он нашел.

Плутарх, написавший жизни многих выдающихся римлян, не был поклонником Цезаря. Его герой - Помпей. Однако Плутарх говорит, что кампании Цезаря в Галлии (58-51 гг.) показывают, что он "ничуть не уступал величайшим и самым восхитительным полководцам, которых когда-либо производил мир". В Галлии, - говорит он, - мы начинаем новую жизнь и должны следовать за ним по совершенно другому пути". За девять лет, проведенных там, Цезарь проявил удивительный солдатский гений и завоевал абсолютную преданность своих людей. Но то, что он сделал в полевых условиях, превзошло государственную мудрость, проявленную им при обустройстве страны и разработке плана ее управления.

В Галлии великие идеи Цезаря нашли свое воплощение, но родились они не в Галлии. Если Цезарь, работающий в Галлии, кажется другим человеком, чем Цезарь, играющий в политику в Риме, причина не в том, что он внезапно изменился, а в том, что представление о

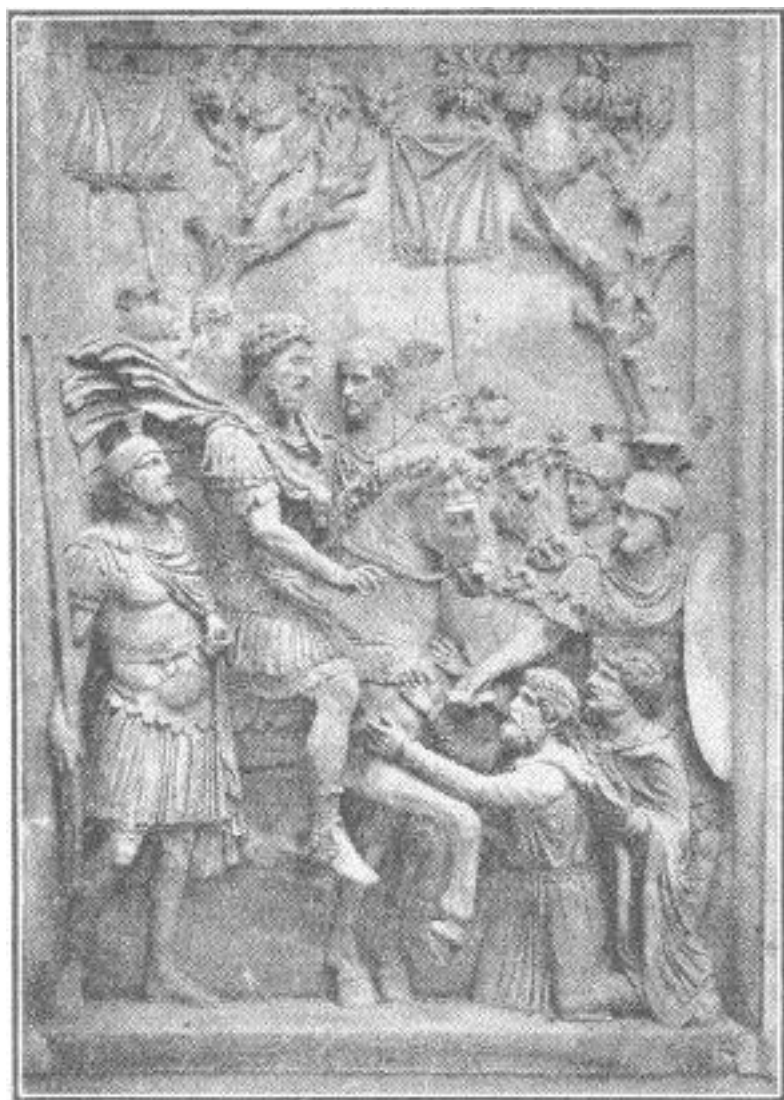
нем в Риме основано на рассказах его врагов, людей, которые боялись и не любили его, не понимая его. Они нарисовали картину дикого, экстравагантного и рассеянного молодого человека. Цезарь был таким, но за ним скрывался ум, более мощный, более сильная личность, чем у любого из его современников: ум и личность, которые заметил старый Сулла. Находясь в Риме, Цезарь непрерывно работал, даже притворяясь бездельником. Он был одним из самых занятых людей в городе, хотя некоторая его занятость носила глупый характер. В Галлии его огромная энергия была направлена на созидательную работу. Его здоровье, и без того хрупкое - он страдал эпилепсией или так называемой "болезнью падения" и сильными головными болями и никогда не становился необычайно крепким, - было укреплено тяготами военной жизни, долгими походами, облучением и спартанской пищей. А его энергия, всегда необыкновенная, казалось, росла от того, чем он питался. Он никогда не отдыхал. В походах верхом на лошади он держал при себе секретарей, которые писали под его диктовку письма, приказы, меморандумы, законопроекты и его собственную историю. Он сократил часы сна до минимума и постоянно разделял, подобно Ганнибалу, все трудности своих людей. Они обожали его не только из-за этого и потому, что он никогда не забывал, что они такие же люди, как и он сам, но и из-за чего-то магнетического в его личности, того обаяния, которое труднее всего описать или определить. Цезарь заставлял своих людей верить в него: доверять ему, когда он просил их сделать то, что казалось невозможным: противостоять самым ужасным шансам и самым суровым испытаниям в полной вере в него. Они верили, как и он, в свою звезду. Но их преданность была обусловлена не только его гением. Она была дана ему как человеку, благодаря его обаянию.

Девять лет Цезарь находился в Галлии. Девять лет Рим не видел его, хотя зимы он проводил в Равенне и Лукке, и все это время не терял связи с тем, что происходило в столице, и не терял влияния на тамошних людей. Он оставил одного или двух верных друзей, среди которых были Марк Антоний и Курио, заботиться о его интересах. Но все его мысли и энергия были посвящены работе в Галлии. Это была великая работа. Цезарь не только сражался в битвах и завоевывал территории, как это делали Помпеи и Лукулл на Востоке. Он сделал то, что они даже не пытались сделать: он романизировал страну. Понимая с редкой быстротой и сочувствием характер людей, с которыми ему приходилось иметь дело, он не пытался изменить их укоренившиеся привычки. Но он начал работу, заверленную при Империи, по распространению римского права и порядка, монет и способов торговли, одним словом, римской цивилизации, по всей Центральной Европе. На всем этом остался отпечаток Цезаря. После его ухода в разных частях страны начались волнения. То, что римляне называли Галлией, было обширным регионом, населенным многочисленными племенами, которые ненавидели и воевали друг с другом, так и не научившись жить в мире бок о бок. Когда Цезарь принял командование, дикие орды севера были готовы обрушиться на Рим, как это было во времена Бренны и позже, когда Марий разгромил их при Верцеллах и Раудинских полях. В результате действий Цезаря они были сдержаны более чем на четыреста лет. А поскольку Цезарь был не только солдатом, но и государственным деятелем, его дело так и не было до конца завершено: печать его гения и Рима раз и навсегда легла на Северо-Западную Европу.

Как солдат Цезарь входит в число величайших воинов мира. Когда он впервые отправился в Галлию, его армия была невелика - всего четыре легиона. Остальную часть армии он создал сам, набирая и обучая ее на месте. Со своими небольшими силами ему пришлось встретиться не с восточными людьми, которых страх гнал в бой, а с крепкими и яростно воинственными мужчинами, для которых сражения были естественной страстью. Среди галльских вождей тоже были вожди с большими военными дарованиями - Ариовист, вождь тевтонов, и Верцингеторикс из Арвернов.

Некоторое представление о средствах, с помощью которых Цезарь воодушевлял и вдохновлял своих людей и сдерживал опасность неповиновения в своих рядах, которая возрастала в те моменты, когда им приходилось сражаться с гораздо более многочисленными войсками, дает один из отрывков его собственного рассказа. Она начинается с речи, которую он произнес перед своими людьми.

Как Цезарь справлялся с угрозами неповиновения, вызванными страхом встречи с германцами

ПОДЧИНЕНИЕ ПЛЕМЕН

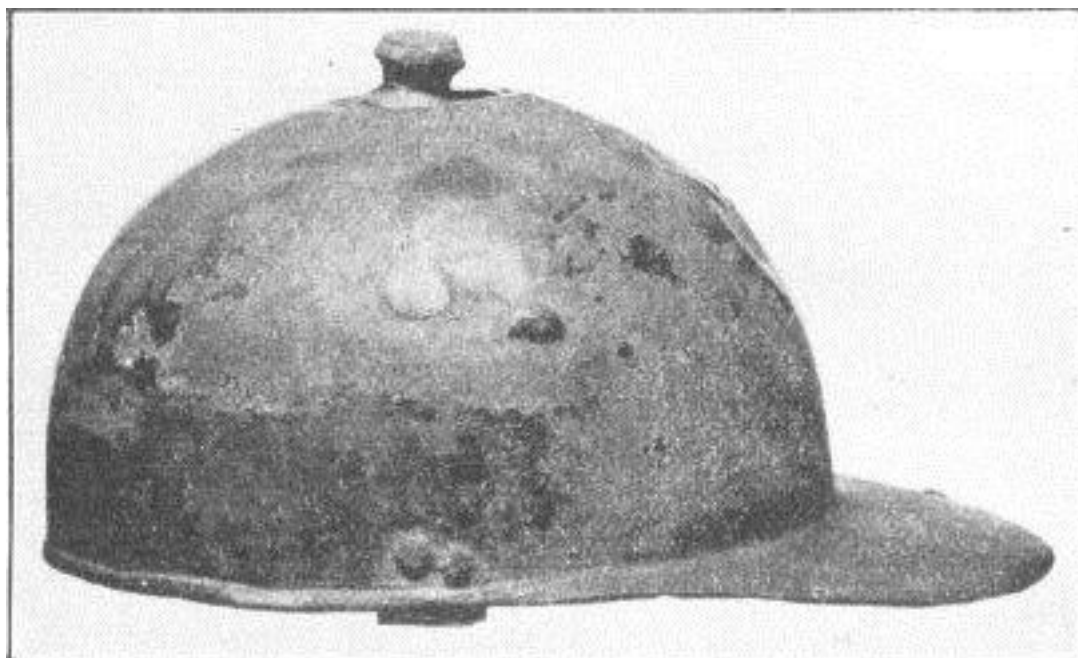
из облегчения положения Империи

Если кого-то из вас встревожит поражение и бегство галлов, то, поинтересовавшись, вы поймете, что они были измотаны длительностью войны, и что Ариовист, который в течение многих месяцев стоял лагерем за укрытием болот и не давал возможности вступить с ним в бой, внезапно обрушился на них, когда они были рассеяны без всякой мысли о сражении, и победил их скорее хитростью, чем доблестью. Такая политика вполне может быть успешной

против необученных варваров, но даже Ариовист не ожидает, что римская армия может попасть в ловушку. Если же кто-то маскирует свои опасения притворной тревогой о припасах или мнимыми трудностями на пути, то он поступает самонадеянно, ибо, как кажется, либо он не уверен в том, что полководец выполнит свой долг, либо диктует ему, в чем этот долг заключается. Эти вопросы я решаю сам; кукурузу поставляют Секвани, Леучи и Лингоны, и урожай уже созрел. Что касается трудностей маршрута, то скоро у вас будет возможность оценить их. Когда мне говорят, что солдаты ослушаются меня и откажутся выступить в поход, я нисколько не беспокоюсь, ибо знаю, что если армия не подчинилась, то либо ее командир потерпел поражение из-за некомпетентности, либо какой-то явный поступок уличил его в вымогательстве; но весь ход моей жизни свидетельствует о моей честности, а мой успех доказан походом против гельветов. Поэтому я сразу же сделаю то, что намеревался сделать позже, и выступлю в поход сегодня ночью в четвертом часу, чтобы без промедления узнать, сильнее ли ваши опасения, чем требования чести и долга. Если никто не последует за мной, я отправлюсь с десятым легионом, чья преданность не вызывает сомнений, и я намерен сделать его своим телохранителем". К этому легиону Цезарь проявлял особую благосклонность и абсолютно верил в его доблесть.

Эта речь произвела на всех необычайное впечатление и вызвала огромный энтузиазм и стремление идти вперед. Десятый легион подал пример, поблагодарив Цезаря через своих трибунов за щедрое доверие и заявив, что готов к бою во что бы то ни стало. Затем остальные легионы поручили своим трибунам и главным центурионам извиниться перед Цезарем: они никогда не колебались и не боялись, и им не приходило в голову вмешиваться в управление операциями своего полководца. Цезарь принял их извинения и выступил в четвертый час, как и предупреждал их.

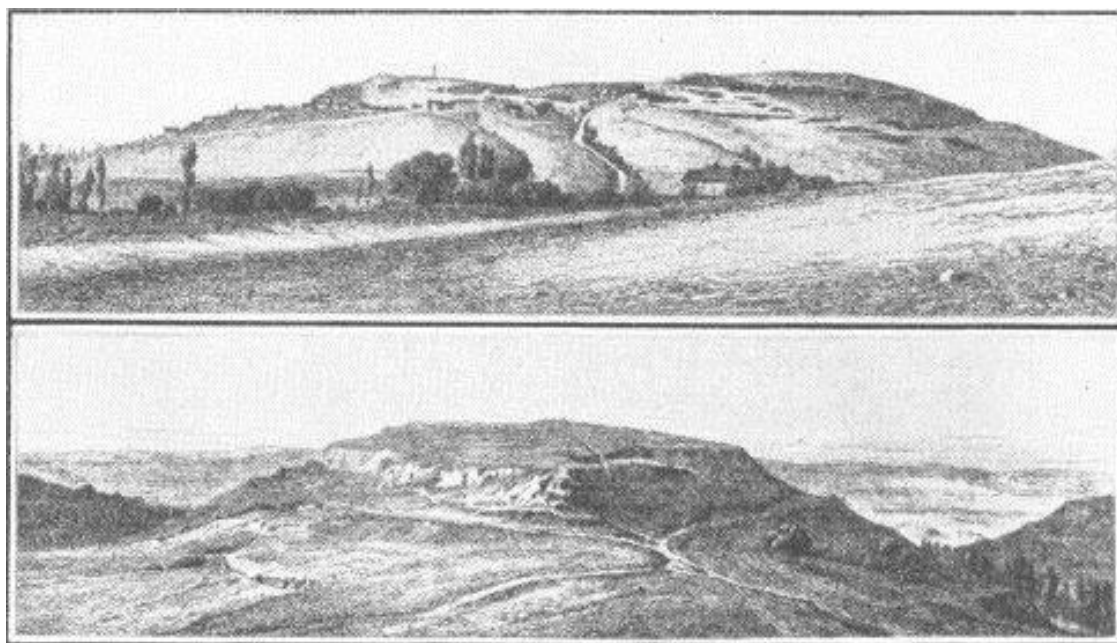
Цезарь, *De Bello Gallico*, i. 40. 8-41. 4.

ШЛЕМ РИМСКОГО ЛЕГИОНЕРА
найденный в Британии

Был момент, когда казалось, что все труды Цезаря будут сметены. Часть 54 года он провел в Британии. Пока он был в отъезде, были разработаны планы великого восстания. Вскоре

после его возвращения вся Галлия поднялась на дыбы. Первое восстание было подавлено. В 52 году произошло другое, более серьезное движение, во главе которого встал Верцингеторикс. Опасность была велика как никогда. Она была тем серьезнее, что Цезарь знал, что в Риме против него действуют его враги. Опасность была настолько велика, что офицеры Цезаря впали в отчаяние и умоляли его отступить в безопасное место, пока не подоспеет подкрепление. Но ожидание подкреплений привело бы не к улучшению, а к ухудшению ситуации. Восстание набирало силу. Не было никакой уверенности в том, что Помпей, который теперь был заодно с консерваторами, пришлет ему новые войска. Помпею было бы приятно видеть поражение своего соперника. Цезарь не собирался доставлять ему такого удовольствия. А отступать перед лицом опасности Цезарь никогда не умел. Он всегда шел навстречу. Так и сейчас. Он нанес удар в самое сердце вражеской позиции. Взятие Цезарем Алезии, оплота Верцингеторикса, и разгром второй большой галльской армии, закрывшей его во время блокады города, - одни из величайших подвигов в истории войны. Шансы были велики против него. Его армия находилась в таком положении, из которого ее не могла спасти ни удача, ни самое блестящее полководческое искусство. Цезарь не только спас ее: он полностью разгромил врага. Верцингеторикс капитулировал. Восстание рухнуло. К концу следующего года Галлия снова лежала под ногами Цезаря. Он смог обратить свои взоры и мысли к Риму (50).

АЛЕЗИЙСКИЕ ВЫСОТЫ
Оплот Верцингеторикса

Он не хотел ссориться с Помпеем. Он действительно с самого начала сделал все возможное, чтобы предотвратить такую ссору. Но он видел, что старый порядок вещей в Риме рушится. Если Помпей и он не могли править вместе, то кто-то из них должен был править один. За годы своего отсутствия Помпей все больше и больше переходил на точку зрения консерваторов. Его ревность к Цезарю росла. Долгое противостояние завершилось, когда время пребывания Цезаря в Галлии подошло к концу.

МАРК АНТОНИЙ

с монеты

Цезарь из зимних покоев в Равенне заявил, что готов распустить армию и вернуться в Рим в качестве частного лица, как только Помпеи демобилизуют свои войска. На самом деле у Помпея было больше вооруженных людей, чем у Цезаря, включая два легиона, которые Цезарь одолжил и отослал ему. В сенате Курио предложил, чтобы оба генерала сложили с себя командование. На это было получено согласие. Помпеус отказался. Через несколько месяцев вопрос встал снова. Курио, побывавший в Равенне, где находился Цезарь, зачитал письмо от него. В нем он сообщал, что разоружится, если Помпей сделает то же самое. Сенат заявил, что письмо опасно, а человек, написавший его, опасен. Тогда один из друзей Помпея предложил, чтобы к определенному дню Цезарь, если он не разоружится, считался предателем. Когда Марк Антоний и Кассий, другой трибун, наложили на это вето, их изгнали из сената и пригрозили мечами приверженцы Помпея. Цезарь уже не сомневался в том, что его ждет в Риме. Он объяснил своим солдатам, как обстоят дела: они просили его идти дальше (49).

По закону Суллы Рубикон был военной границей Италии. Никто не мог перейти его с оружием в руках. Цезарь на мгновение остановился на берегу; затем, внезапно воскликнув: "Решающее слово брошено", он перешел реку во главе своих людей и быстрым маршем вошел в Арминум.

Поэт Лукан, писавший много позже, пытался проникнуть в тайны его разума и угадать, что происходило в нем в этот момент.

Приближение к Рубикону: фантазия поэта

Цезарь уже спешил через замерзшие Альпы, обдумывая в своем сердце грандиозные планы грядущей войны; но когда он достиг узких вод Рубикона, перед его взором с ужасом предстало видение его смятенной страны, с печальными чертами, ясно проступающими сквозь мрак, и белыми локонами, струящимися из-под венца ее башен. Вся всклокоченная и безоружная, она стояла перед ним, произнося слова, прерывающиеся вздохами: "Куда вы идете? Куда вы несете эти мои штандарты? Если вы пришли как верные граждане, то только так и никак иначе". Тогда Цезарь задрожал всеми конечностями, волосы его встали дыбом, а слабость в сердце, сковав его шаги, остановила его на самом краю пропасти. Вскоре он воскликнул: "О повелитель грома, что с Тарпейской скалы обзревает весь наш город, и

богов, что следовали за родом Иула из Трои, и тайн Квирина, утерянных для нашего взора, и Юпитера, вознесенного над Лациумом на горе Альба, и очага огня Весты, и тебя, Рим, почитаемый как божество, будь милостив к моему делу. Я не несу против тебя неистового оружия. Вот он я, Цезарь, покоритель морей и земель, и все равно везде твой солдат, если никто не запретит. На нем, на нем будет лежать вина того, кто сделал меня врагом твоим!" Затем он без промедления дал сигнал к выступлению и быстро повел своих людей через бурлящий поток.

Лукан, *Фарсалия*, i. 183-203.

Сопротивления не последовало. Цезарь не собирался прибегать к насилию. Однако в Риме, когда пришло известие о том, что он движется на юг, люди впали в панику. Помпеус потерял голову. Хотя силы, которыми он командовал, были больше, чем у Цезаря, он покинул город, оставив за собой все, включая государственную казну. Большинство сенаторов и значимых людей поступили так же.

Через шестьдесят дней после перехода Рубикона Цезарь вошел в Рим и без кровопролития стал хозяином его и всей Северной Италии. Люди, которые трепетали и верили, что за этим последует царствование террора и проскрипций, подобных тем, что проводили Марий и Сулла, снова вздохнули. Цезарь не проявлял ожесточения. Казней не было. Имущество тех, кто бежал с Помпеем, осталось нетронутым. Даже к Лабиему, одному из своих офицеров, который дезертировал и перешел на другую сторону, Цезарь был великодушен. Он отправил за ним его имущество.

Цезарь созвал тех членов сената, которые остались в Риме, и обратился к ним с мягкой и милостивой речью. Он не желал войны: он призывал их послать депутатов к Помпею. Но никто не хотел этого делать. Помпей тем временем отправился в Грецию. Цезарь не последовал за ним. Он был хозяином в Риме, но все его снабжение, все средства, которыми он жил, полностью зависели от внешнего мира. В этом мире Помпей казался хозяином. Поэтому первой задачей Цезаря было не победить Помпея, а обеспечить столицу продовольствием. Для этого он сам отправился в Испанию, где находилась сильная помпеянская армия, оставив Марка Антония за главного в Италии и отправив Курио в Сицилию. Испанская кампания была тяжелой, но после битвы при Илерде помпеянская армия была разбита. Значительная часть войск сдалась. Цезарь помиловал их, и многие из них присоединились к его легионам. Когда он вернулся домой, захватив по пути Массилию, то узнал, что Курио отлично справился с Сицилией: Катон был разбит и бежал к Помпею.

Запад был в безопасности. Из Испании, Сицилии и Сардинии в Рим стекалась кукуруза. Цезарь мог отплыть в Диррахий, чтобы встретиться с Помпеем. Помпей отверг все его предложения о мире. Он находился в сильной позиции: его армия значительно превосходила армию Цезаря, а его сподвижники были слепо уверены в победе. Они действительно проводили время, ссорясь между собой по поводу того, кто займет великие посты в Риме, когда они вернутся туда: например, кто станет Pontifex Maximus, когда Цезарь будет убит. Они были настолько уверены в победе, что когда Цезарь был вынужден перенести свой лагерь, поскольку его люди умирали от голода, они настояли на том, чтобы последовать за ним и дать сражение, хотя Помпей видел, что это игра Цезаря: в то время как промедление привело бы к его изнеможению. В битве при Фарсалии (48 г.) гораздо меньшая армия Цезаря одержала полную победу благодаря его превосходному полководческому искусству. Князья Востока прислали завоевателю свои покорности. Сенаторы и знатные люди, пережившие Фарсалию, поспешили заключить мир с Цезарем, все, кроме Катона,

который не брился и не стриг волосы с тех пор, как Цезарь перешел Рубикон, и теперь отплыл в Африку, чтобы сопротивляться до последнего.

Помпей бежал в Египет. Цезарь последовал за ним только для того, чтобы узнать новость о его смерти. Когда ему вручили окровавленную голову его главного врага и некогда друга, Цезарь отвернулся со слезами на глазах.

За много лет до этого Цезарь планировал подчинить Египет римскому владычеству, но этот план потерпел поражение. Теперь он обнаружил, что там все в смятении. Старый царь, умерший двумя годами ранее, оставил свое царство детям - шестнадцатилетней Клеопатре и младенцу. Клеопатра, которая еще в юности обладала теми необыкновенными способностями ума и обаяния, которые прославили ее в веках, очаровала Цезаря. Ее остроумие и веселье, ее красота и переменчивость завораживали его: неделя за неделей он оставался в Александрии, в то время как бывший визирь старого царя планировал опасное восстание. Внезапно оно вспыхнуло. У Цезаря была лишь горстка войск: чтобы спасти свой флот от использования против него, ему пришлось поджечь его собственными руками. С пристани пламя перекинулось на дворец и уничтожило великую Александринскую библиотеку, самую замечательную в мире. Самому Цезарю удалось спастись: ему пришлось переплыть гавань, держа в одной руке свои бумаги.

КЛЕОПАТРА
с монеты

Опасность была серьезной, но недолгой. Из Киликии прибыло подкрепление: египетские мятежники были разбиты, бывший визирь предан смерти: Клеопатра и ее брат стали правителями Египта под защитой Рима. Весной Цезарь переправился в Малую Азию, где, по его собственным словам, он пришел, увидел и завоевал. В сентябре он был в Афинах, в октябре - в Риме, в декабре - в Африке. Там, в битве при Фапсе, он подавил последнюю искру оппозиции. Катон, бежавший в Утику, покончил с собой, к большому огорчению Цезаря. Он восхищался стойкой независимостью старика и пощадил бы его. Его дочь Порция была замужем за Марком Юнием Брутом, помпеянцем, которого Цезарь помиловал и любил как сына.

Секрет милосердия Цезаря, поразившего его современников, заключался отчасти в его собственной натуре, отчасти в его ясной цели восстановить жизнь в Риме на прочном и долговечном фундаменте. В его душе не было горечи. Горечь возникает из-за внутренней

неуверенности; Цезарь же обладал редкой уверенностью в том, что он хочет сделать, и в том, что он сможет это сделать. Он не боялся других людей и их суждений. Ему не нужно было сравнивать себя с ними. Он мог стоять на своем, независимо от того, что они об этом думают. Он пришел строить, а не разрушать. Он видел, как потерпели неудачу Марий и Сулла. Сулла пытался возродить Рим на ложной основе - правление одной партии в государстве, опирающееся на обескровленные тела и разбитые судьбы другой. Он потерпел неудачу. Его система рухнула, а ее крушение привело к гибели всего государства. Более того, система Суллы не оставляла места для роста. Задача Рима в мире чрезвычайно возросла, и старая машина была совершенно неспособна ее выполнить. Цезарь хотел создать новую машину, которая могла бы управлять не городом, а всем миром.

РИМСКАЯ МОНЕТА
в честь убийства Цезаря

Цезарь с энергией и силой гиганта работал над своей колоссальной задачей. Все части государства были в беспорядке - армия, флот, казна, законы, торговля, весь государственный бизнес. Ему предстояло восстановить все это, и за неполный год он многое сделал для этого. Кроме этих великих задач были и более мелкие - реформа календаря, системы мер и весов, языка. Реформы никогда не бывают популярными. Перемены от плохого к хорошему происходят медленно и постепенно. Последователи Цезаря не стали такими богатыми, как они надеялись. Его меры были направлены на пополнение не частных карманов, а государственной казны.

Народ любил его. Их положение значительно улучшилось. Но все больше людей стали говорить, что он ведет себя как тиран и что дела обстоят не лучше, чем при старом правительстве. Некоторые из этих людей были искренними республиканцами, которые боялись, что Цезарь пытается сделать себя царем. Среди них был Марк Юний Брут.

Брут женился на дочери Катона и разделял многие его идеи. Вокруг него собралась кучка людей, среди которых самым способным был Кай Кассий, решивший освободить город от тирана. Бруту и Кассию казалось, что Цезарь уничтожает семена величия во всех других людях, чтобы сделать себя верховным. Шекспир заставляет Кассия рассуждать так:

Наказание за величие

Кассий. Что ж, человек, он властвует над узким миром

Как колосс; а мы, ничтожные людишки

Ходим под его огромными ногами и подглядываем.

Чтобы найти себе бесчестные могилы.

Люди в какой-то момент становятся хозяевами своих судеб:

Вина, дорогой Брут, не в наших звездах,

А в нас самих, что мы подвластны.

Брут и Цезарь: что должно быть в этом "Цезаре"?

Почему это имя должно быть звучнее твоего?

Напиши их вместе - твое имя столь же справедливо;

Произнесите их, оно так же хорошо ложится на уста;

Взвесьте их - оно такое же тяжелое; поколдуйте с ними,

"Брут" заведет дух так же быстро, как "Цезарь".

Теперь, во имя всех богов сразу,

Каким мясом питается наш Цезарь,

Что так велик он стал? Век, ты притворен!

Рим, ты потерял род благородных кровей!

Когда там был век, со времен великого потопа,

но в нем было больше людей, чем в одном человеке?

Когда могли сказать до сих пор те, кто говорил о Риме,

что его широкие стены охватывают только одного человека?

Теперь это действительно Рим, и в нем достаточно места,

Когда в нем есть только один-единственный человек.

О! Мы с вами слышали, как говорили наши отцы,

Был Брут, который готов был смириться с тем.

вечного дьявола, чтобы сохранить свое государство в Риме.

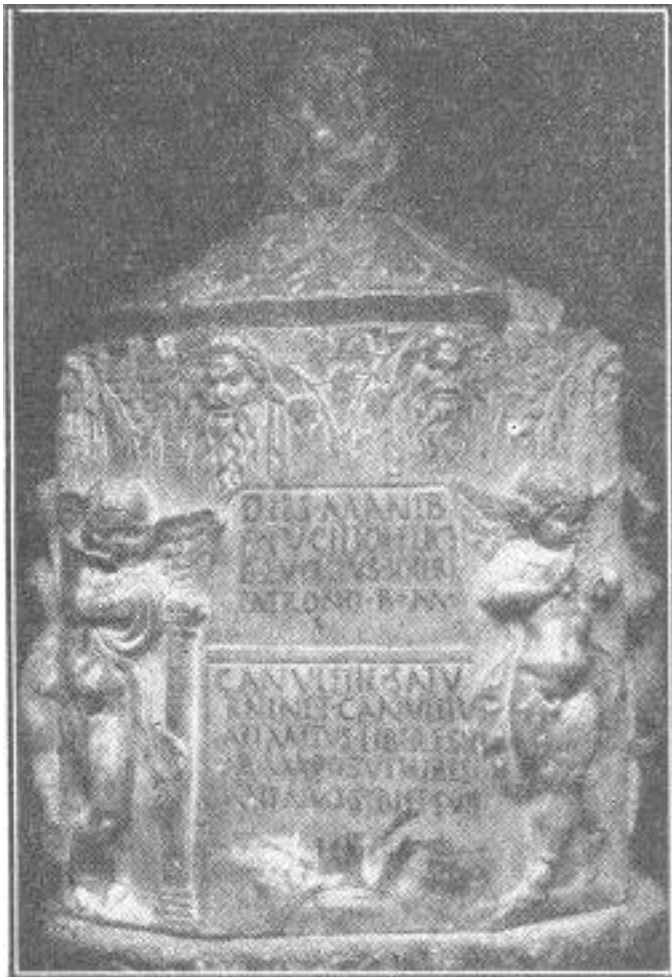
Так же легко, как король.

Шекспир, *Юлий Цезарь*, I. ii.

Цезарь был предупрежден о заговоре, но не прислушался. Он всегда держал свою жизнь в руках. Он знал, что постоянно находится в опасности. Когда прорицатель предупредил его остерегаться мартовских ид, он только рассмеялся; а когда наступили иды (15 марта) и жена умоляла его остаться дома, он не обратил внимания, а отправился на заседание сената, как обычно, чтобы заняться своими повседневными делами, выслушать прошения и так далее.

Этот день был выбран заговорщиками. Один из них задержал Марка Антония, который обычно следил за безопасностью своего шефа: остальные собрались вокруг Цезаря. По внезапному сигналу они набросились на него с кинжалами. Цезарь был безоружен. Он упал у подножия статуи Помпея, которую по его приказу установили на почетном месте.

Пронзенный шестью и тридцатью ранами, он умер. Марк Брут поднял свой кинжал, окрашенный кровью Цезаря, и, держа его наперевес, объявил, что освободил Рим от тирана.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

Так пал Цезарь (44 год). Последовали годы ожесточенной гражданской войны. Наконец племянник и приемный сын Цезаря, Кай Юлий Цезарь Октавиан, совершил то, что Брут убил Цезаря, чтобы предотвратить, - превратил Римскую республику в Римскую империю. Все императоры носили имя Цезаря. Во всем огромном мире, над которым летали римские орлы, Юлию Цезарю поклонялись почти как богу.

РИМСКИЙ ВОДОНОС
со шкурой для воды на спине

Отпечатано в Англии в издательстве Оксфордского университета